

ISSN 0869-6403

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

4 '93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

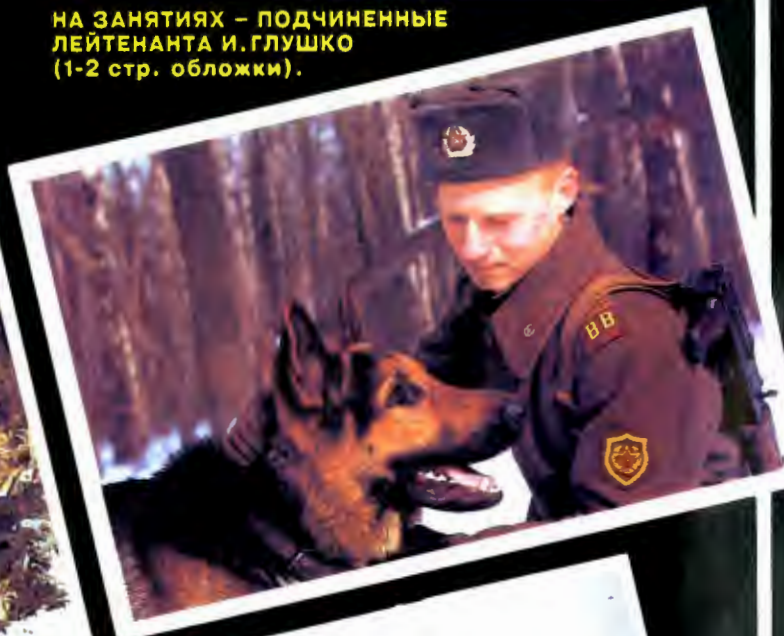

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПО СЛЕДУ

НА ЗАНЯТИЯХ – ПОДЧИНЕННЫЕ
ЛЕЙТЕНАНТА И. ГЛУШКО
(1-2 стр. обложки).

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

РОМАНОВ А. Неизвестные войска 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ПРОКОПЕНКО Н., СИМОНОВ А. Нужны ли нам офицеры? 7
БЕЛИКОВ И. Да, заместитель по воспитанию! 11
МУЧАК И. "Хлопцы, чьи вы будете?.." 13

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

ЖИТАРЕНКО В. "Витязи": "Политиком становишься под стволом автомата" 16
БУЛГАКОВ Б. Безоружные братья по оружию 21
КОКУНЬКО Г. Югославский излом 24
ДРЕСВЯНИН С. Заслон 29

***

БАБЕРДИН В. Космонавт номер "икс" 31

■ ИСТОРИЯ, ПРОЧИТАННАЯ ЗАНОВО

СЫСОЕВ Н. "Жестокой бедностью гонимы, и офицер, и рядовой..." 36
ШТУТМАН С. Дом у Покровских ворот 38

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КАМШЕКИН Н. Трясина (рассказ) 42
АРТЮХОВ Е. Надежда (стихи) 45
МИХАНОВСКИЙ В. Выстрел сквозь время (фантастическая повесть, начало) 47

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

НИСТРАТОВ И. Кикбоксинг: на ринге — вы 59
Шахматный клуб 62
Клуб знакомств "Возможна встреча" 63

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.
(зам. главного редактора),
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОРУКАЕВ Б. Р.,
ВОЛКОВ О. Л.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
КАЛАЧЕВ Э. В.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
НЕЧАЕВ Е. А.,
ПАНКРАТОВ Л. А.,
ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
СМИРНОВ Л. Л.,
УШАР А. Г.,
ФРОЛОВ В. С.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 5.02.93 г. Подписано к печати 29.03.93 г.
Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 5, 6.
Уч.-изд. л. 8, 8. Зак. № 919. Тираж 20000.
Цена по каталогу 12 руб., в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета", типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емельина.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙСКА

Начальник управления внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов генерал-майор А. А. РОМАНОВ отвечает на вопросы нашего корреспондента подполковника А. Ушара.

— Анатолий Александрович, довольно долго, пожалуй со времени возникновения частей по охране важных государственных объектов, на освещенные их деятельности было наложено табу. А ведь от усилий этих военнослужащих подчас зависело столь же много, сколь мало знало о них общество. Только ли сложной международной обстановкой это объяснялось? Или были иные причины?

— Обратимся к классике: армия — сколок

общества. Лишь сегодня мы по крупицам узнаем правду об истории нашей страны. Причем нередко о вещах куда более доступных и простых, нежели функционирование сложного армейского механизма. Стоит ли после этого удивляться, что на показ деятельности этих частей было наложено табу?!

В свое время мы отгородились железным занавесом не только от потенциальных и вероятных противников, но и друг от друга. Не покривлю душой, если скажу: чрезмерная (а в этом я не сомневаюсь) секретность отчасти навредила нам. Почему? Судите сами: общество практически ничего не знало о службе наших частей, а значит, и о заботах, нуждах, чаяниях многих и многих людей с оружием, посвятивших жизни свои служению Отечеству. Проблемы накладывались одна на другую, накапливались годами, десятилетиями, настоятельно требовали решения, поддержки общественного мнения, сограждан. Тех самых, которые в большинстве своем о нашей миссии или слухом не слыживали, или только догадывались. Круг замкнулся. Вполне возможно (хотя я и не настаиваю на этом, а лишь высказываю личное мнение), прежнему руководству страны было даже выгодно поддерживать эту завесу секретности над нашими воинскими частями, делая вид, что их нет. А значит, и нет головной боли о благополучии людей, о создании оптимальных условий для службы и нормальных — для жизни.

С другой стороны, сама специфика нашей деятельности исключала (и исключает) возможность полной огласки, ибо мы обеспечиваем в основном потребности оборонного комплекса. А заводы эти, оборудованные по последнему слову техники, поверьте мне, не пуговицы для шинелей штампуют. Я уже не говорю об объектах атомной энергетики.

— То, что их охрана в вашей компетенции, сегодня, наверно, уже ни для кого не секрет. Во многом благодаря стараниям прессы.

— Да, но все ли знают, что именно для этих целей параллельно с самими атомными объектами и создавались наши части, ведущие свою историю с 1947 года? Конечно, газеты кое-что поведали миру о нас. Но тоже в четко очерченных, допустимых пределах, не переходя грани дозволенного. Что вполне объяснимо. Согласитесь, даже самая демократическая и свободная страна располагает объектами и силами, полная и исчерпывающая информация о которых нанесла бы непоправимый ущерб государственным, национальным интересам. Другими словами, есть такие сферы в функционировании любой державы, на которые требование гласности, мягко говоря, не распространяется, ибо граничит уже с разглашением государственной и военной тайны. Эти меры предосторожности обоснованны и вполне резонны.

И не только, кстати, перед лицом возможной агрессии извне. Общественно-политическая обстановка в России ныне настолько нестабильна и тревожна, что крайне опасно безоглядное информирование всех и вся о роли и предназначении многих важных объектов. Есть свои секреты и в технологии производства (их надо тщательно оберегать), и в системе охраны (тайна за семью печатями).

Вы вправе возразить: дескать, начиная с 1947 года в войсках прошли службу десятки тысяч граждан. Согласен, но то, что знают они, вряд ли может нанести особый урон боеготовности частей и обороноспособности страны. А потом, вспомните одно из требований воинской присяги, где говорится о строгом хранении военной и государственной тайны.

— Что-то мы уж очень глубоко увязли в пучине секретности. Не пора ли выбирать на свет Божий, поближе к проблемам насущным?

— Вот и выбираемся. Сообща. О важности и нужности нашей миссии люди должны знать правду — это лишь поднимет авторитет внутренних войск в целом.

— Анатолий Александрович, признаю, что весна — не самое подходящее время для подведения итогов. Но поскольку о службе соединений и воинских частей по охране важных государственных объектов мало что известно не только массовому читателю, но и иным военнослужащим войск, расскажите, пожалуйста, об основных направлениях деятельности ваших подчиненных.

— Для информации о проделанной работе (если, конечно, она дала весомые результаты), по-моему, все времена хороши. Был бы толк... Глобальная проблема, стоявшая перед нами во весь рост, — улучшение финансово-экономического состояния. Части с 1990 года были переведены на хозяйственный и взаиморасчет с администрацией охраняемых объектов. Последнее обстоятельство немало усугубило и без того незавидное наше положение, ибо в условиях конверсии и хронической нестабильности экономики многие предприятия, увы, обанкротились и, естественно, лишились возможности содержать наши подразделения. Чем это обернулось, полагаю, долго объяснять не нужно. Достаточно сказать, что мы пережили период, когда офицеры и прапорщики несколько

месяцев вовсе не получали денежного содержания из-за отсутствия финансовых средств. Вот уж когда действительно люди несли службу не за страх и не корысти ради, а по долгу и на совесть.

Не меньшие трудности испытывали мы по той же причине и с продовольственным обеспечением личного состава. Потому-то вынуждены были брать деньги в кредит, чтобы снабдить людей самым нужным — продуктами питания и жизненно необходимыми материальными средствами. Лишь бы только не нарушить четкого ритма службы, не снизить боеготовности.

— Более чем уверен, что, заделывая брешь и пробойны в организации служебно-боевой деятельности, руководство управления соединений и воинских частей по охране важных государственных объектов информировало вышестоящие инстанции о бедственном положении военнослужащих?

— Постоянно и, поверьте, весьма настойчиво. Во многом благодаря помощи ГУКВВ и МВД Российской Федерации наши сигналы SOS были наконец услышаны правительством страны, которое своим решением полностью перевело войска на государственный бюджет. Сказать, что это было своевременное — значит ничего не сказать. Иного выхода из создавшейся пиковой ситуации мы попросту не видели. Сама логика жизни подталкивала к подобному шагу: коли войска созданы государством, призваны им охранять и защищать государственные интересы, кому, как не державе, нести ответственность за их состояние. Не в том ли суть истинно государственного подхода?

Вы, наверно, заметили, как часто я употребляю слова "государство" и "государственный". Честное слово, мне это доставляет удовольствие. Не удивляйтесь: очень уж надоело зависеть от всех сразу и ни от кого конкретно, предугадывать и предотвращать неожиданные немотивированные и слабо аргументированные решения (своя рука — владыка) администраторов различных объектов, которые мы охраняем, не столько действующих порой, сколько мешающих нормальной жизнедеятельности. Ведь в каждом регионе свои проблемы, трудности, а теперь нередко и законы. Как ни старайся, всем мил не будешь. Это с одной стороны. А с другой, образно говоря, вытаскивая палки из колес, мы не могли (с горечью в душе) не признавать суровую правоту директоров и руководителей предприятий, заводов и атомных электростанций, которые, естественно, в первую очередь заботились о своих непосредственных работниках, отводя военнослужащим незавидную роль пасынков.

— Значит, можно с удовлетворением отметить, что теперь наконец-то государство усыновило воинские части по охране своих важных объектов и специальных грузов?

— И заново возродившись, мы с ходу приступили к реорганизации штатной структуры, ибо в предшествующий период обнажились многие хрупкие, уязвимые места в "боевых порядках". Не говоря уже о том, что отдельные части и подразделения были сокращены. И не потому, что отпала надоб-

ность в охране объектов, а потому, что на тот момент иссякли источники финансирования.

В декабре прошлого года правительство определило нам конкретный объем задач. В то же время документ возложил на нас дополнительную ответственность за физическую защиту объектов.

— Истина не нова: кому многое дано — с того и спрос больше.

— И это в порядке вещей. Смешно было бы надеяться на то, что государство, по сути, освободив администрацию объектов от львиной доли обязанностей по отношению к войскам, спрашивало бы с нее за то, к чему она малопричастна.

— Товарищ генерал-майор, силы, на которые возложены столь ответственные задачи, должны быть действительно Силами с большой буквы. Насколько мне известно, и вы об этом уже упоминали в беседе, правительство приняло ряд документов, направленных на стабилизацию положения соединений и воинских частей по охране важных объектов и специальных грузов. За этими прекрасными, юридически обоснованными словами уже последовало дело?

— Ваш вопрос закономерен и естествен: мы уже привыкли (вернее, нас приучили) к тому, что после рождения очередного закона или иного правового акта далеко не сразу наступают желанные и реальные позитивные перемены. На этот раз, к счастью, все обошлось без традиционных проволочек. В первых числах этого года Министерство финансов России перечислило нам необходимые (исходя из установленного бюджета) средства, которые мы тут же отправили в войска. Это позволило частям и подразделениям, затянувшим потуже поясные ремни, немного прийти в себя и отдышаться. И теперь, когда жизнь постепенно налаживается, мы вплотную приступили к решению очередного в повестке дня вопроса — совершенствованию физической защиты охраняемых объектов. По нашей инициативе и не без нашего участия в августе прошлого года была принята правительственная программа, серьезно корректирующая ключевые моменты служебно-боевой деятельности. В ней, в частности, оговорены возможность и необходимость перевода частей на профессиональную основу. Не исключено, что для многих читателей журнала будет новостью тот факт, что мы начали комплектоваться по контракту еще минувшей осенью.

— И как идет профессионализация?

— В принципе неплохо. Есть даже такие части, где люди на должности отбирают по жесткому конкурсу: три-четыре желающих на одно место. Очень бы хотелось, чтобы и вы, и читатели уяснили одно немаловажное, на мой взгляд, обстоятельство: мы не переводим на профессиональную основу личный состав в целом. Речь идет о профессионализации каждой части конкретно. Подход — строго дифференцированный: обстоятельно изучаем объем и характер выполняемых задач, условия несения службы, морально-психологический климат в коллективе, наличие в регионе свободных трудовых ресурсов, пригодных для службы в наших формированиях, встречаемся с администрацией

городов, предприятий, руководством органов по трудоустройству. И только после детального анализа всей обстановки приходим к окончательному решению: перевести или нет часть (а может, только одно из ее подразделений) на профессиональную основу.

— В том, что интересы войск неукоснительно соблюдаются, я не сомневаюсь. А сами-то люди выигрывают от перехода на службу по контракту? Иначе говоря: что меняется в их материально-бытовом положении?

— Пока наши «профи», имеют приблизительно среднемесячную зарплату опять же средне-статистического работника того региона, в котором находятся. Это больше, чем приходится довольствоваться многим их землякам, но намного меньше, чем офицеры и прапорщики заслуживают.

— Может быть, я ошибаюсь, Анатолий Александрович, но вот мне, к примеру, профессиональный военный видится таким: все силы, знания и умение — службе и полное спокойствие за свой «тыл» — нет проблем с жильем, с обучением детей или устройством их в детсады, не болит голова о том, удастся ли на свои кровные дотянуть до получки... Как правило, объекты, которые вы охраняете, расположены, скажем так, не в очень больших городах. Чаще — это та глубинка, в которой чего только нет: квартир нет, детсадов нет, работы для жен — тоже. Все остальное — пожалуйста: есть постоянные заботы о том, как прожить на одну зарплату при жуткой дороговизне товаров, есть перебои с продуктами питания, есть возможность не тратить время в очереди за билетами в театр... Как-то бледно смотрится профессионал на таком невыгодном фоне.

— Увы, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы осознать: сегодня без решения социально-бытовых проблем вообще нельзя говорить об оптимальных условиях для выполнения тех или иных государственных задач. Тем более если речь идет о военнослужащих, охраняющих важные объекты. Вольно или невольно (чаще всего причины чисто географические) люди в погонах и их семьи лишены некоторых примет цивилизации, благ, удобств и услуг, что должно решительно компенсироваться высоким денежным содержанием, другими льготами. Найдите мне человека, который этого не понимает. Не найдете! Но между пониманием необходимости и реализацией намеченного порой колоссальная пропасть.

Знаете, в математике для доказательства теорем и решения задач применяют так называемый метод от противного. Мне иногда кажется, что он очень популярен среди властей предрешающих. Так и получается кое-где с профессионализацией: ставим людей в условия, в которых не может и не должен находиться истинный «профи», а затем вместе с ними героически преодолеваем многочисленные трудности, приводя их жизнь, как оружие, к нормальному бою. Горько сознавать это. И единственное, что утешает, — мысль о том, какие прекрасные люди у нас,

терпеливые, обязательные, верные долгу. На них в принципе все и держится.

— Вот вы сказали, Анатолий Александрович, о пропасти между пониманием настоящего и осуществлением, а мне припомнилась восточная мудрость: нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Невольно ловлю себя на том, что первые шаги к профессионализации очень уж похожи на эти невероятные прыжки: раз — и заключили контракт с человеком, поставили его на пост, два — решили создать ему минимум материально-бытовых условий... Оглянулись — нет людей, разбежались. Почему бы не разрешить проблемы в комплексе? Конечно, это вопрос риторический, я и сам могу на него ответить: потому что так было всегда. И все-таки?

— Если бы все зависело от нас! И коли уж речь зашла о парадоксах, добавлю: загадочная русская натура, поразительный российский характер способны опровергнуть все восточные мудрости. Привыкший к нашим традиционным "чудесам", повидавший немало на своем веку, я не только надеюсь, а почти уверен в том, что пропасть, о которой вы говорили, мы перепрыгнем. Мало покажется двух прыжков — сделаем третий. Но Профессионалы с большой буквы у нас будут. Это однозначно.

Чего удалось добиться уже сегодня? Ранее в городах, связанных с опасным для здоровья производством, процентные надбавки к зарплате получали только рабочие и служащие. А наш брат военный, находясь практически в тех же условиях, дыша тем же вредным воздухом, только не восьмичасовую смену, а сутки, не имел ничего сверх положенного. Теперь имеет — до пятидесяти процентов надбавки в зависимости от региона.

О жилье, ставшем притчей во языцех: к сожалению, многие военнослужащие — без собственной крыши над головой, еще больше — нуждаются в улучшении жилищных условий. Ситуация была, прямо скажем, типичная, катастрофическая. До тех пор, пока мы не решили идти другим путем. Да что там решили — пошли. Ныне мы не вкладываем средства в долгосрочное строительство (того, чего вчера хватало на пятиэтажный дом современной планировки, завтра — в результате набирающей размах гиперинфляции — недостаточно будет даже для закладки фундамента). Начиная с прошлого года приобретаем готовые квартиры для военнослужащих, чем, например, в Западной Сибири, на Урале, в центральной полосе России частично разрядили обстановку с жильем. С января этого года ежемесячно направляем в части и соединения десятки миллионов рублей только для приобретения готовых квартир. Полагаем, подобный вариант решения сложной жилищной проблемы более практичен и перспективен. Во всяком случае, на сегодняшний день, когда экономическую обстановку в стране стабильной не назовешь.

— Выходит, вы временно полностью отказались от капитального строительства?

— Нет, почему же. Там, где выгодно, не отказались. Сейчас, например, совместно с руководством Арзамаса-16 строим дом на паритетных началах: два подъезда — городским властям, два — офицерам и прапорщи-

кам. В различных областях России и уровни инфляции заметно разнятся. Мы внимательно следим за экономической ситуацией, анализируем ее и только тогда определяем, строить (по принципу долевого участия, разумеется) или покупать.

— Получается, что ваши специалисты тыла должны проявлять не только хозяйственную сметку, но и недюжинные деловые, если хотите, коммерческие способности, хорошо знать конъюнктуру рынка?

— А также иметь гибкий, изобретательный ум, вы правы. Время диктует стиль. Впрочем, это в равной степени относится к руководителю любого участка службы: работать, применяясь к местным условиям каждой части.

— Анатолий Александрович, случается, некоторые западные эксперты в прессе выражают опасение, что физическая защита наших атомных объектов, скажем, оставляет желать лучшего. Так ли это?

— Совсем недавно мне довелось принять участие в весьма представительном и авторитетном семинаре по физической защите ядерно-опасных объектов в Германии, в Карлсруэ, где находится всемирно известный центр ядерных исследований. Естественно, концепции подходов к физической защите атомных объектов различных стран отличаются друг от друга, что вполне понятно: на всем лежит отпечаток национальных традиций и особенностей государства.

Получил прекрасную возможность ознакомиться и с теоретическими выкладками, и с практикой охраны, замечу: надежность физической защиты мы обеспечиваем не хуже других. А вот в технической оснащенности хронически отстаем. К примеру, каждый ядерно-опасный объект той же Германии оборудован замкнутой комплексной системой средств охраны с единым пультом управления, контролирующим все и вся, компьютерами, постоянно накапливающими и обрабатывающими поступающую информацию и выдающими на-гора конкретные предложения по корректировке методики физической защиты.

— Нашему командиру части на электронный мозг рассчитывать не приходится?

— К великому сожалению. Обнадешивает то, что работы по конструированию подобных систем ведутся и у нас. А огорчает — что о практическом внедрении их еще и речи нет. И если зарубежные коллеги добиваются надежности охраны благодаря научно-техническому прогрессу, то мы берем энтузиазмом масс и непомерной служебной нагрузкой. А это, готов поспорить, обходится куда дороже, так как западный предприниматель не может позволить себе такой роскоши — иметь большой штат охраны, допустим, на АЭС.

Рефрен семинара: физическая защита ядерных установок и материалов начинается с принятия соответствующей законодательной базы. Юридические акты и подходы могут отличаться, но их наличие обязательно. На этом фундаменте и возводится здание охраны и обороны атомных объектов. С удовлетворением отмечаю, что в последние

годы российское правительство придерживается именно такой стратегии.

— Любопытно, на семинаре в Карлсруэ шел действительно обмен опытом? То есть западным странам тоже было что у нас перенять, чему поучиться?

— Не вдаваясь в подробности, скажу: не мало ценного для представителей других государств наработано и в России. В первую очередь их заинтересовали тактические способы действий при осложнении обстановки. Ознакомившись с фактическим материалом, я убедился: боеготовность наших подразделений, обеспечивающих охрану и оборону важных объектов, на порядок выше той, которую имеют аналогичные структуры многих других стран. Приведу пример: если в Германии концепция физической защиты рассчитана на то, что силы охраны способны сдерживать на каком-либо участке диверсионную группу в течение десяти минут, то мы подготовлены куда лучше. Наше подразделение не только дольше продержится до подхода подкрепления, но и даст противнику более решительный, эффективный отпор — практика ученых убедительно доказала это.

— Значит, не только «в области балета мы впереди планеты всей»? Лишь бы только опыт, приобретаемый на подобных семинарах, не складировался мертвым грузом в форме отчетов на пыльных стеллажах, а немедленно брался на вооружение.

— И развивался, как это делается у них.

— Товарищ генерал-майор, какими вам видятся соединения и воинские части по охране важных государственных объектов, скажем так, лет через десять? Ведь есть же, наверное, перспективная модель, к которой вы стремитесь?

— Если правительство и впредь не утратит интереса к нашим частям (а это равносильно безразличию к защищенности атомных объектов), можно рассчитывать на довольно радужные перспективы. Каковы слабые и одновременно пути развития войск?

Первое — дальнейшая профессионализация военнослужащих. Уже сейчас мы располагаем частями, стопроцентно укомплектованными людьми по контракту. Анализ результатов их деятельности приводит к выводу: качество службы и надежность охраны объектов у профессионалов выше. Второе — совершенствование технических средств охраны. Благодаря этому мы сумеем снизить служебную нагрузку и высвободить людские ресурсы, необходимые народному хозяйству.

— Сокращение войск неизбежно?

— Думаю, примерно на одну треть. Это — следствие и закономерный исход профессионализации и улучшения технической оснащенности. С внедрением автоматизированных систем управления подвергнется реформированию и уменьшению управленческий аппарат.

— Не опасаетесь подводных рифов? Скорее всего, руководители служб и отделов, вынужденные внедрять АСУ и понимающие, что в конце концов техника заменит многих из них, не станут слишком уж усердствовать на этом поприще.

— Мы готовы и к подобным неожиданностям, хотя надеемся, что логика и здравый смысл возобладают над узкособственническими интересами. Давно замечено: все новое прокладывает себе дорогу с большим трудом.

— Трудно что-либо возразить, есть даже такая половица: новые сапоги всегда жмут. Но согласитесь и вы, Анатолий Александрович, что те люди, которые будут уходить из войск, не должны чувствовать себя обиженными, обделенными, социально уязвимыми?

— Речь идет не о том, чтобы, технически вооружаясь и переоснащаясь, бездумно выбрасывать на улицу людей за ненадобностью. Ни в коем случае. Уже сейчас, предвидя возможные вопросы читателей журнала, могу сказать со всей определенностью и ответственностью: увольнять будем в основном по выслуге лет. Последовательно, постепенно и, надеюсь, безболезненно, без ущерба для социальной защищенности военнослужащих.

— А я, если вы не против, возвращаюсь к заданному вопросу: хватит ли вам десяти лет на то, чтобы превратить соединения и части в мобильные силы, технически передовые, состоящие из профессионалов?

— Десять лет?! Я могу назвать конкретный срок, отведенный войскам на то, чтобы стать такими, как вы обрисовали их. Правительство обязало нас завершить реформирование до 1996 года.

— У вас в запасе всего несколько лет?

— Полагаю, этого вполне достаточно.

— В том числе и для того, чтобы роты, батальоны, полки составили люди, довольные своим настоящим и уверенные в будущем?

— Надеюсь, да.

— В таком случае у меня есть еще вопросы, но я хотел бы их задать несколько позднее, скажем, в начале января 1996 года. Если вы не возражаете, товарищ генерал-майор?

— Категорически против. Против столь долгого перерыва в сотрудничестве. Я не назвал вам третье условие, благодаря которому нам, верю, удастся реализовать намеченное: консолидация усилий всех военнослужащих войск, полное взаимопонимание в решении любых задач, а это немисливо без помощи и поддержки средств массовой информации, трибуны, с которой я имею возможность донести свои мысли до каждого подчиненного, более того — отчитаться перед людьми о своей работе, а после, из ответных публикаций, узнать, что они думают по тем или иным вопросам, как оценивают деятельность руководства. Так что, наверное, работать будем вместе.

— Охотно. Спасибо за добрые слова.

Фото подполковника Б.БУЛГАКОВА.

нет 105

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

НУЖНЫ ЛИ НАМ ОФИЦЕРЫ?

В редакцию журнала пришло письмо. Его автор — лейтенант, вчерашний выпускник военного училища — высказывает недоумение и тревогу по поводу судеб кадровых офицеров, вынужденных из-за низкого жизненного уровня и слабой социальной защищенности увольняться из войск. Письмо написано до вступления в силу Закона «О статусе военнослужащих», но тем не менее проблемы, поднятые в нем, по-прежнему актуальны. И прежде всего потому, что офицеров, колеблющихся — продолжать службу или увольняться в запас, с принятием законодательных актов, отвечающих интересам защитников Отечества, к сожалению, меньше не становится. Поэтому письмо молодого лейтенанта и легло в основу беседы нашего корреспондента подполковника А. Симонова с заместителем начальника управления кадров ГУКВВ МВД России полковником Н. Прокопенко.

Итак, письмо...

«Мы живем в интересное время. С этой точки зрения — просто грех жаловаться на подаренную историей возможность увидеть, как ведут себя народы в эпоху великих перемен. На митингах и демонстрациях, съездах и референдумах наглядно проявляется массовое устремление людей к светлой и пока, увы, несбыточной мечте о хорошей жизни. Мы становимся свидетелями непостижимого до недавнего времени психоза разделения старинных друзей на непримиримых врагов и уже не удивляемся тому, что то в одном, то в другом регионе СНГ вспыхивают братоубийственные войны. А разразившийся в России предпринимательский бум, пожалуй, затмил знаменитую клондайкскую "золотую лихорадку". Впрочем, удивляться нечему — произошло то, чего, в сущности, и следовало ожидать.

Бывшие номенклатурщики, заранее подготовившие для себя "хлебные" места, в одночасье перевоплотились в коммерсантов. В поисках лучшей доли в дикую стихию неуправляемого бизнеса устремились деятели культуры, науки, юристы, экономисты, артисты, рабочие... и офицеры, причем не худшие. Общество раскололось на бедных и богатых. И трещина между ними, неуклонно увеличиваясь, в скором времени превратится в непреодолимую бездну.

В стране лихорадочно создается класс предпринимателей. И цель, к сожалению, оправдывает средства. На волне правового нигилизма, когда деньги и сила решают все или почти все, молодому, предприимчивому, с крепкими кулаками и приглушенной совестью человеку гораздо проще заработать миллион, чем изо дня в день, из года в год на протяжении 25–30 лет нести ставшую, увы, не-

престижной и невысокооплачиваемой воинскую службу.

На каждом инструктаже, совещании, подведении итогов мы слышим одно и то же: главное внимание — боевой службе! И все понимают, что это требование справедливо. Офицер в первую очередь обязан думать о том, как лучше выполнить поставленную задачу, совершенствовать свое командирское мастерство, а не о житейских проблемах — где приютить семью, достать продукты питания, как продержаться от полочки до полочки. Так должно быть. На самом же деле происходит обратное. Люди в погонах оказались в положении бедных родственников, которые всем в тягость. Заработная плата офицеров, несмотря на ее неоднократное повышение, остается низкой в сравнении с галопирующим уровнем инфляции.

Не лучше положение и с обеспечением жильем. Но если выпускник военного училища и получит квартиру (что можно представить себе разве только в сказочном сне), то на какие деньги ему купить, например, шкаф, стол, стулья, холодильник, кровать?.. Когда по полгода и более они вынуждены находиться в горячих точках, рискуя жизнью и здоровьем. Когда подразделения на 30–40 процентов не укомплектованы личным составом и солдат вынужден заступать на пост не через день, как это было раньше и считалось ненормальным явлением, а каждый день. А что будет по увольнению осенью—93 сразу двух призывов? Кто станет нести службу на постах?..

Не знаю, делается ли это специально, или просто о нас там, наверху забывают, но факт остается фактом — офицеры уходят из войск.

Из нашего общежития (а в нем кроме меня проживают еще двенадцать человек из разных частей внутренних войск Нижегородского гарнизона) только за последний год выехали в связи с увольнением в запас независимо друг от друга четыре офицера. Командир роты капитан Валерий Савченко объяснил свое желание уйти из войск грабительским несоответствием объема работы с ее оплатой. Уволившийся через месяц из специального моторизованного батальона старший лейтенант Олег Ерофеев сказал более кратко: "В армии оставаться сейчас просто глупо".

Лейтенант Фарид Хисматулин служил в роте специального назначения и тоже жил в нашем общежитии. Свой уход из войск он объяснил мне так: "Я могу зарабатывать намного больше, чем во внутренних войсках, причем с меньшей долей риска для жизни".

Примерно так же посетил и лейтенант Марат Арапетян, служивший в подразделении конвоирования и спецперевозок, уволившийся через месяц после Фариды.

Я почти уверен, что на этом поток увольнений ничуть не остановится. Наоборот, он только начинает набирать скорость.

В чем же дело? Бытует мнение, что люди в военной форме нарочно поставлены в такие жуткие и бесчеловечные условия, чтобы из армии, внутренних войск ушли "лишние" люди, а остались самые преданные военной профессии. Думаю, это совсем не так. Слишком уж красива подобная версия, чтобы быть правдой. Я видел немало офицеров, которые могли бы называться гордостью войск, но они не вынесли многолетнего кошмарного быта и вынуждены были "сложить оружие". Кроме того, если бы вышеописанная "красивая" версия была верной, то какая-то забота о не собирающихся увольняться все-таки проскальзывала бы. Увы, нет.

В "Военном журнале", издававшемся в Санкт-Петербурге, в 1811 году в статье "О средствах завести хороших офицеров" писали: "Итак, главнейшие средства к заведению хороших офицеров со сведениями суть:

- 1) хорошее общее и единообразное воспитание благородного юношества;
- 2) просвещенное начальство;
- 3) употребление при всякой войне сколь можно более офицеров при всяческой заботе о них государства;
- 4) производить оных за отличие в науках в вышестоящие чины".

Какие из перечисленных пунктов соблюдаются у нас? Пожалуй, лишь один — "употребление при всякой войне сколь можно более офицеров". Правда, без части второй: "при всяческой заботе о них государства". Так, может быть, внутренние войска вообще не нужны нашему государству? Да нет, наоборот, нужны, как никогда (вспомните, где сейчас не стреляют и каков уровень преступности в России!).

Стало быть, необходимость в войсках правопорядка ощущается достаточно сильно. Но почему тогда забота о них так несоизмерима с потребностью в них? Ответ на этот вопрос ждуть не десятки и не сотни человек, их гораздо больше. Но военные — не гражданские: они не бастуют, не игнорируют приказы вышестоящего командования. И прежде всего потому, что, помимо верности присяге, живет в них чувство долга и чести. Вот и остается сидеть и ждать, как Буратино плодов волшебного дерева в небызвестной стране... Или все-таки уже забрезжил свет в конце туннеля, а мы, замороженные повседневной суетой и поисками лучшей доли, попросту его не замечаем? Как бы хотелось верить, что это так...

Лейтенант В. ТОРИН".

«С УВОЛЬНЕНИЕМ НЕ СЛЕДУЕТ ТОРОПИТЬСЯ...»

Полковник Н. ПРОКОПЕНКО, майор А. СИМОНОВ

А. С. — Николай Николаевич, к письму лейтенанта Торина можно отнести по-разному. Молодого офицера можно обвинить в стремлении поставить личные интересы и материальную выгоду выше воинского долга, требований присяги; упрекнуть его в том, что не к лицу защитнику Родины, профессиональному военному сетовать на тяготы и

лишения службы, плакаться в жилетку по поводу недостаточного, на его взгляд, денежного содержания и т. д. Но можно посмотреть на проблемы, затронутые в этом письме, и по-иному, согласуя их с действительным положением вещей. О чем пишет автор? О том, что многие молодые офицеры не видят перспектив хотя бы к концу службы достичь ма-

териального достатка. И это в то время, когда их сверстники, приторговывающие в "комках", занимающиеся предпринимательской деятельностью, за год-полтора становятся если не миллионерами, то вполне состоятельными людьми. При нынешних баснословных ценах и высоком уровне инфляции даже старшему офицеру не совсем по карману купить цветной телевизор, видеоаппаратуру, более-менее приличный мебельный гарнитур. Об автомобилях защитники Отечества, по-моему, вообще мечтать перестали — стоимость их превышает число с шестью нулями. В то же время служебная нагрузка офицеров увеличилась. Укомплектованность личным составом срочной службы составляет 50—60 процентов. Внутренние войска месяцами находятся в зонах вооруженных конфликтов, несут боевые потери. В борьбе с националистами, экстремистами и попросту бандитами за последние три года погибли 59 военнослужащих, более полутора тысяч получили ранения различной степени тяжести. И правильно подмечает лейтенант, что необходимость в солдатах и офицерах правопорядка в России сегодня велика, как никогда. Но тогда вполне резонно звучит вопрос, почему так низко оценивается их труд. И есть ли уверенность в том, что Закон "О статусе военнослужащих", снимет если не все, то хотя бы наиболее острые проблемы?

И. П. — То, о чем пишет лейтенант Торин, для нас не ново. Случаются письма и поострее, и поестче. Вопрос, как жить дальше, задавали и продолжают задавать себе не только вчерашние выпускники военных училищ. Судьба страны, армии, внутренних войск волнует и младших, и старших офицеров. Нам далеко не безразлично, как государство будет регулировать процессы, связанные с материальным обеспечением и социальной защитой военнослужащих.

Не так давно постулат "кадры решают все", казался незбытым. Сегодня же с учетом изменения общественно-политической обстановки, коренных преобразований в сфере экономики правильной будет сказать: "отношение к кадрам решает все". В этой связи Закон "О статусе военнослужащих", дает все основания полагать, что в нашей державе на "человека с ружьем", наконец-то обратили внимание. Поэтому я бы посоветовал молодым офицерам и курсантам военных училищ не разочаровываться раньше времени в выбранной ими профессии и уж тем более не торопиться уволиться из войск, кто начинал службу 30, 20 и даже 10 лет назад, о подобных привилегиях и не мечтали. Не буду останавливаться на всех правах, предоставленных военнослужащим новым законом, — это отдельный разговор, а в качестве примеров ограничусь лишь некоторыми его положениями.

Так получилось, что, являясь, по сути, защитниками государства, люди в военной форме зачастую оказывались предоставленными самим себе, когда необходимо было защитить их честь, достоинство, а подчас и свободу. Особенно наглядно это проявлялось в бывших союзных республиках, на юге Российской Федерации и в регионах с неблагоприятной криминогенной обстановкой. Теперь в законе четко оговорено: "Военнослужащие находятся под защитой государства... Оскорбление военнослужащих, наси-

лие и угроза применения насилия, посягательство на их жизнь, здоровье, честь, достоинство, жилище, имущество, а равно другие действия, нарушающие и ущемляющие их права в связи с исполнением обязанностей военной службы, признаютсяотягчающими обстоятельстями при определении ответственности и назначении наказания".

Существенно изменился и подход к обеспечению военнослужащих денежным довольствием, оно состоит не только из месячных окладов в соответствии с занимаемой должностью и присвоенным воинским званием, а также процентных надбавок за выслугу лет, но и дополнительных денежных выплат. И эти выплаты достаточно весомые.

Так, выпускник военного училища может получить до 12 окладов денежного содержания в виде беспроцентной ссуды на срок до трех лет на первоначальное обустройство хозяйства. На нее можно купить и телевизор, и холодильник... Пожалуй, еще и на другие нужды немного денег останется.

По итогам года военнослужащим, проходящим службу по контракту, может быть выплачено единовременное денежное вознаграждение не менее трех окладов денежного содержания. Офицерам и прапорщикам ежегодно положена обязательная денежная компенсация в размере шести установленных законом на момент убывтия в очередной отпуск минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и в размере трех таких же окладов на жену или мужа и каждого несовершеннолетнего ребенка. Значительно увеличено единовременное денежное пособие при увольнении военнослужащего в запас. Максимальный его размер составляет 20 окладов денежного содержания, а награжденным государственным орденом (орденами) это пособие увеличивается еще на два оклада.

А. С. — Приведенные вами примеры впечатляют, но не получится ли так, что через три-четыре месяца продолжающаяся инфляция так обесценит установленные нам недавно правительством России оклады, что все эти выплаты окажутся смехотворными?

И. П. — Надеюсь, этого не случится. И вот почему. Кроме принятого уже Закона "О статусе военнослужащих", на рассмотрении находится целый пакет не менее важных документов по правовому обеспечению Вооруженных Сил, в том числе и внутренних войск. Меняется подход к комплектованию армии. На первое место выходит служба по контракту, то есть по найму. А это означает, что если человека не будет устраивать предложенная ему заработная плата, если она не будет проиндексирована или окажется не адекватной затраченному труду и тому риску для жизни, которому военнослужащий вынужден подвергаться при выполнении служебных обязанностей, то он вполне закономерно не заключит или расторгнет контракт.

А. С. — Нечто подобное у нас уже было с созданием профессиональной роты специального назначения в дивизии имени Дзержинского.

И. П. — Совершенно верно. Без соответствующей экономической и материальной базы, без заинтересованности в службе даже роту профессионалов удержать в войсках не удалось. Но на то и опыт, чтобы убедиться:

так поступать с людьми нельзя, нужен государственный подход.

А.С. — Не потому ли в Законе «О статусе...» на первый план вынесены права военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а уж затем речь идет об обязанностях и ответственности военнослужащих?

Н.П. — Разумеется, это сделано не случайно. Раньше у нас всегда в первую очередь говорили о долге, и призвыника не спрашивали, хочет он служить в армии или нет. Если здоровье позволяло, то призывали — и все. С переходом к контрактной системе комплектования войск, созданием профессиональной армии подход должен быть совершенно иным. И потому в законе с точки зрения и юридической, и психологической все выглядит правильно: вначале разъясняется, что государство предлагает военнослужащему, а затем — что взамен за предоставленные льготы и права от него требует.

Кстати сказать, с января этого года вступил в силу и действует Закон Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах». Это еще одно подтверждение тому, что государство начинает всерьез заботиться о своих вооруженных защитниках.

А.С. — Департизация и демилитаризация армии, казалось бы, вывела военнослужащих из сферы политики, хотя, откровенно говоря, я не совсем себе представляю, как это может произойти, если сотни военных избраны народными депутатами и принимают участие в политических баталиях на сессиях Советов всех уровней, а войска, находясь в ближнем зарубежье и горячих точках России, представляют собой инструмент воздействия в сфере большой политики... Но вот что касается совместности воинской службы и предпринимательской деятельности, то, по моему, сомнений ни у кого не должно возникнуть: выбирать надо что-то одно.

Н.П. — В Законе «О статусе...» сказано, что «военнослужащие не вправе совмещать военную службу с работой на предприятиях, в учреждениях и организациях, за исключением занятий научной, преподавательской и творческой деятельностью, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы». Военнослужащим запрещается использовать служебное положение для оказания помощи физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, а также получать за это вознаграждения и льготы.

А.С. — Но времена меняются, а вместе с ними и нравы. «Держать и не пущать», сегодня гораздо сложнее, ведь пресловутое «товар-деньги-товар», сводит с ума многих. В редком воинском коллективе не приведут в пример эдакого оборотистого старлея или капитана, едва успевшего уволиться в запас, но уже разъезжающего на «мерседесе».

Н.П. — Чем трудней времена, тем больше людей, склонных верить мифам. Предприни-

мательство в чистом виде — колоссальный труд и риск одновременно. Бизнесу нужно долго и кропотливо учиться. А разменивать совесть и честь на работу в криминально-коммерческих структурах, даже если обещают большие деньги и вы в них очень нуждаетесь, — вряд ли достойно настоящего мужчины, тем более профессионального военного. Поэтому я просто уверен, что многие из тех, кто погнался за легкой наживой и уволился из войск, вскоре поймут свою ошибку и вернуться к нам. Отказывать им мы не намерены. Как говорится, за одного битого...

А.С. — Россия сегодня переживает трудное время, но вместе с тем к нам возвращается историческая память, а с ней и лучшие традиции русского офицества. Недавно мне случайно попался в руки выпущенный в конце прошлого года военно-исторический календарь. Мое внимание в нем привлекли такие слова: «Обладать честью во все времена было признано необходимостью для офицеров. При всех остальных хороших качествах офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и марает мундир. Честь — святыня офицера, она — высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте». Эти слова принадлежат полковнику Генерального штаба Русской армии М.С. Галкину и сказаны им почти сто лет назад.

Н.П. — Несмотря на вековую давность, они актуальны и в наши дни. Мы должны помнить: русские офицеры служили в армии не из-за денег. Другое дело, что в те времена отношение в обществе к человеку в военной форме было качественно другим. И формировалось оно на самом высоком уровне. Не случайно до самого начала первой мировой войны офицеры составляли, пожалуй, наиболее образованную часть российской интеллигенции. В русской литературе офицерами были Давыдов, Лермонтов, Глинка, Толстой, Фет, Баратынский, Куприн, Гумилев; художники Федотов и Ярошенко; композиторы Мусоргский, Кюи, Алябьев; артисты Максимов, Неделин, Южин... Нынешнему поколению российских офицеров есть с кого брать пример.

А.С. — Николай Николаевич, вы верите в то, что Россия сумеет «завести хороших офицеров»?

Н.П. — Они у нас были, есть и будут всегда. Кто, не прибегая к митинговщине и забастовкам, проявил невероятное терпение и сдержанность в ожидании, когда же наши законодатели обратят внимание на нужды армии? Офицеры! Чьи семьи испытывают трудности и лишения не меньшие, по сути, чем их кормильцы? Офицерские! На ком вот уже почти три года держатся внутренние войска при значительном некомплекте личного состава срочной службы? На офицерах!.. Я, конечно, далек от мысли, что с принятием пакета документов по Вооруженным Силам все проблемы будут решены. Потребуется некоторое время для выработки механизма действия законов. Но то, что они приняты, что наши политики оказались небезучастны к судьбам кадровых военных, — вселяет надежду и уверенность в завтрашнем дне.

ДА, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПО ВОСПИТАНИЮ!

Продолжаем обсуждение статьи майора М. Кибаккина "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" (На боевом посту, 1992, № 11 — 12)

НЕТ, ОТНЮДЬ не тоска по комиссарам и по той поре, когда они, воспетые в героико-революционных песнях, делали свое дело, заставила меня взяться за перо. Призвали к тому стыд, боль и горечь, которые я, в прошлом кадровый военный, посвятивший лучшие годы политической работе, испытываю, глядя на убогое и жалкое состояние нашей армии, лишенной нравственной опоры, поглощенной проблемами социальной незащищенности.

Скажу сразу: я не во всем согласен с майором М. Кибаккиным, хочется в чем-то возразить, поспорить. Вызывает протест некий налет орничества, когда речь идет о вещах архисерьезных. Да и путаница в суждениях есть. Но это, видимо, полемические издержки, не в них суть. Предвижу, что и сам пристрастен, вызову на себя огонь "радикалов".

Да, в перестроечно-разрушительном раже, не без весомого личного вклада одного из руководителей бывшего ГлавПУРа генерала от философии Д. Волкогонова, ниспровергнуто почти все — "до основания". А затем? Затем, правда, последовали робкие коррективы. Но это как мертвому припарка. Нужны смелые, принципиальные решения, признание того, что после Августа-91 ошибок тоже хватает и незачем по инерции кивать на Октябрь. Верю, что такие перемены наступят — обязательно: жизнь заставит.

Начну с того, что уже само название нынешних должностей — заместитель ли командира, помощник ли с довеском "по работе с личным составом", — при всей кажущейся простоте и прозрачности неудачно, невразумительно, двусмысленно. А с кем, спрашивается, тогда работает командир любого ранга — разве не с личным составом? Даже начальник службы собак, и тот имеет дело в первую очередь с людьми, а не с животными, коими занимаются специалисты — инструкторы, вожатые, дрессировщики.

Думается, на смену прежнему замполиту, коль таковой, по мнению "реформаторов", представляет опасность для утверждения демократических постулатов и единоначалия на беспартийной основе, должен прийти заместитель по воспитательной работе. Согласитесь, это профессиональное имя наиболее точно отражает содержание деятельности, связанной с духовно-нравственной сферой воинской жизни. Что, разумеется, не снимает ответственности за воспитательный процесс с других должностных лиц: смотри в устав!

Далее. Любые реформы лишь тогда проходят успешно, когда в них заложены конструктивно-созидательные идеи, четко определе-

ны цели и способы их достижения, продуманы новые и сохранены на вооружении хорошо зарекомендовавшие себя старые формы работы. Это аксиома. Что же мы видим сегодня? Увы и еще раз увы, поспешно созданные структуры "по работе с личным составом", находятся в слепом поиске, как путники, загнанные обстоятельствами в темный лабиринт, по-настоящему не определились — для чего предназначены, чем предстоит заниматься, за что отвечать... Часть вчерашних политработников растерялась, а многие из них просто-напросто не представляют толком, что это за материя такая — психологическая подготовка к службе, правовое обеспечение или, как его еще называют, "сопровождение" воинской деятельности, из каких, образно выражаясь, узлов и деталей состоит механизм социальной защиты. Нужны специальные знания, высокая педагогическая культура, нужны, если хотите, новые люди. А на это потребуются годы и годы.

Пока же с нынешних "замполудов", по-прежнему спрашивают в основном за дисциплину, благо работы тут невпроворот. И они, как и раньше, подсчитывают, сравнивают, анализируют, готовят доклады, ведут переписку с прокуратурой, судами, военкоматами. Спору нет, это важное дело офицеров-воспитателей, ибо, невзирая ни на какие реформы и деформации, воинская дисциплина по природе своей остается сознательной, основанной на глубоком понимании долга гражданина, защитника Родины. Вместе с тем она не является чем-то самодовлеющим, кастовым, за ней стоит весь многогранный комплекс проблем воинской жизни, отвечать за который должны все — и тот, кто командует, организует службу и обучение, внутренний уклад и распорядок, и тот, кто заботится о нравственном, духовном самочувствии солдата, и тот, кто кормит, одевает людей, обогревает казарму и караульное помещение.

А как чувствует себя сегодняшний "замполуд", в качестве организатора общественно-гуманитарной подготовки, пропагандистской работы, культурного досуга воинов? В ответ нередко слышу: лучше вспомните, какое наследство ему досталось от канувшей в Лету "классической", ППР.

Что ж, я и сам никогда не испытывал восторга от уровня партийно-политической работы в подразделениях. И от политзанятий, на которых сплошь и рядом зазудно пересказывали, а то и просто читали материалы очередных съездов, пленумов, сессий, не очень-то в них веря — по горло были сыты враньем. И от бесед, политинформаций, не пробуждающих, а, скорее, убивающих инте-

рес к событиям в мире. И от так называемой наглядной агитации, польза от которой была обратно пропорциональна настенному фанерно-мануфактурному изобилию. На политзанятиях откровенно, не щадя самолюбия, делился своей печалью с проводившими их офицерами: бедные ваши солдаты, вынужденные терпеть все это, утешаясь тем, что служивому человеку присягой предписано стойко переносить любые тяготы, в том числе, видимо, и такие, с позволения сказать, "уроки идейной закалки".

Да, политработа зачастую напоминала сизифов труд для галочки, для отчета. В ней насаждались махровый формализм, казенщина, показуха. Но резкая критика, обращенная в прошлое, вовсе не означает, что от всего разом надо отказаться, не придумав и не предложив ничего лучшего взамен.

Побывав недавно в одной из частей, сколько ни пытался, не мог добиться вразумительного ответа: для чего предназначены и как называются сейчас комнаты, носившие имя Ленина. "Информация"? Но в них голые стены, кое-где аллюватно размалеванные самодельными художниками, и стандартная мебель, даже главный информатор — телевизор — не везде исправен, нет ни газет, ни журналов, ни книг. "Психологической разгрузки"? Но от скудной обстановки, неуюта, уродливой настенной мази разгрузка скорее обернется нагрузкой.

Такая же невеселая картина и во многих других воинских коллективах. Захирели даже некоторые клубы и библиотеки, и раньше-то не блиставшие творческой изобретательностью культпросветработников. Из-за острого дефицита служивых, а стало быть, и талантов, под откос ушла художественная самодельность. Солдаты стосковались по живому человеческому слову: круг мероприятий, дающих возможность пообщаться с интересными людьми, сузился до предела, одни команды угостовано теперь слушать бойцу.

Куда ни кинь — везде клин: составные элементы старой политработы или сместины, или парализованы, а новых нет и в помине.

ВРЯД ЛИ КТО станет оспаривать истину: воспитательный процесс — не просто ассортимент форм, методов, приемов, которым учат на занятиях по соответствующему курсу (впрочем, сейчас и этому уже толком не учат), а прежде всего работа с людьми — со всеми вместе и с каждым в отдельности. Как ни старался в свое время анушить эту простейшую, казалось бы, истину выпускникам политехлицца, редко встречал понимание с их стороны. Лишь единицы, в лучшем случае десятки из многочисленной армии ротных политработников имели право именовать подлинными воспитателями, аластителами дум и сердец солдатских в полном и возвышенном значении этих понятий.

Об одном из них, Григории Евсеевиче Ивашкове, хотелось бы сказать несколько слов. Познакомились мы еще в 1961 году, я был тогда начальником политотдела дивизии. А совсем недавно долго беседовал с ним, полковником в отставке Ивашковым, по телефону, вспоминали былое. Отцовской дорогой идет Ивашков-младший, ныне заместитель командира по работе с личным составом в одной из частей внутренних войск.

Это был воспитатель по призванию, что называется, Божьей милостью. Мне случалось в те далекие уже времена устно и в

войсковой печати пролагандировать опыт Григория Евсеевича. Больше того, работая в части, я просто заставлял некоторых его коллег-неумех, вечно ноющих, что им достались и не те командиры, и не те подчиненные, пойти к Ивашкову в роту, своими глазами посмотреть, как живут и служат там люди, поучиться.

Его отличала неумная жажда творчества, неустанного поиска. В большой казарме, вмещавшей два батальона и несколько спецподразделений, рота Ивашкова выделялась особым, неповторимым микроклиматом, напоминая светлый оазис, где все было проникнуто заботой о духовном и культурном росте солдата. В клубе полка часто демонстрировались интересные фильмы, но лишь у Ивашкова после киносеансов разгорались горячие диспуты. В зрительном зале регулярно читались скучные лекции, на которые строем приводили личный состав и зорко следили, чтобы все сидели смирно и не дремали, а у Ивашкова солдатские команды без понуканий часами увлеченно сражались в собственном Клубе веселых и находчивых. И не в полковом очаге культуры, а в этой роте чаще появлялись знатные люди труда, ветераны войны, писатели. Сюда приезжали молодоговардейцы Краснодона, с земляками юных героев солдаты долго потом переписывались и даже ездили к ним в гости.

Не Ивашков изобрел индивидуальную работу, о ней написаны горы статей и диссертаций. Ученых знатоков не честь. А вот умение находить ключ к сердцу каждого солдата, заботиться о его самочувствии, быть для него старшим товарищем — дано немногим. Для этого требуется огромный талант человечности. И никакие училища, курсы повышения педагогической квалификации, никакие гуманитарные академии и военные институты не помогут, если такого таланта у офицера нет.

Всегда открытый, приветливый, Григорий Евсеевич угадывал малейшие нюансы в настроении подчиненных, первым спешил на помощь в трудную минуту. С этим связано множество историй, эпизодов, случаев — увлекательную и поучительную для нынешнего поколения офицеров книгу можно написать.

Таким, как Ивашков, и представляется мне сегодняшний заместитель командира по воспитательной работе. Перед ним живые люди: изучай, выдумывай, пробуй, дерзай, твори! Иначе не разрешить острых "пострестроенных" проблем, свалившихся на войска.

В солдатский строй становятся нынче "дети Арбата", смолodu овладевшие "искусством" бизнеса, ловкачества, обмана, легкого обогащения, не гнушавшиеся торговать наградами, памятными знаменами, армейской амуницией — всем, что до недавнего времени почиталось святым, неприкосновенным для грязных барышников. Таким юношам, напроць лишенным понятий о чести, достоинстве, патриотизме, пропитанным отравой нигилистических воззрений на наше героическое прошлое, непросто внушить, что есть воинский долг, служение Отечеству и народу. Но пока мы этого не добьемся, не станут армия и внутренние войска по-настоящему боеспособными, готовыми надежно защищать государственные интересы России.

Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.

Горячая командировка

“ХЛОПЦЫ, ЧЬИ ВЫ БУДЕТЕ?..”

... — Мартынюк, не спишь?
 — Да что вы, товарищ старший лейтенант, уснешь тут...
 — Миронец!
 — Весь на боевом посту: как филин, глазами лупаю.
 — Лупай дальше. Ромашевский!.. А, черт, ни зги не видно, чуть не налетел на тебя.
 — А я вас издалека заприметил.
 “Ой, хитришь, брат Ромашевский, — подумал старший лейтенант Дмитрий Белявцев, — какое здесь — издалека, если темень кругом — хоть глаз выколи..”

В который раз уже, следуя излюбленному и, кстати, оправдавшему себя правилу — “лучше пересолить, чем недосолить..”, офицер обходил посты вокруг контрольно-пропускного пункта, проверяя службу, подбадривая солдат. И себя, разумеется: как-то спокойнее на душе, когда не только знаешь, но и видишь, что вся группа — на боевом взводе, словно пружина, готовая распрямиться в любую секунду. Не мешало бы, конечно, и самому вздремнуть хоть часок-другой: как-никак вторые сутки на ногах. Да где уж там, когда вокруг, можно сказать, война: на днях на такой же, как у него, войсковой наряд напали боевики, судя по всему, неплохо обученные и оснащенные. Явно не местные селяне, живущие вдоль Терского хребта. Им до военных никакого дела нет. Так и говорят: “Раз приказали вам тут стоять — стойте на здоровье..”. Правда, вряд ли дневное и ночное бдение здорово полезно. Но ничего не поделаешь — служба.

И вот уже несколько ночей войсковые наряды пребывали в тревожном ожидании: кто его знает, где, на каком участке вновь заговорят автоматы? КПП мало напоминает неприступную крепость (можно сказать, ничего общего), хотя и оборудован (увы, не всегда) в инженерном отношении железобетонными блоками, обеспечен боеприпасами и теоретически способен довольно долго держать оборону (этих бы творетиков сюда на неделю). И все же инициатива — на стороне нападающих, стало быть, и фактор внезапности тоже. А есть ведь еще и другие обстоятельства, сопутствующие успеху боевиков. Но об этом — чуть позже..

С восходом солнца напряжение несколько спало. Зато тяжким грузом навалилась усталость: люди вымотались до предела. Да еще предательски расслабляла одна препротивная мыслишка: коли ночью бандиты не сунулись, днем вряд ли осмелятся. Вся местность как на ладони, прямо-таки поле Куликово (только очень маленькое), если, понятное, на горы внимания не обращать — не то что человек,мышь не проскользнет мимо контрольно-пропускного пункта незамеченной.

На поверку же вышло, что никто и не соби-рался тайком подкрадываться к войсковому

наряду или, напротив, атаковать его позиции в полный рост. Беда пришла откуда не ждали, но, как ни странно, и неожиданной-негаданной ее не назовешь. Сценарий был не нов: именно этой тактики боевики придерживались и раньше, а вот эффективного “противоядия”, до сих пор теми же уважаемыми теоретиками не выработано.

ИЗ СЛУЖЕБНОГО ДОНЕСЕНИЯ. “Ориентировочно в 11.05 — 11.25 к КПП подъехала автомашина УАЗ-469 с четырьмя-пятью мужчинами в милицейской форме. Сотрудник милиции, находившийся на КПП, сказал, что знает этих людей, чем и усыпил бдительность группы прикрытия. После нескольких фраз отвлекающего характера двое в милицейской форме выскочили из автомобиля и захватили заложниками военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел..”

Что означает захват заложников? Только одно: пиши — все пропало, ибо нападавшие тут же становятся полновластными хозяевами положения и начинают нагло диктовать условия.

Белявцеву (он с несколькими военнослужащими был в вагончике, отрезанный от группы прикрытия) предъявили жесткий ультиматум: выбирай, командир, или ты сдаешь оружие и мы убираемся восвояси под здоровую, или сейчас же начнем по одному расстреливать твоих бойцов-заложников, а автоматы соберем позднее, но никто из вас этого, конечно, уже не увидит... Снаружи послышались первые выстрелы, взрывы гранат, времени на раздумья у старшего лейтенанта не было, и он принял, по его мнению, единственно верное решение: оружие сдать, людей сохранить.

Однако не все подчиненные выполнили (точнее, успели выполнить) распоряжение офицера: к этому времени в кустарнике на обочине дороги с простреленной ногой истек кровью старший сержант Игорь Мартынюк, а сержант Алексей Макаров, водитель, лежал возле своего бронетранспортера с продырявленным осколком легким и крыл бандитов последними словами. Первым делом “свои” швырнули в БТР кумулятивную гранату, которая пробила корпус и вывела из строя весь экипаж. Легкие ранения получили рядовые Анатолий Пашкевич, Александр Лукьянов, Сергей Ромашевский, по сути, принявшие бой.

Как же это все случилось?

Дело в том, что фраза из донесения (к слову, составленного сотрудником милиции) — “усыпил бдительность группы прикрытия”, — деликатно выражаясь, не совсем соответствовала действительности. А говоря напрямую — примитивно искажала ее. Не так уж быстро и легко удалось преступникам одержать верх над войсковым нарядом, вернее,

той его частью, которую составляла группа прикрытия.

А было это так. Да, бойцы пропустили машину, на дверке которой красовался огромный российский триколор, на смотровую площадку — с санкциями капэпэшного милиционерского чина с большими правами и ограниченной ответственностью. Но увидев, что приезжие выскочили из автомобиля и, вооруженные, кинулись к стоявшим поблизости солдатам из группы досмотра, помощник начальника войскового наряда старший сержант Игорь Мартынюк, как и предписано инструкцией, открыл огонь. А в это время из кузова подъехавшего следом за уазиком ЗИЛа выпрыгнули около тридцати мужчин с оружием в руках и, растянувшись цепью, с громкими криками и гиканьем побежали к КПП. Мартынюк оказался отрезанным от Белявцева и не смог (была бы рация — да где же ее взять?) доложить ему о круто осложнившейся обстановке. Он ведь не знал, что этот доклад мало что изменил бы в создавшейся ситуации: в руках боевиков были заложники.

Не праздновали труса и его сослуживцы.

РЯДОВОЙ АНАТОЛИЙ ПАШКЕВИЧ. Сменившись с поста, я слегка прикемарил. Проснулся от взрывов, выстрелов. Гляжу — Господи Боже! — ко мне несется мужик с гранатой и кричит: «Бросай автомат!». Ну уж, дудки, думаю. Отпрыгнул в сторону. И врозь. Как раз туда, где остался лежать мой ватник, полетела граната. Кумулятивная. Взрывной волной меня отбросило в канаву. Пока в себя приходил да выбирался, смотрю — прямо передо мной бородач и в каждой руке по гранате. Злой как собака. Он замахнулся так, будто хотел не бросить гранату, а ударить ею меня по голове. Расстояние — не больше трех метров. Я выстрелил и, видимо, попал в поднятую руку. Граната выскользнула и упала позади него. И почти тут же громынуло. Мужчину бросило на меня, и мы уже вместе покатались в канаву. Он был весь в крови, не подавал признаков жизни. Я же схватил автомат и снова попольз наверх...

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА. Говорят, кто старое помянет... Словом, несколько месяцев назад мне довелось заниматься материалами уголовного дела, возбужденного в отношении Пашкевича за физическое оскорбление сослуживца. Действия Анатолия тогда признали малозначительными, дело закрыли. Но я никак не мог избавиться от ощущения, что этого солдата мы, как говорится, упустили. Однако Анатолий продолжал служить, несмотря на то, что его земляки гуртом и поодиночке обивали пороги различных кабинетов с просьбами перевести их на родину, в Беларусь. Пашкевич добровольцем поехал в спецкомандировку. И, отражая нападение, в числе немногих, раненый, сохранил оружие, не сдал его боевикам. Он и сейчас, по-моему, на Кавказе. Вот ведь на каком оселке люди проверяются. И я рад, что ошибался в нем.

Санинструктор роты сержант Эдуард Миронец (его, уже разоруженного, «гуманные» гости выпустили из караульного вагончика для оказания первой медицинской помощи истекающим кровью бойцам) оглянулся и увидел, что водитель бэтээра сержант Алек-

сей Макаров под прицелом трех боевиков. Броситься к Макарову на помощь — значит, наверняка оказаться, как и он, в заложниках. Но как ему, санинструктору, оставить раненого, кинуть на произвол судьбы. И кого — Лешку Макарова, который, опасаясь мышей, боялся спать на полу в вагончике, зато наотрез отказался показать боевикам, как завести бэтээр. Более того, вывел из строя эту бронированную громадину, лишь бы она не досталась противнику. Несмотря на то, что перед его глазами постоянно угрожающе прыгал ствол автомата.

Не обращая внимания на боевиков, Эдуард перевязал товарища.

Остается только позавидовать старшему лейтенанту Белявцеву, что у него такие солдаты. Хотя в тот момент вряд ли бы кто ему позавидовал. Полностью блокированный в вагончике и разоруженный вместе с группой военнослужащих, он, конечно, не мог руководить действиями своих подчиненных, вступивших в схватку с бандитами. Хотя и пытался. Но едва фигура офицера появилась в дверном проеме, как тут же автоматные очереди по фанерным стенкам заставляли его отступить.

А бой постепенно затихал. Солдаты, лишенные управляющего начала, действовали разрозненно, интуитивно. По сути, защищали себя и честь свою солдатскую. Стойко и мужественно, надо отдать им должное. Это больше напоминало не организованное отражение атаки противника, а драку по принципу «стенка на стенку», с той лишь разницей, что обе «стенки» были вооружены автоматами. Да и перевес сил у бандитов был решающий: они брали не умением — числом. Солдат «вязали» поодиночке, пока Белявцев зафлаженным волком метался по вагончику, понятия не имея, что происходит за его стенами. Не было связи с бэтээром, с группой прикрытия. Да и вообще связи не было...

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА. И в этой горячей командировке, и после нее мне так и не удалось услышать ни одной более-менее квалифицированной оценки происшедшего. Кажется, никто (кроме юристов) не попытался ни с военной, ни с общечеловеческой точки зрения детально разобраться в случившемся и сделать аргументированные выводы. Не для того, чтобы определить меру вины офицера, а для того, чтобы подчеркнуть степень риска и возможность потенциальной, может быть, неизбежной неудачи, на которые он был обречен изначально, выработать рекомендации, дабы свести обнажившиеся просчеты к минимуму и помочь солдатам и командирам, не испившим еще из той же горькой чаши, что Белявцев и его подчиненные...

Как это ни парадоксально звучит, трудно быть объективным в оценках, даже располагая относительно полной информацией о службе войсковых нарядов в горячих точках. Слишком уж много различных за и против переплетаются здесь в сложный узел противоречий. У меня и сейчас перед глазами осунувшееся, посеревшее лицо старшего лейтенанта Белявцева. Юристы признали действия офицера в создавшейся ситуации закономерными и правильными. Но это немалого утешило его, ибо понимал: оружие, которое он сдал боевикам, в любую минуту

может выстрелить по военнослужащим и мирным жителям.

А мог ли тогда вообще войсковой наряд на КПП эффективно отразить вооруженное нападение боевиков? Готов ли он к этому сейчас?

Попробуйте сами решить эту нелегкую задачу со многими неизвестными, но для полноты исходных данных припомним те обстоятельства, которые, как я уже отметил вначале, вольно или невольно сопутствуют успеху боевиков.

Во-первых, невероятно трудно разобраться, кто здесь, в регионе, раздираемом межнациональными противоречиями, свои среди чужих, а кто — чужие среди своих. Ведь и в том злополучном узике сидели люди не в штатском, с виду — блюстители порядка. И таких машин с сотрудниками (или псевдосотрудниками?) ежедневно через КПП проходит немало — поди разберись. Все милиционеры при оружии, и документы в порядке. Подчиненные Белявцева делились наболевшим: не однажды связывались они с РОВД, докладывали о спящих туда-сюда работников милиции. Может, неспроста? — спрашивали. Коли удостоверения есть — пропустите без разговоров и не отвлекайте нас от работы такими пустяками, — отвечают. И все. А тут, как на грех, у каждого второго — милицееское удостоверение. И у тех, кто в форме, и у тех, кто в штатском, и у старого, и у малого. Здесь этих документов, наверно, раз в десять больше, чем милиционеров.

Вот уж где действительно могла бы выручить четко налаженная войсковая система взаимоотношения о передвижениях вооруженных групп в любой униформе. Нельзя право на приватизацию этой бесценной информации безоговорочно и безропотно передавать местным органам внутренних дел. Самим позарез нужна. А для этого, как минимум, необходима связь. И между контрольно-пропускными пунктами, и с комендатурами. И уж конечно, между начальником войскового наряда и его главной огневой силой — батээром.

Мне приходилось организовывать службу КПП. Вместо положенных шести-семи радиостанций получал не больше четырех, а заряженных аккумуляторных батарей хватало только на две. В лучшем случае. "Ничего не поделаешь, нет мощностей, чтобы в этих условиях ежесуточно подзаряжать все аккумуляторы", — сетовал начальник связи. И его можно понять — у него своя головная боль, свои проблемы. А была бы связь — глядишь, не свалился бы неожиданно на бедную голову Белявцева целый взвод вооруженных боевиков под прикрытием "милиции".

Теперь — второе. В необходимости взаимодействия военнослужащих с сотрудниками органов внутренних дел никто не усомнится: в один возок впряжены, плечом к плечу выполняем задачи по обеспечению общественной безопасности в горячих точках. Но чем объяснить, что деятельностью войскового наряда во главе с офицером, в сущности, руководит старшина или сержант милиции из "местных", ответственный за этот участок? Только тем, что так предписано инструкцией. Других разумных обоснований этой абсурдной ситуации не подыскать. Да не почитай "старший милицкий начальник", на КПП у Белявцева тех боевиков "своими", (а может, действительно свои были?), неизвестно еще, как бы дело повернулось, не зна-

сам-то он после первых же выстрелов шмыгнул в кусты и был таков. А кашу расхлебывали служивые. Вот такой начальничек...

В-третьих. На одном из постов солдаты спросили меня: "Почему нас забросили к черту на рога и еще в столь неудачное место? Отсюда — никакого обзора, зато нас издали видать — местность такая. Ведь если передвинуть КПП чуть севернее за Терский хребет, и для дела лучше будет, и нам безопаснее?!". И они, к сожалению, оказались правы на все сто — именно этот наряд был разгромлен одним из первых. К ним даже помощь подоспеть не смогла — далеко, да и технику гнать через перевал на большой скорости — себе дорожке.

Как же так получается, что наши стратеги не понимают того, в чем любой ефрейтор, "академиев не кончавший", без труда разбирается? Не умышленно же мы выставляем посты туда, где их проще всего блокировать и обезоружить? Предвижу возражение: оперативная целесообразность не всегда стыкуется со складами местности, с командного пункта и дальше, и лучше видно и здесь, мол, с иной меркой к проблеме подходить надобно. А с какой меркой к жизни человека, солдатским подходить прикажете? Попробуйте сами потом матерям, неутешным от горя, объяснить высший смысл оперативной целесообразности.

И последнее. Сказав, что всякая боевая позиция войскового наряда оборудована железобетонными блоками, я покривил душой, каюсь. Правильнее было бы отметить: должна быть оборудована. Любой ценой. Подсобит местная администрация — спасибо ей великое, а нет — так крутись сам, командир: вынь да положь. Приходится даже останавливать автокраны, кланяться в пояс — выручайте, соотечественники, ибо, вас охраняючи, запросто с жизнями расстаться можем: передвиньте вагончик, уложите блоки, выровняйте площадку... Одни охотно помогают, другие — скрепя сердце, а третьи искренне удивляются: "Чего ж вы, ребятки, так бедствуете? Вон, во Владикавказе этой техники — тьма-тьмуца, не пересчитать. Неужто не дают?". Кто его знает, может, там она и есть, но не про нашу честь.

Да и "маловато будет", железобетонных блоков, чтобы обеспечить безопасность и маневренность бойцов и превратить КПП в маленький, но надежный форт, способный противостоять натиску вооруженных боевиков до подхода подкрепления. Еще в пещерном веке наши пращуры применяли эту тактику, огораживая свои стоянки тяжелыми валунами. И то не всегда спасало от матерого хищника. А если у этого матерого — бронетехника и автоматическое оружие?

Увы, солдаты в недоумении: кто мы здесь? Верхам — вроде как чужие, милиции — не ровня, администрация — обуза. Ну точь-вточь как в той революционной песне: "Хлопцы, чьи вы будете, кто вас в бой ведет?...". И действительно — чьи?

Майор И. МУЧАК.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, стало известно, что Указом Президента России орденом "За личное мужество", награждены старший сержант И. Мартынюк, сержант А. Макаров, рядовые А. Пашкевич, А. Лукьянов и С. Ромашевский.

“ВИТЯЗИ”: «ПОЛИТИКОМ СТАНОВИШЬСЯ ПОД СТВОЛОМ АВТОМАТА»

ОТ АВТОРА.

В последние годы журналистские пути-дороги сводили меня со многими мужественными людьми: летчиками, эвакуировавшими беженцев из горячих точек, защитниками Приднестровья, бойцами миротворческих батальонов. Не понаслышке знаком и с армейским спецназом — ходил на операции с его бойцами, попадал под обстрелы, бомбежки.

Недавно судьба подарила встречу со спецназовцами в краповых беретах — отрядом внутренних войск МВД России “Витязи”. В Северной Осетии и Ингушетии был участником их рейдов в горные деревушки и ущелья в поисках незаконных “арсеналов”, заложников.

Признаюсь — был восхищен высочайшим профессионализмом и мужеством этих парней. В своей “Звездочке”, опубликовал серию репортажей и очерков, которые вызвали читательский интерес. Он понятен — о необычном этом отряде многие узнали впервые. В частности, я написал и о том, почему солдаты и офицеры нередко действуют в масках, не афишируют своих фамилий. Сколько раз угрожали им и их семьям люди с нечистой совестью! Поистине непредсказуемо время и общество, позволяющее злу вершить грязные дела с открытым забралом, когда защитникам правопорядка приходится маскироваться. И вряд ли пуль бояться “Витязи”. Страшнее пули ранит хула националистически зашоренных или, напротив, свехосторожных политиков, очернительство подыгрывающих им журналистов.

Именно поэтому и решил предложить свой взгляд на благородную и героическую миссию “краповых беретов”, там, где кипят политические, националистические, да и просто кровавые страсти.

Полковник Владимир ЖИТАРЕНКО,
редактор отдела очерка и публицистики газеты “Красная звезда”.

О ПИРАТСТВУЮЩЕМ бронетранспортере “Витязи”, узнали накануне. Оперативная информация гласила: носится ошалело по дорогам, останавливает грузовики, устраивает их проверку. Наблюдали и такое: обстрелял кого-то. По докладу поста российской армии, даже в его адрес экипаж бэтээра не поспешил на угрозы. Одним словом, надо было брать “пиратов”. Как? Это уже обмозговывали командир мобильных сил отряда в районе чрезвычайного положения подполковник Александр Иванович и полковник Сергей Сергеевич из штаба внутренних войск МВД России.

Непосвященному могло показаться: вооруженных незнакомцев, что называется, слепой случай под-

вел. Ведь вообще-то "Витязи", в темных утренних сумерках на другую операцию спешили — на высокогорную турбазу, затем через перевал в старинное селенье, чтобы проверить, нет ли там пленников-заложников. По пути остановились возле водозабора, чтобы выяснить, законно ли выставлен рядышком караул осетинской гвардии. Именно в этот момент добрался сюда ошалелый БТР. Обнаружив спецназовцев, на большой скорости намеревался уйти от них. Но все-таки угодил в засаду — случайность, казалось бы. Но к тому времени я уже считал себя хоть чуточку посвященным — в характер и волю офицеров отряда, в их тонкую тактику, в то, что просто на выяснение элементарного вопроса, законен ли караул возле водозабора, они бы полтора часа не тратили и основных своих сил в засаду на авось не выставили бы.

Четыре боевые машины отряда оцетинились стволами — куда было деваться вчерашнему "смелчаку"? Для того чтобы обезоружить его экипаж, хватило нескольких мгновений.

А потом полчаса — не меньше — ушло на проверку: чей бэтээр, какие задачи выполняет, насколько подконтролен своему командованию, насколько "самостоятелен" в ночных вылазках. Об этом и у экипажа допытывались, и по рации местные правоохранительные органы запрашивали.

И... отпустили бэтээр с миром.

Казалось, все совпадало: и его бортовой номер с номером, сообщенным накануне, и время, когда он отсутствовал в своем формировании, со временем остановки грузовиков, стрельбы. Отсутствовало что? Скажем, уверенность "Витязей", в том, что экипаж бэтэера не "подставляла", своей информацией противоборствующая сторона. Но ведь пост российской армии не мог напраслину гордиться? Не мог. Однако и его аргументы нуждались в доказательстве.

Аргументы потом будут. Тех, кто нарушал режим чрезвычайного положения, возьмут, что называется, на горячем. Но пока, повторюсь, спецназ отпустит задержанных с миром. Познакомившись. Определив характеры. Вооруженность. Готовность к рукопашному бою. Может быть, даже заглянув вперед — предположив их намерения на сегодня, завтра.

Я почему вспомнил об этом, далеко не самым впечатляющем эпизоде из многих операций отряда, коим был свидетелем? Да чтобы подчеркнуть то, что ныне для "Витязей" стало нормой, азбучной истиной. Но на чем в свое время и они сами себе шишек предоставили, и те, кто посылал на операции.

О последних — разговор особый. Потому как все начинается с них. От того, насколько четко, правильно оценят ситуацию, прежде чем поднимать по сигналу сбора спецназ, зависит и результат. Насколько реально спрогнозируют последствия. Насколько точно сами будут соблюдать правовые нормы

при проведении операции по поддержанию правопорядка.

В истории с шальными бэтээром кроме боевого проявился и "дипломатический" опыт "Витязей". И не только их опыт — временная администрация в Северной Осетии и Ингушетии уже разработала своеобразный "кодекс поведения", миротворцев, коему следуют все подразделения. Теперь им легче в этом плане. И насколько труднее было год-два назад, когда спецназ не имел не то что четких установок, как действовать, но даже, как оказалось, и уверенности в том, что действует на законных основаниях.

Вернуться в прошлое есть резон вовсе не ради воспоминаний. Кто застрахован от подобного впредь, не извлеки он должных уроков?

СЕЙЧАС это объявившее себя полностью независимым и самостоятельным государством. А в ноябре прошлого года была половина республики, входившей в состав России. Потому, как только там начались волнения, было решено усилить местные правоохранительные органы отрядом специального назначения внутренних войск.

Спешно отправлялся отряд, очень спешно. Задача: приземлившись на аэродроме, взять его под охрану, дабы обеспечить госзащиту дополнительных сил, а еще помочь обеспечить неприкосновенность здания МВД.

Вместе с "Витязями" прилетела группа высших и старших офицеров внутренних войск, милиции России. Опытные специалисты, умеющие, казалось, найти контакт с местными коллегам, тем паче что многих из них знали по предыдущей службе, до этого не раз взаимодействовали. Одним словом, проблем не предвиделось.

Хотя проблемы эти дали о себе знать с первых же минут.

...В здании МВД уже находилось около тридцати миротворцев да столько же солдат внутренних войск из местной части — они только и составили группу поддержки "Витязей". Но тут двадцать тамошних олуновцев не скрывали своих намерений стрелять солдатам в спину. А вокруг здания — еще сотни вооруженных боевиков, и в их намерениях тоже сомневаться не приходилось.

Спецназу важно, чтобы, поставив ему задачу, никто затем не наступал на пятки. Но время поистине смутным было — время вселенского разброда и шатаний, время, когда никто ни за что отвечать не хотел, стремился переложить ответственность за последствия на "крайних", — каковыми, понятно, могли быть армия, внутренние войска, милиция, но никак не политики, даже если он и принял то или иное решение.

Ну разве не должны были государственные мужи или дамы, отвечающие за национальную политику России, тонко взвесить сложность ситуации в той самой полувинке автономной республики, оценить взрывоопасность насаждаемого там определенными лицами и кругами националистического угара?

А потом уже дать хоть какие-то рекомендации посланным в пэкло служивым людям? Должны были, обязаны были. Но если не сделали этого по причине, не вызывающей сомнения — не хотели брать ответственности на себя, — то почему рассчитывали на ответственность нижестоящих начальников?

От одного из полковников, прибывших вместе с отрядом, спецназ получил указание ни в коем случае не применять оружия. Как такое надо было понимать? Если п е р в ы м и огонь не открывать, так это само собой разумеется, "Витязи", за свою пятнадцатилетнюю историю никогда не палили по чьей зря. Но ведь могло стать, что придется в целях самообороны, хотя бы для острастки, пальнуть вверх. Неужто вообще — автоматы на предохранители?

Местный ОМОН не мог не радоваться, оценив, в каком пикантном положении оказались спецназовцы. И те непримиримые, собравшиеся вокруг здания, оценили свое преимущество. Что, конечно, подлило масла в огонь. Раздались выстрелы. Были под ноги спецназовцев — изгались, откровенно провоцируя. Хотя уже поняли и то, что горстка мужиков, крепких и невозмутимых, представляет собой доселе невиданное в этих краях подразделение. Даже не морщились на выстрелы, даже бронею не веля — лишь молча сдвинулись плотнее в каре, лишь автоматы да "Стечкины", с предохранителей сняли, лишь кивками голов согласились с распределением возможных целей — когда хоть одна пуля не под ноги кому-то уйдет, а пусть самую малость заденет и придется дать сдачи. Те, кто руководили действиями местного ОМОНа, оказались хорошими психологами, тоже были профессионалами — а профессионал интуитивно чувствует, что перед ним не буфалорская, а настоящая сила.

Полковник из Москвы тоже был профессионалом. И тоже понимал, к чему может привести столь щекотливая обстановка. В самый решающий момент, когда казалось, что крови не избежать, он бросил взгляд на заместителя командира отряда майора Олега Васильевича: ну что, мол, пора, наверное, командуй!

Сам команду отдавать не стал. Впрочем, необходимости в ней и не возникло. "Витязи", еще наделись на другой вариант развития событий, и первички еще держали в кулаке. И удержали — таки...

Ушел ОМОН из здания. А вскоре подъехали пожарные машины. Представитель толпы, осаждавшей здание министерства, обывил, что в цистернах — горячее и что "московские солдаты" будут сожжены живьем. И уже двинулась к зданию первая машина. Отрешенно сел на стул полковник — видимо, ни на что уже не надеясь. Искочил, когда из окна раздался одиночный выстрел — то рядовой Малыш, прозванный так за свой росточек в метр девяносто шесть, запустил трассирующую пулю поверх машины.

— Что делаешь, солдат, зачем провоцируешь?

— Так что-то ведь нужно делать, чтобы не поджариться! — эдак спокойненько отвечивал полковнику солдат. Рядовому что — кто его в аполитичности упрекает, равно как в особой политизированности, ему, согласно закону, предоставлено право силой оружия защитить жизнь любого гражданина, если та подвергается опасности, тем более свою жизнь, тем более в аналогичной ситуации.

— Так ведь у них не одна пожарная машина! — вновь усомнился в чем-то полковник. Ему все-таки было сложнее, он рисковал куда большим. И не только своим положением, своими погонами, хотя и их было жалко, ибо они достались годами тяжелой службы, нередко и смертельным риском — но такого риска еще не было, как не было и всех этих сложностей в политике, в межнациональных отношениях. А еще ведь рисковал авторитетом своего ведомства как такового, авторитетом России в целом — разве в ту пору редкостью было, что всех собак вешали именно на нее, хотя зачастую она, Россия, страдала куда больше других и меньше других была виновата в конфликтах, склоках, междоусобицах.

— А у меня что — разве один трассер? — отвечивал солдат, то ли и впрямь шибко заполитизированный, то ли вконец аполитичный.

Именно его аргумент, надо полагать, был весьма убедителен. Нападавшие отвели машины от здания МВД и больше не предпринимали вылазок. Вступили в переговоры с майором Олегом Васильевичем, который следующие часы являл здесь собой и командира подразделения, и "главного дипломата" России. А дипломатия его под стать той, что у Малыша была: расставил подчиненных возле окон, предупредил другую сторону о том, что оружие все-таки намерен применить в случае необходимости.

Поддействовало.

ОСНОВНЫЕ события разворачивались на аэродроме. Выставил спецназ пост на контрольно-пропускном пункте — десять человек. Остальные находились в аэродромной казарме. Через некоторое время — нападение на КПП: более ста боевиков нацелили свои автоматы в спецназовцев. Ушел разбираться туда начальник штаба отряда подполковник Александр Иванович. К счастью, среди боевиков оказался его бывший сослуживец. Нашли общий язык, как говорится, прониклись ответственностью задач, стоящих перед обоими.

Но когда со стороны КПП раздался выстрелы (впоследствии выяснится, что стреляли боевики "просто так", пытаясь поднять боевой настрой друг друга) — и другие спецназовцы попытались из казармы выбраться. Вдруг с кем-то из десяти товарищей что-то стряслось, вдруг сам Александр Иванович в помощи нуждается? Попытался — а не получилось: стали в двери еще два полковника, чуть ли не повисли на плечах начальника разведки отряда капитана Андрея Вячеславовича:

— На КПП не надо, иначе недалеко до открытого противостояния!

Какая разница — открытое, скрытое? Что дела спецназу до того, как будет оценен затем его бросок на выручку сослуживцам? Самый что ни на есть зеленый боец в отряде не привык, чтобы, когда он в такой ситуации уже приготовился к боевому броску, кто-то начал его урезонивать, угovarивать не торопиться — одним словом, очень не любит, когда в такой сверхпакостной ситуации ему говорят "Тпру!". Выручить товарища любой ценой — это, если хотите, не просто долг — это святой долг!

Но и субординация — штука тонкая. Пришлось капитану Сергею Семеновичу, заместителю командира группы по спецподготовке, в то самое время, как начальник разведки с двумя полковниками вежливо отношения выяснял, искать обходной путь. Нашел: с тыльной стороны казармы выломал с подчиненными толстенную металлическую решетку окна. Повел их на КПП. Выстрелы смолкли.

Не прозвучали они и на вертолетной площадке, которую охраняли лишь четыре спецназовца. Жиденькое оказалось оцепление, другого не скажешь: ведь ему противостояло более сотни вооруженных местных жителей. Те поминутно щелкали затворами, "проверяя оружие". Впрочем, может, и впрямь проверяли, ведь получили его минувшей ночью — тысячи стволов были розданы кому попало, без разбору: уж больно торопились националистические лидеры. И здесь, на вертолетной площадке, опасность исходила не только от количественного преимущества боевиков над спецназовцами. Первые стояли густой толпой, и в такой ситуации, как говорится, бабка надвое нагадала бы, чья возьмет. Пакостно спецназовцам было от того, что среди этой толпы мог оказаться попросту провокатор или же действительно неумеха во владении оружием, чей случайный выстрел вполне мог привести к беде. Обойшлось.

... Но выстрелы все-таки раздались.

Это когда начали взлет ИЛы, доставившие подкрепление силам правопорядка, и на один из самолетов нацелился КраЗ-самосвал. Шел на бешеной скорости наперерез, ИЛ вынужден был даже вильнуть в сторону, хорошо, что все-таки удержался на взлетно-посадочной полосе. Но еще раньше простучала пулеметная очередь, остановившая самосвал.

Конечно, шум-гам. Началось немедленное расследование этого ЧП. Вину не того, кто провоцировал авиакатастрофу, ставил под угрозу жизни экипажа, пассажиров самолета. Искали, кто выпустил пулеметную очередь. Объектом внимания стали лишь "Витязи". Проверяющие рассуждали будто бы логично: на таком расстоянии попасть в движущийся с приличной скоростью автомобиль мог только профессионал высокого класса. Но не нашли у спецназовцев пулемета с нагаром в стволе.

Может, не совсем профессионально искали? А может, и впрямь кто-то из местных

понял, к чему ведет трюк самосвальщика-ка-микадзе? Все может быть...

БОЛЕЕ трех суток держались в том городе "Витязи". Сколько раз за это время смотрели на них в упор стволы автоматов, пулеметов, пистолетов? Да кто же считал! Когда стало ясно, что бывшая половина автономной республики — отрезанный ломоть, поступил приказ: спецназовцам и другим российским силам правопорядка — уходить. А приказ есть приказ, его надлежит выполнять. Но может, следовало немножко раньше не отдавать приказа на захват аэродрома, здания МВД?

Впрочем, "Витязи", допускают, что и второй приказ можно расценивать как несколько преждевременный. Спецназ продержался бы, тем более получив подкрепление. Но это уже из области "если бы да кабы". Над этим пусть ломают головы политики. Конфликты, прежде всего межнациональные, возникают, как правило, по их вине. А солдату важно не усугубить конфликта, выполнить свою задачу миротворца, не пролив и капли чьей-то крови.

Так было и в этот раз.

Запомнилось "Витязям", как провожали их местные жители — улыбающихся лиц было предостаточно. А ведь еще вчера те же люди на них с укором, а то и злобой смотрели. В этом краю солдатская отвага ценится превыше всего.

Но спецназовцев, между прочим, оценили и как политиков. Ибо насколько мужественно себя вели, настолько и уважительно к местным жителям. Насколько стойкость проявили перед теми выстрелами себе под ноги, настолько не опустились до малейшей провокации со своей стороны.

Их не просто зауважали здесь — им были готовы даже помочь. И если учесть национальную черту здешних жителей, за помощь "иноверцам", в ущерб соплеменникам предусматривающую более чем серьезную кару, то готовность эту вообще трудно переоценить. Но ведь было такое, было...

На тот случай, если подкрепление не удастся принять на аэродром, а обстановка сложится вообще аховая, предусматривалось, что отряд будет прорываться с боем из города. Как рассказывал автору этих строк тот самый начальник штаба "Витязей", подполковник Александр Иванович, уже и пути отхода были намечены, и в нескольких километрах присмотрели надежный транспорт. С этим транспортом и обещали помочь местные.

Потому что убедились: спецназовцы вовсе не те, кем представлялись ранее, это вовсе не зловещая "рука Москвы", о которой над-рывались националисты.

ПОЛТОРА года минуло с тех пор. Многие изменилось в осмыслении роли и предназначения сил правопорядка. Спецназовский отряд если и выполняет задачи в горячих точках, то отнюдь не те, которые "попахивают", политикой. Криминогенную обстановку

разрядить — пожалуйста. В связи с этим изымать оружие у незаконных формирований — готовы.

И еще одно. Готовы, потому что и полномочия их на этот счет вполне определены, законной базой обеспечены. Что может быть важнее!

... До недавнего времени эта электростанция питала и осетинские, и ингушские села. Но вот взяли ее под свой контроль ингуши, выставили караул, как выяснилось, незаконный. Прибывшая по тревожному сигналу группа "Витязей", разоружает его: берем сначала четыре автомата. С пятым — на изготовку — появляется из-за угла молодец, чуть ли не налетает на того самого капитана Андрея Вячеславовича. Но и тот уже вскинул свой ствол, вежливо предлагает незнакомцу:

— Оружие на землю!

Оказывается, автомат незнакомца с предохранителя был снят. Капитан невозмутимо выщелкивает патрон, досланный в ствол изъятых автомата.

Укоризненно качает головой вынужденному собеседнику: мол, плохо себя ведешь, очень плохо!

А глазом косит по сторонам. С горы, откуда к электростанции ведет водовод, за нами наблюдают двое — разумеется, тоже с автоматами. С противоположной горюшки пулемет с бэтээра глядит — то осетины, законность их формирования еще предстоит проверить этой ночью, а пока мы в их прицеле.

— Политиком становишься под стволом автомата! — слышу от офицера-спецназовца не то его собственный грустный вывод, не то строку малоизвестной песни.

Капитан отрешенно глядит на меня, а потом вдруг роняет:

— Сейчас хоть приказ однозначно четок: разоружать такие вот "самостийные", караулы, формирования. И уж мы это сделаем. А ведь раньше не поймешь, как действовать. Не потому ли и развели здесь в каждом поселке, ауле по президенту с национальной гвардией, не потому ли в каждом доме, в каждой кошаре — по арсеналу?

Я знал: не выполни сейчас незнакомец команды капитана "Оружие на землю!", попытайся воспользоваться последним — лежал бы сейчас в госпитале. И ночью, когда мы пошли на ту самую горюшку, "Витязи", в случае необходимости, конечно же, воспользовались бы своим правом уничтожить бэтээр неподчиняющегося формирования. Потому что силы правопорядка имеют сейчас ту самую определенность, без которой порядок навести вообще невозможно.

Кстати, на эту операцию с ними выезжал генерал-майор А. Куликов — ныне генерал-лейтенант, командующий внутренними войсками. Именно он приказал разоружить незаконный караул на электростанции. Именно он одной фразой пресек попытку разборки со стороны ингушей, ответив главе администрации района:

— Разоружаю властью, предоставленной мне...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Иные времена наступили — времена, когда начинает действовать закон, а не чьи-то эмоции.

Хотелось бы думать, что так будет и впредь.

Но вот недавно по останкинскому телевидению в очередной передаче "Пресс-клуб", зрителей вновь вернули к этой теме — роль военного человека в горячих точках.

В кадре — пост на границе Северной Осетии и Ингушетии. Вопрос к солдату: "Что здесь делаете?" — "Проверяем, нет ли у прохожих и проезжающих оружия." — "А кто приказал выставить пост?" — "Мне приказал мой командир." — "А ему кто приказал?" — "Об этом он знает..." Все правильно — по-военному, четко, по уставу. Тем не менее тут же последовало язвительное замечание одного из умников: "И в данном случае, и вообще мне надоело смотреть на бессмысленные лица солдат и офицеров". Вот так — ни много ни мало. А если учесть, что и последующие размышления берущего интервью сводились к тому, что те, кого проверяют, гораздо красивее в своей убежденности оружия не отдавать — поневоле подумалось: неужто вновь, как год-два назад, кому-то требуется внести сумятицу в людские умы по поводу миссии солдата-миротворца, неужто опять хочется посеять в самом военном человеке зерно сомнения в справедливости этой его святой миссии?

Хотя бы денек побывать таким "мыслителям", в горячей точке! Может, хоть что-то поняли бы "лихие рубрики от журналистики". Кстати сказать, не потому ли многое изменилось у нас в осмыслении положения миротворческих сил, что отвечающие за национальную политику люди стали заниматься этим не в тиши московских кабинетов, а непосредственно на местах — скажем, во Владикавказе, Назрани? А вот развязно рассуждать на эти темы в "плюралистических", телешоу весьма опасно. Это может аукнуться новыми бедами. Заварят во время "обмена мнениями", кашу, а спецназу потом расхлебывать.

На злобу дня

БЕЗОРУЖНЫЕ БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ

— Алло! Здравствуйте! Это управление транспортной милиции?

— Да.

— С вами говорит корреспондент журнала "На боевом посту". У вас не так давно работал генерал-майор милиции Калачев Эдуард Васильевич...

— Работал не у нас, но могу сообщить, что теперь он пенсионер.

— Не подскажете, как его найти?

— Не подскажу. Обратитесь в ноль-девять. А зачем он вам?

— Я узнал, что он сейчас возглавляет новое подразделение военизированной охраны, созданное на Московской железной дороге. Хочу написать о нем — читатели интересуются...

— Мой вам совет: не спешите. Этот батальон существует на птичьих правах и занялся не своим делом. К тому же у прокуратуры к нему есть претензии.

— А люди хорошо о нем отзываются...

— Люди? Люди — не специалисты...

Не получив более конкретной помощи, я решил воспользоваться ценным советом и набрал номер городской справочной. Потом позвонил в МПС, затем — в управление военизированной охраны Московской железной дороги и, наконец, дежурному по батальону. Нашел!

На следующий день я сидел в кабинете Эдуарда Васильевича Калачева, командира батальона специального назначения, и беседовал с ним и его заместителем по работе с личным составом Виктором Даниловичем Ерофеевым.

От них узнал, что батальон был создан во исполнение приказа начальника Московской железной дороги в октябре 1992 года на базе отряда военизированной охраны "в связи с осложнением криминогенной обстановки в сфере грузовых и пассажирских перевозок, в целях наведения общественного порядка в поездах пригородного со-

общения и усиления борьбы с поджогами электропоездов», 10 ноября он приступил к выполнению своих обязанностей.

Когда я спросил, что собой представляет новое подразделение, Виктор Данилович рассказал:

— Структурно батальон состоит из четырех команд по 65 — 67 человек в каждой. Набор в него производился в основном за счет молодых парней, отслуживших в армии. Есть у нас недавние десантники, пограничники, воины внутренних войск, а также бывшие сотрудники органов внутренних дел и ВОХР. Есть и офицеры запаса. Личный состав прошел первоначальное обучение, для чего в качестве преподавателей мы привлекли сотрудников милиции и прокуратуры. Сейчас часть наших людей проходит подготовку на базе школы милиции.

Команды несут службу поочередно в течение суток в тесном контакте с милицией. В вечернее и ночное время наши наряды патрулируют электрички совместно с милиционерами, а днем — самостоятельно, так как милиционеры катастрофически не хватает.

Для экипировки личного состава мы закупили армейское полевое обмундирование. На куртке у каждого инспектора — эмблема: российский флаг, а рядом на черном фоне — желтые буквы «БСН».

Управление дороги выделило нам автотранспорт, помещение, мебель, перечислило деньги Министерству обороны за оружие. Но...

— Вот именно «но!» — не выдержав, перехватил инициативу Эдуард Васильевич. — Воспользоваться этим оружием для несения службы мы не можем, не имеем права. Не подумайте, что нам не терпится пустить его в ход. Если такой необходимости не возникнет, мы будем только рады. Оружие нам нужно для самозащиты. Ведь нашим инспекторам приходится иметь дело не только с безбилетниками или мелкими нарушителями общественного порядка, но и с преступниками. Только за первые два месяца существования батальона нашими нарядами задержано 56 преступников, большинство из которых были вооружены ножами, различными заточками, нунчаками, газовыми баллончиками. А что у нас? По одной резиновой палке на группу и по одному баллончику. Причем ни то ни другое нам нельзя применять. Прокуратура против. Так что и эти средства в руках наших ребят — только для острастки. Всяким охранным кооперативам — можно, а нам, действующим в государственных интересах, — нельзя. Мы свои наряды стараемся к милиционерам прикреплять еще и потому, что у милиционера есть пистолет и при угрозе жизни он сможет защитить нашего инспектора.

А дело все в том, что в Положении о военизированной охране о нашем батальоне нет ни слова. Согласно этому документу ВОХР должна заниматься охраной грузов и объектов, а такая функция, как поддержание общественного порядка, не оговорена. Вот поэтому прокуратура и руководство транспортной милиции постоянно шельмают нас по носу, мол, знай, сверчок, свой шесток. Но ведь со времени принятия того документа, о котором я говорил — а принят он был в 1974 году, — жизнь в стране и, в частности, в Москве изменилась настолько... Да, собственно, и страны-то той уже нет. Криминогенная об-

становка ухудшилась многократно, чем и была вызвана необходимость создания нашего батальона.

Новое Положение о службе военизированной охраны разработано, утверждено начальником Московской железной дороги и уже полгода находится на рассмотрении в правительстве. За полгода в документе можно дырку просмотреть, а тем временем на корню гробится хорошее начинание.

И что больше всего удивляет и возмущает, так это то, что люди пришли с желанием помочь милиции навести порядок, а милицейские же верхи чинят препоны. С упорством, достойным лучшего применения, препятствуют нашему вооружению и оснащению. Даже тех наших людей, которые имели допуски на оружие как сотрудники ВОХР, этих допусков лишают.

А действительно, почему руководство транспортной милиции встретило настороженно появление этого батальона? За монополию свою испугались? Да вроде резона нет локти расставлять. Никто на их «пирог», не покушается, тем более что в «пирог», том больше горечи и соли, чем сахара.

Может, транспортной милиции помощники не нужны? Самой делать нечего? Но вот читаю совместный приказ двух министров — путей сообщения и внутренних дел — от 24 июля прошлого года «О мерах по укреплению правопорядка в сфере пассажирских перевозок»: «В сфере пассажирских перевозок преступность в текущем году возросла на 16 процентов. Увеличилось количество убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбоев, грабежей и краж личного имущества. Раскрываемость убийств, грабежей и разбоев составляет 75 — 80 процентов, краж — только 41 процент».

Выходит, не так уж хорошо обстоят дела у транспортной милиции. Сил явно не хватает. На целое пригородное направление в сутки на службу в электрички заступает 3 — 4 милиционера. В то же время БСН выставляет 45 — 49 человек. Может, от них пользы никакой?

Обратимся опять же к документам — к отчетам о результатах службы.

«Оперативной группой команды № 3 (старший группы Лушников) задержан и доставлен в отдел милиции гражданин Рзаев, который в пьяном состоянии приставал к пассажирам, угрожая им ножом».

«Оперативной группой команды № 2 (старший группы Дунаев) задержаны и доставлены в отдел милиции четверо мародеров, которые в электропоезде Можайск — Москва демонтировали 4 электропечи, 4 сиденья, срезали 3 обивки сидений... У задержанных изъяты отвертки, иунчаки и нож».

«В электропоезде Фрязино — Москва к наряду БСН обратился профессор МГУ Болотин, заявивший, что его только что избili и ограбили. По приметам, названным пострадавшим, оперативная группа во главе с Ивановым задержала

троих граждан без определенного места жительства и работы, которые к тому времени успели ограбить еще одного пассажира. При задержании они оказали сопротивление».

Цитировать отчеты можно очень долго, ведь только за первые два месяца своего существования батальон задержал 512 правонарушителей, из них — 56 преступников. Совместно с контролерами-ревизорами инспекторы БСН оштрафовали за безбилетный проезд 8219 человек на сумму 408621 рубль. Штрафы за курение в тамбурах составили около 300 тысяч рублей. Было пресечено несколько поджогов вагонов, а каждый вагон сегодня на вес золота, если учесть не только новые цены, но и то, что ни Германия, ни Латвия этих вагонов России больше не поставляют. За два первых месяца со дня своего создания БСН сохранил для Московской железной дороги материальных ценностей почти на 4 миллиарда (!) рублей.

Ну как, найдутся теперь желающие утверждать, что батальон занимается не своим делом? Впрочем, некоторым чиновникам хоть кол на голове теши — они все равно будут трясти бумажкой почти двадцатилетней давности и твердить, что дело ВОХР — охрана грузов и объектов. Но!.. Убытки Московской железной дороги от хищений грузов в прошлом году составили 26 миллионов рублей, а от поджогов вагонов, разукomплектования их, битья стекол и прочего вандализма — один миллиард рублей. Куда вы броситесь в первую очередь: туда, где из крана капает, или туда, где трубу прорвало?

Ежедневно пригородными поездами пользуются от двух до трех миллионов человек, и жизнь и здоровье каждого из них — в опасности. Не замечать это может только тот, для кого все транспортные проблемы сводятся лишь к грязи под колесами персонального автомобиля. Те же, кто по земле ножками ходят да мнут бока в переполненных и разтерзанных электричках, успели оценить выгоду от присутствия парней с эмблемой БСН на груди. Люди высказывают им свою благодарность прямо в вагонах, на платформах, в вокзалах. Вот это и есть самая главная оценка труда нового подразделения. Приказ о поощрении можно из пальца высосать, дабы выглядеть добрым дядей в глазах подчиненных, а когда незнакомые люди спасибо говорят, это — без дураков.

А ведь и милиция тоже благодарна новым помощникам и нуждается в них. В подтверждение приведу еще один документ.

“Начальнику ВОХР Московской железной дороги тов. Зеленскому В.И., командиру БСН тов. Калачеву Э.В. В целях наведения надлежащего общественного порядка в поездах пригородного сообщения, борьбы с фактами разукomплектования и повреждения внутривагонного оборудования прошу вас начиная с первого января 1993 года оказывать помощь выделением ежедневно 15 — 20 сотрудников БСН для сопровождения поездов пригородного сообщения совместно с сотрудниками милиции в период с 18.00 до

6.00... Нач. ЛОВД на станции Москва-Рижская полковник милиции В.С. Болотвин».

Но это та милиция, которая несет службу, как выразился один из инспекторов БСН, на земле. А вот новоявленные реформаторы в руководстве решили на всякий случай поглубже окопаться. Для них неожиданные помощники вроде незаконнорожденных братьев: мало ли какие права потом предъявят? А если эти “незаконные”, дров наломают, кому тогда отвечать? Под чьим руководством работали? Под руководством Тяпкина-Ляпкина из управления транспортной милиции. А подать сюда этого Тяпкина-Ляпкина! Всыплют по первое число за горе-родственников, ни на какие заслуги не посмотрят. Кстати, о заслугах...

14 января нынешнего года в “Московском комсомольце” была опубликована заметка под названием “До чего доводят нетопленые электрички”. В ней рассказывалось о том, как один из пассажиров разжег костер в вагоне и как “поджигателя... застукали на подходе к станции Раменское патрулировавшие электричку милиционеры”. На самом же деле сотрудники милиции в этом эпизоде не участвовали, а злоумышленника задержал наряд БСН во главе с А.В. Сидоркиным. Прочитав заметку в газете, командир батальона позвонил в редакцию “Московского комсомольца”, и там ему сообщили, что информацию в таком виде редакция получила из управления транспортной милиции.

На чужом горбу в рай въезжать — очень знакомый стиль руководства, знакомый по еще не забытому прошлому. По листику, по листику, глядишь — и на лавровый венок наберется. А безоружные братья по оружию тем временем рискуют похоронный венок схлопотать.

А теперь вспомните фразу из телефонного разговора, приведенного в начале этого материала: “Люди? Люди — не специалисты”. А каким нужно быть специалистом, чтобы ездить в электричках, подвергаться нападениям и грабёжам и ждать, ждать, ждать, когда же твоих защитников наделает всеми необходимыми правами? В правительстве у нас тоже люди, но они, судя по их “расторопности”, на электричках не ездят...

Подполковник Б. БУЛГАКОВ.

Фото автора.

“Уважаемая редакция! Мы выполняли служебные задачи в горячих точках Российской Федерации и не понаслышке знаем, какие тяжкие последствия влекут за собой межнациональные конфликты и войны. Кровь и слезы, сожженные дома и опустевшие селения, неубранные поля и потоки беженцев, грязь, голод, нищета — таков их обязательный итог. К сожалению, подобное происходит не только в республиках бывшего СССР. Пожар войны не затихает и на Балканах. Не могли бы вы один из материалов журнала посвятить событиям в Югославии?”

Старший лейтенант В. Мясников, лейтенант А. Власов, сержант С. Сорокин, рядовые С. Карандашов и А. Куимов”.

Поделиться своими впечатлениями от недавней поездки в Югославию редакция попросила члена экспертного совета Российской академии наук Георгия КОКУНЬКО.

Из путевого блокнота

ЮГОСЛАВСКИЙ ИЗЛОМ

МОСКВА — БЕЛГРАД

Попасть сегодня в бывшую Социалистическую Федеративную Республику Югославию непросто. Да и не всякий на это отважится — война есть война. А у нее, как известно, свои правила и законы. Но то, что происходит на Балканах, не может не волновать Россию и ее граждан, ведь родственные узы, объединяющие сербов и россиян, скреплены многовековой историей славянского братства и взаимопомощи. Противоречивое, а порой и одностороннее освещение югославских событий в наших средствах массовой информации вызывали у меня желание своими глазами увидеть эту многострадальную

землю, самостоятельно разобраться в причинах трагедии, постигшей балканские народы. Такая возможность вскоре представилась. По приглашению руководителей сербских республик, образовавшихся на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины, в Югославию отправилась немногочисленная делегация Московского землячества казаков...

Белград встретил нас совсем не таким, каким мы его ожидали увидеть: чистые улицы, спокойные и неторопливые прохожие, сверкающие в лучах солнца витрины магазинов и... полные полки доступных покупателям товаров. После Москвы с ее полупустыми прилавками, шокающими ценами, очередями, грязью, нищизны — Белград показался нам благополучным европейским городом. Мы даже начали сомневаться, кто же все-таки находится в экономической блокаде — Сербия или Россия?

Однако первое впечатление зачастую бывает обманчиво. И кажущееся благополучие белградцев развеялось сразу, стоило только нам выехать за пределы столицы. Огромная очередь машин за бензином, нехватка которого с каждым днем ощущается все острее, опустевшее великолепное (даже по меркам западных автолюбителей) шоссе на Загреб. Проезжающие мимо бэтээры с вооруженными людьми в камуфлированной форме — боснийскими сербами и добровольцами, направляющимися на боевые позиции, бело-голубые машины с эмблемами ООН (число военнослужащих и чиновников миротворческих сил в Югославии превысило 22 тысячи человек), армейские пикеты на перекрестках — таковыми явились для нас первые приметы войны.

Наше появление на белградских улицах не осталось без внимания. В русских здесь верили и верят. Наверное, ни в одном из городов мира вы не услышите в свой адрес столько теплых слов, как в Белграде. "Братья,, "друзья,, "спасибо,, — говорили нам в городах и селах, полицейские на дорогах и солдаты на передовой, старики и дети, мужчины и женщины. Во время крестного хода в Нови Саде группа молодых людей неожиданно приветствовала нас гимном "Боже, Царя храни!,,

От братского государства сербы ждали и ждут помощи. Если не военной и экономической, то хотя бы моральной.

РУССКИЕ В СЕРБИИ

В первый день в Белграде мы отправились на панихиду по одному из москвичей, Андрею Неденко, погибшему на берегу реки Дрины. Прощаться с товарищем пришли добровольцы из Москвы, Санкт-Петербурга, Сибири. Позже на переднем крае мы встретим еще одного нашего — врача Олега из Донецка. В Сербию он приехал два года назад, да так и воюет. Видимо, истории суждено повторяться — в который уже раз русские и сербы сражаются плечом к плечу.

В Югославии хорошо помнят о десятках тысяч русских, нашедших убежище в этой

стране после поражения Белой армии. Потомки эмигрантов рассказывали нам о своих русских дедушках и бабушках, русских профессорах, преподававших в университетах, и музыкантах. Русские офицеры и казаки служили в югославской армии, охраняли границу. Многие сделали для укрепления дружбы двух славянских народов король Александр, хорошо понимавший значимость вклада россиян в экономику и культуру его страны.

Было время, когда и Россия принимала у себя сербов, искавших спасения от турецкого ига. На Украине даже существовал целый район "Новая Сербия,, а сотни сербов были приняты в Войско Запорожское, дав начало многим ставшим известными впоследствии казачьим родам.

После панихиды нам предложили осмотреть Троицкий храм. В нем сохранилось много реликвий, оставшихся от белого воинства. Гробница генерала Врангеля, рядом с ней стоит казачья пика. А на большой иконе епископа Гермодена можно прочесть завещание перевезти ее в Новочеркасск после падения на родине большевистского режима. При храме есть и небольшой музей, по которому водили нас отец Василий (Тарасьев) с сыном. В нем собрано много российских дореволюционных и белоармейских нагрудных знаков, медалей, орденов, документов, холодного оружия. Здесь же казачий мундир отца священника Тарасьева, черкеска генерала Фостикова с 15 (!) нашивками за ранения, пять из которых были тяжелыми. Приход у храма невелик, русских осталось немного, но отец Василий не унывает: в последнее время чаще стали приходить вместе с детьми сотрудники российского посольства.

Кроме российских добровольцев встретили мы в Югославии и наших ооновцев — десантников из Рязани. Ребята рассказывали нам о том, как радостно, с русскими песнями, а то и со слезами на глазах, встречали их жители окруженных и обреченных на смерть или изгнание сербских сел. Были среди офицеров-десантников и "афганцы,,. Один из них, прощаясь с нами, с горечью произнес: "Надеялся, что после Афганистана не видеть мне больше ужасов войны, людских смертей и разрушенных городов... И вот еще один излом, только теперь югославский..."

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Несмотря на то, что внешних признаков войны в Белграде мы не обнаружили, следы боев повстречались нам всего в двух часах езды от столицы. Первые села на территории Боснии и первые разбитые, обгоревшие стены и крыши домов, разрушенные храмы, глубокие воронки от разрывов... Становится не по себе от этого печального зрелища. Такое ощущение, словно из XX века тебя возвратили в средневековье. На вопрос, с кем воюете, сербы отвечают: "С усташами, с фашистами...". Да, в 1941—1945 годах подобное здесь уже происходило, и корни сегодняшней трагедии уходят в то время, когда Независимая держава Хорватская и усташа

— члены фашистской террористической организации "Хорватски домобран", — были верными союзниками Гитлера и Муссолини, а Сербия — оккупированной страной. Когда сербы уничтожались в усташских концлагерях и проводилась политика их депортации и насильственной католизации, а руководители сербов-мусульман (под началом, кстати, деда Ясира Арафата) активно сотрудничали с фашистами.

Чтобы понять причины нынешней югославской трагедии, надо прислушаться и к утверждению, что И. Тито никогда не был коммунистом, а являлся ярким хорватским националистом. Об этом нам говорили и президент Сербской Босны Караджич, и экскурсовод на выставке, рассказывающей о фактах геноцида против сербского народа, и владелец частного ресторанчика в одном из селений в 80 километрах от Белграда. Тито произвольным образом "раскроил" Югославию границами, в результате на сербских землях образовалась новая, искусственно созданная республика Босния и Герцеговина. Ее основное население — православные сербы. В то же время часть исконно сербских территорий вдоль Адриатического моря отошла к Хорватии, и Сербия лишилась выхода к морю. Так по воле всеильного правителя закладывалась "мина замедленного действия", которая десятки лет спустя сработала с огромной разрушительной силой.

Глубоко трагично и то, что война в Югославии ведется, по существу, между кровными братьями. Разница между сербами и хорватами, с точки зрения этнографа, такая же, как и между восточными и западными украинцами (православными и униатами), а между сербами и сербскими мусульманами — новой "национальностью", придуманной Тито, — только в вероисповедании. На территории собственно республики Сербия они и по сей день продолжают жить мирно и дружно. В автономной области Воеводина, где мы участвовали в открытии памятника Сергию Радонежскому вместе с его автором, скульптором В. Клыковым, проживают сербы, венгры, хорваты, немцы и украинцы. Здесь открыты и действуют храмы разных христианских конфессий, мечети. Люди с пониманием и терпимостью относятся друг к другу, и потому в Воеводине нет конфликтов на межнациональной или религиозной основе. На приеме в старинном замке Нови Саде "Гибралтара на Дунае", который устроил в честь нашей делегации кандидат в президенты Сербии, председатель Сербской народной партии Милан Парошки, принц Томислав — брат наследника королевского трона — выразил надежду на возможность нового объединения (на федеративных началах) — королевства сербов, хорватов и словенцев. Принц посетил Загреб и Любляну, и, по его словам, такая возможность вполне реальна. Правда, в достаточно отдаленном будущем. Пока же, и это мы видели, льющаяся кровь славян кого-то очень устраивает. Надо признать, что югославская трагедия — это еще и результат длившегося веками вмешательства в домашние славянские споры

внешних сил, преследующих собственные геополитические и конфессиональные интересы: Ватикана, Турции, Германии, Австро-Венгрии... Вмешательства, зачастую ставящего целью не столько уничтожить островок православия в Западной Европе, сколько ограничить влияние России на Балканах.

НА РАЗВАЛИНАХ ГОРОДА

Во время поездок по сербским районам Боснии и Хорватии страшные следы войны попадались нам практически повсюду. Но только посетив Вуковар — город на правом берегу Дуная, прямо против мирной Воеводины, мы поняли, насколько велико ожесточение противоборствующих сторон. Этот город с 30-тысячным населением попросту стерт с лица земли, как и поселок Боровое вместе с известной в Европе обувной фабрикой. Ни одного целого здания — разрушено и обуглено все: старый центр и новые кварталы, храмы и распятия, многоэтажные дома и торговые центры. Здесь действовали авиация и тяжелая артиллерия, наносились ракетные удары. Бои за город, занятый бойцами Сербской Краины, шли два месяца. В Вуковаре проживали сербы и хорваты. Смогут ли они снова жить вместе в этом городе, который каждая из сторон объявляет примером зверства другой? Впрочем, сомневаться в пещерной жестокости, порожденной этой войной, где властвует лишь один закон: "око за око, зуб за зуб", не приходится. Мы видели обнаруженные после освобождения города тюрьмы с оборудованными в них пыточными камерами, фотоснимки изуродованных человеческих тел. Нам рассказывали о приспособлениях для быстрого отсечения голов (своеобразный конвейер)... До какой же животной злобы нужно было довести людей, чтобы они могли упиваться муками и смертью себе подобных!

Руководители всех сербских республик при встречах с нами неоднократно подчеркивали, что сербы выступают за соблюдение прав человека, независимо от вероисповедания, за прекращение межславянской розни. Так говорили и люди, у которых были убиты все родные и близкие. Но в условиях, когда ненависть и недоверие достигли крайних пределов, когда речь идет о жизни сотен тысяч людей, когда отрезанные головы или детские пальчики становятся трофеями, — сербы Краины, Боснии и Герцеговины вынуждены решать вопрос о своем самоопределении в границах, где преобладает сербское население.

Сербы сегодня просто вынуждены сами обеспечивать свою безопасность. В ответ на средневековые методы ведения сербскими мусульманами и хорватами борьбы за передел земель, приглашение тысяч наемников — моджахедов и европейцев — они применяют адекватные меры. Неправославное население выселяется из сербских сел, в армию принимаются добровольцы из России и Украины — и спираль насилия раскручивается все с большей скоростью. Сколько же должно пройти времени, чтобы "братья-славяне" снова почувствовали себя... нет, не братья-

ми, но хотя бы добрыми соседями, а не заклятыми кровными врагами? Даже если в Женеве будет достигнута договоренность между лидерами боснийских и герцеговинских сербов и хорватов, православных, католиков и мусульман, как еще далеко будет от нее до подлинного мира!..

СОЦИАЛИСТЫ И ДЕМОКРАТЫ

Наш визит в Югославию совпал с выборами президента, и мы невольно явились свидетелями борьбы за власть в Сербии и Черногории между двумя политическими направлениями — социалистами и демократами. Сербь во вновь провозглашенных национальных республиках участия в голосовании не принимали, так как не считались гражданами «большой» Сербии. Но их позиция, безусловно, имела серьезное влияние на исход выборов, что и сказалось в конечном счете на результатах. Многие сербы Боснии и Герцеговины (в том числе и демократы, также взявшие в руки оружие) отвергли демократа М. Панича за то, что он приехал из Америки, что его жена — турчанка, а дочь замужем за арабом, но главное — за его готовность пойти на некоторые уступки противоположной стороне, если появится возможность остановить войну. Между тем, разговаривая со сторонниками демократов, выступающих против С. Милошевича за то, что он бывший коммунист, а его жена — преподаватель марксизма-ленинизма, мы не обнаружили существенной разницы в понимании ими и социалистами происходящего в стране. Ни о каком предательстве интересов сербов речи быть не может. Просто сторонники Панича, более склонные к компромиссам, призывали к проведению референдумов по самоопределению территорий, к чему все равно обе стороны рано или поздно, но прибегнут.

«Иной раз это может привести и к утере какой-то части исторических земель. Но разве стоят они тысяч загубленных жизней, закладываемой на века ненависти в людях?», — спрашивали нас демократы. «Нет, нельзя прощать убийц. И демократия здесь ни при чем!» — слышали мы категоричные заявления социалистов на страшной выставке, рассказывающей об уничтожении сербов в оккупированных мусульманами и католиками селах и городах. Мы стояли как раз у стенда с фотографиями группы хорватов, уличенных беспристрастным фотообъективом на месте кровавых зверств над мирным сербским населением. Премьер-министр Югославии Панич, желая сделать шаг навстречу примирению с властями Хорватии, способствовал освобождению пойманных палачей. Понятно, что жители Сербской Босны выступили против подобного «жеста доброй воли», и искренне желали Милошевичу победы на выборах.

Многие бизнесмены, вошедшие в правительство «новых» сербских республик, принимают активное участие в политической борьбе. Вызвано это не только тем, что кое у кого из них взорваны фабрики и заводы на хорватской территории, но и личной эконо-

мической выгодой. Мы обратили внимание на то, что в основном нужда — война и эмбарго — заставила их думать о сотрудничестве с Россией. В принципе, у них имеются прекрасные налаженные связи с европейским и американским деловым миром, и Панич — отнюдь не единственный миллионер сербского происхождения, имеющий собственные интересы и в Америке, и в Югославии.

Проводить прямые аналогии между событиями в СНГ и положением в бывшей СФРЮ, как иногда пытаются делать некоторые журналисты, чрезвычайно рискованное занятие. Можно власть в серьезное заблуждение самому и, естественно, обмануть доверие читателей. Да, и у нас, и в Сербии идет борьба за власть между демократами и социалистами. Но разница между «красными» в России и Югославии очень велика. Никому сербскому социалисту из социалистов, пожалуй, и в голову не придет усомниться в необходимости частной собственности. 80 процентов земли принадлежит в этой республике крестьянам. Именно они, собственники, и создают то изобилие продуктов, что поразило нас по прибытии в Белград. Узнав, что Россия вынуждена закупать продукты на Западе, сербы резонно задавали нам вопрос: «А не лучше ли это делать в Югославии?».

СЕЛЬСКАЯ ГЛУБИНКА И «ЗАМАНЧИВЫЕ» ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Чтобы оценить уровень жизни югославского села, достаточно увидеть дома крестьян. Все кирпичные, двух-, трех- и даже четырехэтажные — обязательно под черепицей. В каждый из них проведен природный газ. Когда в одном из сел на территории Боснии нас пригласили на сербский командный пункт, расположенный в трехэтажном крестьянском доме, нам оставалось только развести руками. Бассейн на первом этаже, просторные и уютные с шикарной мебелью гостиная и другие комнаты, современная теле- и видеотехника... Даже не верится, что российский фермер или колхозник сможет когда-нибудь приблизиться к подобному достатку. Правда, и работают в Югославии крестьяне самоотверженно. Мы видели, как они не уходили из района боевых действий, продолжая трудиться в поле чуть ли не под прямым обстрелом.

Богатое село, частный сектор в экономике обеспечивают не только сегодняшний достаток высокий в сравнении с нашим уровнем жизни в Югославии. Все, с кем мы встречались и беседовали в этой стране, уверены: с отменой экономических санкций Сербии удалось бы в короткие сроки восстановить производство и заново отстроить разрушенные города и села. Кстати сказать, именно сербские рабочие хорошо зарекомендовали себя на многих стройках Европы, и даже сейчас, в нелегкое для страны время, они готовы продолжать помогать России в сооружении и реконструкции промышленных объектов и жилых помещений.

Но были предложения и другого рода. В Сербии знают о тех житейских проблемах, с которыми сталкиваются российские офицеры, уволенные в запас по сокращению численности Вооруженных Сил. Сербы же в силу обстоятельств ныне испытывают недостаток в грамотных офицерах, специалистах, врачах с опытом работы в полевых условиях (при Тито больше 60 процентов офицеров югославской армии составляли хорваты). Поэтому, наверное, нас несколько раз неофициально спрашивали: не будет ли среди православных русских людей желающих переселиться в Югославию? Дескать, война освободила для них дома, есть и земельные наделы — не жалкие сотки, а гектары!

Заманчиво, не так ли? Однако не стоит обольщаться: и дома, и земля находятся либо в зоне боевых действий, либо вблизи нее. Сами же местные сербы (в том числе и необходимые для армии специалисты), не желая рисковать жизнью, съезжают с этих мест в глубь страны.

Мы побывали в гостях у друзей в одном из пригородных белградских поселков — его население за счет беженцев в короткий срок выросло от 10 до 30 тысяч человек! К тому же, очевидно, где-то обретаются и прежние владельцы опустевших хорватских и мусульманских домов. Возможно, они нашли приют за пределами Югославии, а может, находятся в Загребе или поблизости от родных очагов с оружием в руках. У нас в России опыт массовых переселений народов накоплен немалый. Что из этого получилось, тоже хорошо знаем. Если вспомнить, как в опустевшие из-за репрессий казачьи станицы вначале заселяли чеченцев и ингушей, а затем, после того как их депортировали, эти земли отдали осетинам, — станет ясно, почему на Северном Кавказе не утихает межнациональная вражда.

Судьба сербских районов, находившихся некогда на границе Австро-Венгрии и Турции, чем-то напоминает историю образования казачьих поселений в России. Бежавшие от ига Османской империи сербы расселились Венной в приграничье, и им за несение службы по охране австро-венгерских рубежей передавались земли, определялись льготы. Этим переселенцев называли граничарами, крайшниками — теперь вот их потомки отстаивают право на существование республики Сербская Крайна. Походят на казаков и подразделения сербских четников в их лохматых шапках — шубарах. Теперь четническое движение возрождается, и их отряды одними из первых выступили на защиту сербского населения.

ОПОМНИТЕСЬ, БРАТЬЯ-СЛАВЯНЕ!

В ходе визита нашей делегации в Югославию мы предложили сербам сотрудничество в области медицины (в военно-полевом госпитале вблизи Сараева мы передали сербским медикам лечебную лазерную установку для ускоренного лечения раненых), наметили программу укрепления культурных связей. Не исключено, что российские, в том числе и казачьи, фольклорные коллективы в

скором времени выступят с концертами в госпиталях и перед бойцами сербской армии. Надо сказать, что казачьи песни в исполнении членов нашей делегации с удовольствием слушали все — от солдат до министров и президентов. В Пале был такой любопытный случай. Нас принимал президент Сербской Босны Р. Караджич. В кабинет заглянула секретарша:

— Господин президент, к вам приехал командующий силами ООН в Югославии генерал Морийон!

— Попросите генерала подождать. Скажите, у меня сейчас русские офицеры! — распорядился президент.

И буквально следом нас попросили спеть. Пусть еврейцы знают — к сербам приехали русские.

Конечно, было бы несравненно приятнее посетить мирную, процветающую Югославию, а не расчлененную кровавой межой раздора и войны страну. Смотреть не на дымящиеся развалины городов и сел, а побывать с экскурсией в старинных замках и монастырях, не обходить, пригибаясь за бруствером окопа, боевые позиции ополченцев и добровольцев, а побродить по Дубровнику, проплыть по Дунаю. По тому самому "тихому Дунаю", "голубому Дунаю", — славянской реке, что до сих пор вспоминается в русских народных песнях, реке общеславянского братства и единства.

Война — самое страшное на земле зло. Но когда ее ведут между собой братские народы, это зло становится несоизмеримым, и раны, нанесенные в междоусобице, не зарубцовываются столетиями. Войне на Балканах надо положить конец. И как бы ни было трудно, славяне должны понять, что всякий худой мир лучше доброй ссоры.

Г. КОКУНЬКО,
специально для журнала
"На боевом посту".

На снимках: следы войны.

Фото из архива автора.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ «У НИХ»

У МНОГИХ МОИХ соотечественников на памяти эйфория и легкий шок, вызванные показом в свое время фильма Станислава Говорухина "Так жить нельзя". Как сейчас помню реакцию зрительного зала (нервный хохот, грубые шуточки), когда режиссер, обнажая, на его взгляд, всю сермяжную правду суровой российской действительности, дал портрет нашего неуклюжего сержанта милиции в мешковато сидящей униформе, с (прошу прощения) дурацкой резиновой палкой до земли, не только сковывающей движения сотрудника, но даже мешающей воспользоваться пистолетом в случае острой необходимости. Помню и крайне эмоциональные "охи-ахи, того же зала, увидевшего на экране экипировку, семейный быт и пышные похороны иноземного полисмена.

ЗАСЛОН

О «КОНТРОЛЕ ТОЛПЫ», «БАНАНОВОЙ ШЕЛУХЕ» И САПЕРНЫХ ЛОПАТКАХ

Контраст действительно поразительный. Казалось бы, почему и не повздыхать сожалеючи, не посочувствовать родным стражам общественного порядка? Ан нет, публика большей частью не сочувствовала — осмеивала, откровенно глумилась, а кое-кто и злорадовался: поделом, дескать, нам, лапотникам. И невдомек было многим, что рубим мы сук, на котором сидим. Сплеча. С остервенением и завидным упорством.

Не тогда ли, после премьеры, усилился шквал публикаций на милицейско-полицейские темы. И доминировали над всем так называемые "репортажи из патрульного автомобиля", где с восторгом живописалась цивилизованная, юридически и технически обеспеченная государством работа западных полицейских. Вряд ли какой-либо из материалов обходился без традиционных вопросов о зарплате американского полисмена ("Простите, это в год или в месяц?"), об оснащении патрульного автомобиля ("Так что же, можете прямо сейчас, из машины в Нью-Йорке, связаться с коллегой из Сан-Франциско?!"). Не хватало только слез умиления. А я все ждал (хотя и сознавал, что тщетно), кому из журналистов придет в голову поинтересоваться у того же американского полицейского: "Билл, ты слышал о неприятностях в моей стране — в Алма-Ате, Тбилиси, Вильнюсе, Оше? Краем уха? Да-да, ты прав, они вызвали резко негативную реакцию во всем мире. Нет, Билл, я тоже не о политике, но если бы подобные беспорядки и выступления произошли в Штатах и полиция приказала устранить их, как бы действовали в этой ситуации ты и твои высокооплачиваемые коллеги в вашей свободной, демократической стране?". И скорее всего, поведал бы Билл наивному и чистому, как

поцелуй ребенка, репортеру об обычных для него средствах, позволяющих эффективно "контролировать насилие толпы..". Он не открыл бы военной и государственной тайны, рассказав, что средства эти делятся на пять основных групп: оружие, использующее силу удара рук, специальные пули и снаряды, химические вещества, электрические и акустические устройства.

Как они используются практически? Еще до подхода не в меру разбушевавшихся демонстрантов к той или иной площади полиция готовит им "достойную встречу..". Для начала наносит на асфальт так называемую "банановую шелуху", — разворимый меловой порошок, который при смешивании с водой резко увеличивает скольжение. Во всяком случае, ледяная корка в гололед на улице намного уступает этому искусственному покрытию. Впрочем, вместо "банановой шелухи", с не меньшим успехом применяется и

специальный клей, который делает невозможным передвижение демонстрантов, ибо обувь их просто-напросто прилипает к асфальту. Так что выражение "влипли", приобретает буквальный смысл.

Конечно же, "приклеить", всех участников несанкционированного выступления невозможно, ибо, натолкнувшись на препятствие, задние

ряды попытаются скрыться. Но вряд ли им это легко удастся, так как полицейские заранее, расположившись на крышах домов, распылят особые растворы люминофоров, которые, осев невидимыми каплями на одежде демонстрантов, что называется, "засветят", их. Позднее, пропуская людей через контрольные пункты на близлежащих улицах, сотрудники с помощью ультрафиолетовых лучей определят, причастен или нет конкретный человек к событиям на площади.

На тот случай, если действия толпы примут более угрожающий общественному спокойствию характер, имеются и другие, прямо скажем, удивительные для нас средства. В частности, автоматические гидропушки на автомобилях с пульсирующей струей воды (вода нередко заряжена током высокого напряжения, что позволяет выводить из строя людей на расстоянии до сорока пяти метров). Или аэрозольные распылители слезоточивых и рвотных химических веществ; в ряду других полиция располагает и газом, который просто усыпляет демонстрантов на месте. Остается лишь подобрать мирно спящих и отвезти в участки еще до того, как они проснутся и вздумают оказать сопротивление властям.

А чего стоят газометы, которые за несколько минут заполняют слезоточивым газом (Си-Эн, Си-Эс, Си-Эр, Си-Эн-Дэ) целый квартал. Эти химические вещества воздействуют на слизистую оболочку глаз — не заплачешься.

Весьма эффективно лучевое оружие, способное поражать на расстоянии десятков метров. Мощный импульс поляризованного света вызывает потерю пространственной ориентации, сильную тошноту, нестерпимую

головную боль и в конечном счете лишает правонарушителей маломальской способности к сопротивлению.

Хорошо зарекомендовала себя при ликвидации массовых беспорядков лампа-вспышка с частотой мигания пятнадцать герц; источник света — электродуга. Установка предназначена для дезориентации участников несанкционированных митингов, ибо мощные вспышки света — причина головокружений.

Применяются и инфракрасные лучи, которые, воздействуя на большие массы людей, вызывают испуг, дрожь, обмороки, эпилептические припадки. А пенные генераторы в течение нескольких секунд выбрасывают такое количество мыльной пены, что попавшие в нее люди всерьез задумываются о том, что им грозит опасность удушья. Хотя пена в принципе безопасна для жизни.

К числу других, санкционированных законом и принятых на вооружение средств подавления массовых волнений можно отнести и такие. Склеивающие химикаты, которые, попадая в толпу, образуют своеобразную паутину, опутывающую людей по рукам и ногам.

Линометы — устройства, набрасывающие на участников митинга нейлоновые сети и позволяющие полиции выхватывать из толпы отдельных индивидов, например зачинщиков беспорядков.

Акустические устройства с мощными громкоговорителями, издающими настолько пронзительный звук, что уши человека не выдерживают (при максимальной силе лопаются перепонки). Эти установки дезорганизуют толпу, сеют панику, заглушают команды и призывы лидеров, песни.

Мощный прожектор — излучает столь яркий свет, что в худшем варианте перегорает глазной нерв и повреждается зрение.

Генератор ультракоротких звуковых волн — на расстоянии ста метров оказывает парализующее действие на демонстрантов.

Метательное устройство — выбрасывает гарпун с проводами, находящимися под током, что оказывает одновременное парализующее воздействие на всю группу демонстрантов.

Электрические пули — дают возможность бесконтактным способом и на довольно значительном расстоянии заряжать тело человека мощным потенциалом статического электричества. После этого он надолго лишается способности к активным действиям. К сожалению, не исключены и сердечные приступы.

Броневик с генератором вибрирующих звуков низкой частоты — воздействует на мочевую пузырь и толстую кишку. Что происходит в этот момент с человеком, надеюсь, читатель догадается сам. В любом аспекте идеологическая сторона выступления демонстранта уже не волнует.

А ведь все перечисленные средства «контроля над насилием толпы», относятся, как ни парадоксально, к гуманным. Подчеркиваю — к гуманным! Знаете, есть в распоряжении полиции и негуманные. Представляете, какие?

Предвижу реакцию нетерпеливого и, наверно, слегка рассерженного читателя: «Так вы что же, призываете к тому, чтобы моя милиция, которая, как известно, меня бережет, пользовалась теми же методами против

своего народа?!». Ответу: «Против народа — ни в коем случае.. Давайте уточним понятия и расставим акценты: считаете ли вы, что понятия «прохожий» и «проходимец», — суть одно и то же? Вряд ли. Можно ли называть «народом», садистов в Оше, которые в националистическом угаре резали на куски людей, насиловали, убивали и грабили? Почему в демократической, хваленой Америке со всеми ее правами и свободами главной задачей полиции считается «контроль над насилием толпы», а у нас в Законе о милиции Российской Федерации даже намек нет на подобную функцию?

О том, как полиция и национальная гвардия США выполнили свою миссию в Лос-Анджелесе в мае прошлого года, знает весь мир: за три дня убито 58 человек, ранено 2400, арестовано 11000, разрушено 10000 зданий. Добавьте 5000 пожаров и более миллиарда долларов убытка. Однако с поставленной перед ними задачей силы правопорядка справились и не допустили ни Карабаха, ни Олстера, ни других многолетних междоусобиц, в которых и жертв куда больше, и убытков. Кроме того, то, что на Западе делает полиция, у нас — молодые восемнадцатилетние парни в голубых (ВДВ) и краповых (ВВ) беретах. Причем берут нередко не умением, а, увы, числом. И не с помощью «гуманных», средств, а ценой собственных жизней.

Помните старый армейский анекдот, как один военачальник просит у другого экскаватор. Узнав, что техники нет, уточняет: «Тогда пришли пару солдат с лопатами.. И пока специалисты по ликвидации массовых беспорядков, которых я приглашаю к разговору на обозначенную тему, точат перья и ляды, предлагаю читателям подумать еще над одной обоймой в общем-то риторических вопросов.

Считаете ли вы, что проблемы «контроля над насилием толпы», в нашей державе нет? Много ли умения требуется от российских инженеров оборонной промышленности, запуганных и издерганных конверсией, чтобы изготовить и внедрить хотя бы малую толику перечисленных выше средств полицейской техники? Бог с ним, не создать — закупить: сомневаюсь, что это обойдется дороже стоимости одного-двух самолетов «МиГ-29», которые мы щедро продаем по 60 миллионов долларов. Много ли времени потребуются командирам и начальникам, чтобы научить внутренним войска и милицию грамотно пользоваться новой полицейской техникой?

А кто заинтересован в том, чтобы российский рынок был столь же жестким, сколь и американский, но милиция и войска правопорядка оставались при этом на уровне бржевско-горбачевских времен и по оснащению, и по подготовке, и по социально-бытовой обеспеченности?

И еще: хватит ли духу у Президента России, взвалившего на себя еще одну ношу — Верховного главнокомандующего российской армией, действовать в ситуации, аналогичной лос-анджелесской, столь же решительно, как американский президент? Или он постарается возложить ответственность за возможные последствия на все тех же безропотных солдат... с пресловутыми саперными лопатками?

Капитан милиции
С. ДРЕСВЯНИН.

12 апреля —
День космонавтики

Полковник Бабердин Валерий Васильевич, редактор отдела науки, техники и космонавтики газеты «Красная звезда». Родился в 1941 году, отец — военный топограф, мать — учительница.

Окончил Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева, специальность — инженер-механик. Служил на Дальнем Востоке начальником ОТК военного ремонтного завода. В печати работает с 1976 года: сначала в журнале «Техника и вооружение», потом в газете «Красная звезда». О проблемах космонавтики начал писать с 1984 года.

В 1990 году был прикомандирован к Отряду космонавтов, прошел двухгодичную подготовку к космическому полету, получил квалификацию космонавта-исследователя. Однако осуществить полет в космос пока что не удалось. Почему? Об этом наш сегодняшний рассказ.

КОСМОНАВТ НОМЕР «ИКС»

БЫЛА ИДЕЯ,
НО ПЕРВЫМИ МЫ НЕ БЫЛИ

О полете журналиста в космос заговорили давно, еще при Королеве. Тогда на одной из пресс-конференций сразу после полета Валентины Терешковой Сергей Павлович публично обещал в перспективе включить в состав космического экипажа и журналиста. Желаящих оказалось в достатке, трое из них — Ярослав Голованов из «Комсомольской правды», Михаил Ребров из «Красной звезды», и Юрий Летунов с Всесоюзного радио — прошли в полном объеме медицинский отбор, приступили к тренировкам. Но... В январе 1966 года умер Сергей Павлович, и о полете журналиста забыли. Вспомнили спустя свыше двадцати лет.

... В тот год как-то не совсем удачно складывались для нас события на орбитах. Александр Волков, Сергей Крикалев и Валерий Поляков, докрутив на «Мире», положенную им полугодовую вахту, с сожалением узнали о том, что «смены не будет», и что им придется возвращаться домой, оставив станцию пустой и запертой. Орбитальный модуль «Квант-2», которого все ждали с таким нетерпением, застрял где-то на заводских ступелях, и непонятно было, когда он наконец пойдет к «Миру». К этому добавилась печальная кончина межпланетных «Фобосов».

В общем, настроение и среди конструкторов, и среди пишущей братии, аккредитованной в Центре управления полетом, было

неважное. Всякий раз, собираясь на пресс-конференциях, а их тогда проводили довольно часто, мы горячо обсуждали сложившееся в советской космонавтике положение. Но все это ушло на второй план, когда 28 марта 1989 года газеты опубликовали совершенно неожиданную для нас скромную на вид тассовскую заметку. Называлась она так: «Японский журналист станет космонавтом». Речь шла о соглашении, подписанном между Главкосмосом и телекомпанией Ти-би-эс. На нас она произвела впечатление взорвавшейся бомбы. Не сговариваясь, все журналисты, пишущие о космосе, говорящие о нем и его снимающие, бросились в атаку: «Почему не мы, а японцы будут готовиться в Звездном? У нас разве выбрать некого для полета?»

В конце концов мы добились своего. Была создана космическая комиссия Союза журналистов СССР. Потом был творческий конкурс и сложнейший медицинский отбор — изнурительный полуторамесячный марафон, на протяжении которого организм каждого из претендентов буквально разложили по полочкам — просмотрели, прощупали, просве-

тили. Ни один орган, ни одну клетку не оставили без внимания. И вот наконец заседание государственной межведомственной комиссии. Зачитывается решение — шестерых журналистов зачислить в Отряд космонавтов для прохождения двухлетней подготовки к космическому полету по программе космонавта-исследователя. Кроме меня в этой группе были мой коллега «краснозвездовец», Александр Андриушков, Светлана Омгльченко (газета «Деловой мир»), Павел Мухортов («Советская молодежь», Рига), Валерий Шаров («Литературная газета») и Юрий Крикун («Укртелефильм»).

Конечно, вопрос спорный, так ли уж нужен сегодня журналист на орбите. Сегодня, когда ремонтно-восстановительные работы на станции занимают две трети времени, когда программы «горят», когда каждая тысяча долларов, получаемая от зарубежных партнеров, практически спасает от банкротства космическую индустрию. И все-таки, наверное, именно сейчас он и нужен, если брать по большому счету. Но нужен равноправным членом экипажа, способным помимо своей профессиональной журналистской деятельности взвалить на себя часть общей рабочей нагрузки. И полет этот не должен превращаться в рекламное шоу. Он нужен как серьезное журналистское исследование, рассчитанное на перспективу и проводимое ради самой космонавтики.

В записных книжках А. П. Чехова есть такая мысль: «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вынай». Наблюдай и вынай... Сам! Из многих журналистских заповедей эта, пожалуй, одна из главных. И я безгранично благодарен судьбе за то, что она предоставила мне возможность в течение двух лет наблюдать многогранную жизнь Центра подготовки космонавтов, Звездного городка и вынаживать во все ее нюансы.

МУЖСКИЕ ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Листаю свой дневник. Все расписано по часам, а иногда и по минутам. Сейчас удивляюсь, как мы выдерживали этот ритм. Лекции по баллистике, астронавигации, по космической медицине. Бесконечные зачеты и экзамены по конструкции и компоновке космических кораблей, по системам управления движением и жизнеобеспечению, по радио-, телевизионной, связи и научным космическим экспериментам... Тренировки на центрифуге, в баро- и термокамерах.

Обо всем не расскажешь. Но есть вещи, которые навсегда врезались в память. Картины непроизвольно всплывают в сознании, и я чувствую, как нервный озноб пробегает по коже, как кровь наполняется адреналином и воля собирается в кулак. Нет, это не страх, это полная мобилизация организма на ситуацию. Нормальная реакция.

Первый вылет на учебном истребителе и полная программа сложного пилотажа над зоной — над чудным Плещеевым озером. Виражи, гикирование, штопор, петля, по-

лупетля... А в заключение еще и «бочка», в самостоятельном исполнении. Скажу вам: эмоций — буря. Помню изматывающую работу в гидробассейне, когда в специальном скафандре мы имитировали выход в открытый космос.

Помню запах снежной тундры под Воркутой. Там мы проводили тренировки на выживаемость в случае вынужденной посадки космического корабля в заполярный район. Исходные условия — погода за бортом 35–40 градусов мороза, ветрено, поземка. Экипаж в скафандре в спускаемом аппарате выходит на связь со спасательной группой, сообщает свои координаты, а дальше — ожидание. В течение двух суток. Сначала в спускаемом аппарате надо снять скафандр, отыскать в неприкосновенном аварийном запасе комплекты теплозащитных костюмов и, не торопясь, переодеться в них. Почему не торопиться? Тесно уж очень в спускаемом аппарате: три кубометра на троих. Да и темно, внутреннего освещения нет, а иллюминатор не спасает. Потом надо выйти наружу, построить укрытие.

Нам «повезло», мы остались вдвоем с Василием Лукьяником, врачом, сотрудником Института медико-биологических проблем. Третьего члена нашего экипажа сняли с эксперимента из-за простуды. Не повезло нам с погодой — на вторые сутки разгулялся ветер, и это сильно осложнило нам строительство снежного жилища. В спускаемом аппарате больше ночи невозможно оставаться, настолько сильно он промерзает.

Помучились, сделали из снега «бунгало». В качестве крыши использовали парашютный шелк, благо его было вдоволь. Все, что могло как-то утеплить наш снежный дом, перетащили из спускаемого аппарата. Залегли, вышли на связь. Померили температуру в «помещении». Она оказалась минус двадцать. Неплохо, главное, ветра нет. Так и прокантивались следующие сутки — жгли сухой спирт, топили снег, разводили кофе, чай. Периодически вылезали наружу, проверяли состояние нашего жилища. Самое трудное было пережить вторую половину ночи. Немного задремлешь и тут же коченеешь. Утром ветер стих, показалось солнце. Из кустарника попытались развести костер — получилось. Совсем стало здорово. Когда выходили из эксперимента, было чувство, будто какой-то внутренний рубеж преодолели, самосознание вышло на новый уровень. Такое можно только там пережить.

А парашютные прыжки, а полеты на невесомость... Листаю свои блокноты, просматриваю видеозапись и не могу не волноваться.

НЕВЕСОМОСТЬ — ЭТО ТЯЖЕЛО

— Вышли на режим, — сквозь рев двигателей по громкой связи раздался голос бортехника самолета, и одновременно три красные лампы зажглись в салоне. — Скорость шестьсот, шестьсот двадцать... начали.

Тут же почувствовал, как перегрузка прижала меня в свои плотные объятия. Вдавила в сиденье, прижала руки к ногам, а ноги к

полу. Как учили на центрифуге, напряг мышцы живота, спины, бедер. Секунды, словно резиновые, растянулись по времени. И вдруг — раз... Слегка перехватило дыхание, сердце екнуло, провалилось куда-то вниз. И через мгновение — ощущение необычайной легкости. Какая-то неведомая сила оторвала меня от скамейки, потащила вверх к потолку.

Да, теоретически я вроде был готов к этому полету. Знал, например, что самолет ИЛ-76 МДК (модернизированный "космический", вариант) сначала войдет в пикирование, разовьет скорость 620 км/час, потом по кривой

пойдет вверх, и на высоте 7200 метров командир экипажа переведет рычаги управления двигателями на малый газ. Дальше — движение машины по инерции. Как у снаряда, выпущенного из ствола дальнобойного орудия. Наш самолет будет "чертить" параболу, только более крутую — параболу Кеплера.

Удержимся на ней — получим качественную невесомость, именно такую, какая есть на "Мире", жаль только, непродолжительную — всего 25—30 секунд. Нет — невесомость будет "смазанной", возникнут дополнительные ускорения, а значит, микро- и макрогравитация. Здесь многое зависит от мастерства летчиков. И таких циклов за полет всего десять. Их может быть и больше, если требуют того эксперименты, научные исследования.

Знал и о другом — невесомость коварна.

— Надо быть готовым ко всему, — предупредил нас руководитель отделения невесомости подполковник Виктор Рень. — Каждый организм по-своему адаптируется в этой обстановке. Кто-то сразу сможет выйти на рабочий режим, у кого-то возникнут дискомфорт, тошнота, рвота. Ничего страшного, надо потерпеть, перебороть себя. Организм должен привыкнуть к новой для себя ситуации.

... И вот первый полет. Надеты и проверены спасательные парашюты, получен подробный инструктаж на случай аварийного покидания самолета в воздухе (все-таки полет довольно опасный — как испытательный относится к первой категории). Ожидаю старта на скамейке у медицинских приборов. Отсюда хорошо виден весь "бассейн невесомости", — салон размерами с небольшой спортивный зал. Пол тщательно устлан матами, на панелях поручни. Наблюдают, как основательно в окружении инструкторов готовится к встрече с невесомостью Светлана Омельченко. Рядом со мной в кресле окутанный проводами Александр Андрушков. Сейчас медики снимут у него "наземный фон", и его место займу я.

Наша задача во время первых "горок" — работать на запись реоэнцефалограммы. Другими словами, в момент наступления невесомости кровь в организме человека перераспределяется, мощный ее поток направляется к коре головного мозга. Все это и регистрируют реоэнцефалограммы, плюс ЭКГ, фиксирующая работу сердца. Мой инструктор Михаил Новиков с нетерпением ждет, когда наконец меня освободят от медицинских поясов с датчиками. Ворчит: "Ребята, ему работать пора, вы у нас и так уже три „горки“ отобрали. Посмотрите — он как огурчик".

И вот он, "бассейн невесомости". Первое упражнение — простое. Держась руками за поручень, надо в воздухе лечь "в горизонте". Потом — ноги выше головы, к потолку, и в таком положении перемещаться вдоль борта. Чувствую, получается. Главное, не нервничать, не спешить, полностью раскрепоститься. Вижу, как борется с собой Саша Андрушков. Его мутит, тошнит, но он не смущается. Слышу только его чертыханья.

— Поменьше по сторонам смотри, а то и тебе достанется, — ворчит мой инструктор. — Работа есть, делай.

Следующее задание — полеты от борта к борту.

Все вроде бы просто, но невесомость "раскрывает" тебя, нет точки опоры, спина невольно выпрямляется, ты "всплываешь", и

попробуй тут сгруппируйся! Ощущаю свою беспомощность, смеюсь и злуюсь одновременно. Не получаются полеты, скорее — беспорядочное бултыхание в воздухе. Но постепенно, раз за разом, организм начинает приспосабливаться, восстанавливается координация движений. Пару раз я с наслаждением отрываюсь от борта и чувствую, как управляю своим полетом.

Потом были еще два полета и двадцать "горок". Первый из них — довольно ответственный, комплексная экспертная оценка адаптации организма к невесомости. Второй — ознакомительный, учились в условиях реального полета в космосе на орбите надевать скафандр. Дело тоже оказалось непростое. Не сразу, но все же получилось.

Вот такие были у нас занятия. И конечно же, хотелось бы их естественного продолжения. А вершиной пирамиды все-таки видится полет. Очень уж сил для него затрачено много. Да и денег тоже. Впрочем, наша судьба в чем-то и типична. Была же группа космонавтов-ученых от академии наук, готовился к полету чисто женский экипаж. Где они? Сколько сил и средств было отдано подготовке пилотов для "Бурана". Целая группа высококлассных летчиков-испытателей (я говорю о военных) на несколько лет отошла от своей основной испытательной работы. Трудились, слушали лекции, сдавали экзамены, занимались на специальных тренажерах. А затем... Вновь вернулись на свои прежние места.

ШИПЫ И РОЗЫ НА ДОРОГЕ В КОСМОС

Более тридцати лет прошло с момента полета Юрия Гагарина. Много, очень много изменилось за это время. Практическая космонавтика шагнула в области, еще вчера казавшиеся фантастическими. Она многое приобрела, но немало и потеряла. "На работу в космос" — эти слова давно стали обыденными, для журналистов — штампом. Да, как это ни печально, годы романтического космоса безвозвратно уходят, если уже не ушли.

Общественное мнение стало иное, жестче требует конкретного практического выхода, реальной пользы для землян от тех, кто ведет освоение космического пространства. Какая уж тут романтика. Да мы и сами себя вгоняем не только в практические, но уже и в чисто коммерческие рамки. Готовы за бесценок продать уникальные технологии, а главное — опыт, добытый годами и годами напряженнейшего труда всей страны, методом тяжелых проб и горьких ошибок. Он бесценен, этот опыт. И за рубежом понимают это лучше, чем мы.

Мы зачастую просто не хотим понять. Не случайно вся Западная Европа в течение последних двух лет была представлена в Отряде космонавтов в нашем Звездном городке.

А теперь к нам рвутся на совместную работу американские специалисты. Конечно, заманчиво вместе слетать к "Миру". Но доли того, что получают разные стороны в результате этого эксперимента, совершенно неравнозначны. Они приобретут у нас все ме-

тодики организации длительных вахт на орбитальной станции (как технических, так и медицинских). Что дадут взамен? Полет нашего космонавта на "Шаттле", как уже сейчас ясно, — в роли пассажира. Плюс возможность использования "Челнока" в качестве грузовика для доставки на орбиту крупногабаритных запасных частей. Это далеко не фифти-фифти.

Но есть и другая сторона у этой проблемы — падение в нашей стране социальной значимости, престижа самой профессии космонавта. Представим себе: мы задаем вопрос, допустим, школьнику начальных классов, хочет ли он стать космонавтом. Да это вызовет улыбку, если не смех. Еще совсем недавно все было по-другому.

Словом, престижность легко потерять, поднять ее трудно. А ведь без романтики, без влюбленности в космос, без страсти делать нечего в Отряде космонавтов. Очень уж тяжел там труд, и тяжесть эта, как показывает современная практика, далека от того, чтобы окупаться какими-то благами.

Совсем недавно перед стартом на Байконуре мы долго разговаривали по этому поводу с Геннадием Манаковым. Он горячился, говорил о том, что если так дальше пойдет, то совсем уже скоро вопрос о смене вообще не будет стоять. Ее просто не будет. А потом показал мне документ, разрешающий военным космонавтам подписывать контракты на сумму, по нынешним меркам очень скромную. Назвать ее я не могу, скажу только, что призы, разыгрываемые в телевизионной шоу-игре "Поле чудес", и извлекаемые из черного ящика, бывают зачастую более дорогостоящими.

— Но все равно это хоть что-то, — убеждал меня Манаков. — Понимаешь, важен сам факт. Мы впервые, уходя на орбиту, подписываем контракт с НПО "Энергия".

Я также помню, как, возвращаясь из Звездного вечером в пятницу, мы в метро читали объявление о найме на работу и подшучивали над будущими бортинженерами космических кораблей: их оклад был меньше, чем у операторов уборочных машин в метрополитене.

И все же есть у нас еще люди увлеченные, способные на смелые поступки. Я рад, что знаком, дружу с офицерами, которые свое спокойствие (а значит, и спокойствие семьи, хорошую должность, планомерное продвижение по служебной лестнице) променяли на призрачную возможность побывать там, в загадочной синеве. Упорно трудились многие годы, постоянно надеясь, что наконец-то выбор падет и на них (груз неимоверный — физический, психологический)... Сколько раз они "летали в космос", на Земле, на тренажерах готовили себя к работе в невесомости, отработывали документацию полета, методику экспериментов, и сколько среди них таких, кто в реальности там не был и, возможно, не сумеет вообще побывать. Так и увольняются они в запас в звании подполковника, уже не боевые летчики, но, по существу, и не космонавты.

— Слушай, уйдешь из Отряда, будешь работать в редакции, появится время, постарайся больше писать о проблемах тех, кто является слушателем "космической академии", проходит службу в Центре подготовки космонавтов, — наставляли меня в Звездном. — Сам же почувствовал все "прелести" нашей жизни. Сейчас первоклассного летчика к нам не затащишь. Молодые охотнее идут, но у них налета мало, с ними еще работать и работать. А тем, кто с опытом, должность нужна. На старом месте уже и перспектива обозначилась, а тут?.. Как дальше судьба сложится, трудно сказать. К тому же риск. Медики начнут копаться, так твой организм препарируют, что не только в Отряд не попадешь — с летной работой в истребительной авиации спрашиваешься. Таких случаев больше чем достаточно.

— Валерий, а ты знаешь, какая ситуация возникла в Центре подготовки космонавтов в связи с сокращением Вооруженных Сил? — вступает в разговор Валерий Илларионов, старожил Отряда, хотя сам еще не летал в космос. — Образовалась целая группа подполковников, преодолевших сорокалетний рубеж, и все они стоят в плане увольнения из армии. Не по здоровью и профнепригодности — по возрасту. Безусловно, с трудоустройством у них все будет в порядке. Тот же Центр управления полетом, космические фирмы с готовностью предоставят им рабочие места. Но они же суперпрофессионалы! Годы воспитывались в ЦПК, набирали опыт, имеют навыки работы со сложной аппаратурой в экстремальных ситуациях, у них отменные физические кондиции. Разве в армии, в Вооруженных Силах такие люди не нужны?

Валерий Илларионов из раннего набора. Готовился как бортиженер на военную орбитальную станцию. Потом станция не пошла, и военные бортиженеры остались не у дел. Для кораблей "Союз ТМ", НПО "Энергия", готовила своих специалистов. Так было и "забито", в Положении об экипажах. А раз есть документ, значит, все, так оно и будет. Вот и получилось: командир экипажа — летчик (должен иметь соответствующее образование), бортиженер — сотрудник ведущей космической фирмы, КБ имени С. П. Королева.

Для Илларионова оставался один путь — стать космонавтом-испытателем. Он проводил всю черновую работу на Земле — испытывал скафандры, новые системы жизнеобеспечения космических кораблей, системы аварийного их покидания на старте... А полет? Так и остался в мечтах. (Вроде бы недавно виделись с Валерием, а тут вдруг узнал — несчастье у него. Серьезная травма позвоночника, сулящая потерю подвижности. Сказались перегрузки, которые он получил раньше, во время жесткого приземления при отказе парашютов. А потом добавил на центрифуге и еще при испытаниях спасательного желоба для аварийного покидания "Бурана". Хорошо, врачи попались грамотные и упорные, делают все, что возможно и

невозможно. Но об этом отдельный рассказ.)

— В "Правде" как-то прочитал, — продолжает Илларионов, — рассуждения на тему, так ли уж необходимо запускать космонавтов в погонях. Очень нас это задело. Ведь речь идет об ответственной работе — о командире экипажа космического корабля. Практика показывает: летчики истребительной авиации лучше всего для этого подходят. У них и организм приспособился, и навыки определенные есть. Давайте посмотрим, кто приходит в школу испытателей Министерства авиационной промышленности, — в основе своей те же опытные боевые летчики в погонях. Да как тут не вспомнить слова С. П. Королева, который считал: "...Для этой цели более всего пригоден летчик, и прежде всего летчик-истребитель. Это и есть универсальный специалист. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортиженер. А будучи кадровым военным, он обладает необходимыми морально-волевыми качествами: его отличают собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели".

А как обстоит дело за рубежом, в США? Все экипажи кораблей многообразного использования в подавляющем своем составе — военные.

... Ну а ты сам когда-нибудь в космос полетишь? Насколько реально все это? Вопросы, которые мне задают постоянно. Да и я сам себе их задаю чуть ли не каждый день. Много раз затрагивал эту болезную для меня тему с генеральным директором Российской космической агентствы Юрием Коптевым, с председателем государственной межведомственной комиссии командующим военно-космическими силами генерал-полковником Владимиром Ивановым. Оба относятся к идее полета журналиста в космос с пониманием, обещают самую активную поддержку, но... "Понимаешь, сейчас денег нет. Нам бы просто выжить. Потерпи немного, будет и на вашей улице праздник...". А пока советуют держать руку на пульсе, больше бывать в Отряде в Звездном городке, по возможности тренироваться, в общем, держать себя в форме. Стараюсь, ведь надежда умирает последней...

Полковник В. БАБЕРДИН,
космонавт-исследователь,
"Красная звезда".

Специально для журнала
"На боевом посту",
февраль 1993 г.

Фото В. ТРУНОВА.

ИСТОРИЯ, прочитанная заново

Ретроспектива

“ЖЕСТОКОЙ БЕДНОСТЬЮ ГОНИМЫ” И ОФИЦЕР, И РЯДОВОЙ...

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ЧИНОВ В АРМИИ И КОНВОЙНОЙ СТРАЖЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Газета “Аргументы и факты”, в одном из номеров сообщила о денежном содержании офицеров русской армии на рубеже XIX–XX веков. Приведя несколько цифр, характеризующих суммы должностных окладов и некоторые цены, “АиФ” делает безапелляционный вывод: “... говорить о бедственном положении офицеров в русской армии оснований нет.”

Однако у писателя А. И. Куприна в его известной повести “Поединок”, о жизни офицеров говорится совершенно противоположное: “Ротные командиры, большую частью люди многосемейные, погруженные в домашние дразги... придавленные жестокой бедностью и жизнью сверх средств, кричали под бременем непомерных расходов и векселей.”

Так кто же прав? Каково на самом деле было материальное положение русских офицеров, и в частности, офицеров конвойной стражи?

Сразу следует оговориться, что денежное содержание офицера в России было самым низким в мире и пересматривалось оно весьма редко.

Конвойные команды, занимавшиеся охраной и этапированием арестантов, входили в состав местных войск, которые подчинялись командующим военными округами. Поэтому на офицеров и нижних чинов конвойных подразделений распространялись все положения военного ведомства.

В 1865 году, когда было начато формирование местных войск, годовое жалование начальников конвойных команд составляло 93 рубля. Сумма эта соответствовала жалованью армейского командира роты. Отдельного оклада за офицерское воинское звание не существовало.

Кроме жалованья выплачивались так называемые столовые деньги, или, говоря современным языком, пайковые. Сумма их колебалась в зависимости от воинского звания и в среднем составляла треть годового жалованья. Если же офицеру не предоставлялось казенное жилье и он был вынужден снимать комнату, то стоимость проживания в ней оплачивалась из государственной казны. Деньги эти назывались квартирными.

Годовое жалование нижних чинов конвойных команд унтер-офицерского звания составляло: старшего – 33 рубля 60 копеек, младшего – 25 рублей 35 копеек. Рядовым полагалось по 6 рублей в год. Следует отметить, что нижние чины находились на полном государственном обеспечении.

Чины конвойных команд, располагавшихся на главных этапных трактах с интенсивным движением арестантских партий, оказывались в более выгодном положении, чем их столичные или губернские коллеги. Приказом по военному ведомству им было определено выплачивать наградные деньги в конце года “за успешное препровождение арестантов”. Суммы эти по тому времени были весьма значительными: каждому офицеру полагалось 240 рублей, унтер-офицерам – 10 рублей и рядовым – 3 рубля.

К началу 90-х годов экономическое положение офицеров стало особенно бедственным. “Непрерывный и в высшей степени тяжелый труд офицера, — подчеркивал военный министр генерал П. С. Ванновский во “всеподданнейшем” докладе императору в 1882 году, — не вознаграждается сколько-нибудь удовлетворительно не только по сравнению со всеми другими профессиями, но даже по отношению к самым ограниченным потребностям офицерского быта...”

В этот период годовой заработок квалифицированных рабочих на машиностроительных заводах Санкт-Петербурга составлял свыше 300 рублей. А годовое жалование командира полка, без учета других выплат, было 309 рублей...

В одном из номеров военного журнала “Разведчик”, за 1898 год приведен анализ бюджета холостого офицера за подписью “Подпоручик”. Анонимный автор писал, что его месячное содержание составлял 39 рублей 75 копеек. Далее он приводил самые необходимые расходы и в результате делал вывод,

что ему для очень скромного существования требуется 50 рублей в месяц. Здесь следует пояснить, что офицер расходовал деньги из жалованья не только на личные нужды. В его обязанности входило делать ежемесячные взносы в Офицерское собрание, на полковую библиотеку, на ремонт походных вещей, в полковой заемный капитал и т. д.

В известных московских трактирах один только обед мог обойтись подпоручику в сумму его месячного жалованья. Например, из книги В. Гиляровского "Москва и москвичи", можно узнать, что обед на троих в знаменитом трактире Тестова с "холодной смирновской", "балычком с Дона", "икоркой белужьей паусной", и другими ныне также недоступными для офицеров деликатесами стоил 36 рублей. Правда, пообедать в Москве можно было и подешевле.

"...И все лезет и лезет новый и новый народ, — читаем у того же Гиляровского о другом московском трактире — Бубнова. — И как не лезть, когда здесь все дешево: порции огромные, водка рубль бутылка, вина тоже от рубля бутылка, разные портвейны, мадеры, лиссабонские московской фабрики вплоть до ланинского двухрублевого шампанского..."

Но и "дешевые", трактиры были не по карману подпоручику.

О неудовлетворительном финансовом положении офицеров свидетельствует следующая исторический факт. В период с апреля 1877-го по декабрь 1881 года почти все награжденные Золотым оружием "За храбрость", испрашивали вместо дорогой награды денежную компенсацию. Получив грамоту о награждении, офицеры на заказ "отделяли оружие на манер золотого", т. е. с позолоченным эфесом и вырезанной надписью "За храбрость". Стоила такая операция 4 рубля 50 копеек. Остальной суммой офицер мог распорядиться по своему усмотрению. Именно так поступил лейтенант флота С. Макаров, будущий прославленный вице-адмирал, награжденный в 1877 году золотой морской саблей.

Царское правительство после неоднократных обращений военного министра пошло на некоторое улучшение материального положения офицерского корпуса. Приказом по военному ведомству от 15 июня 1899 года был объявлен новый "табель окладов жалованья по чинам и сумм столовых денег". Согласно ему годовое денежное содержание офицеров конвойных команд составило: подполковника — 1080 рублей, от подпоручика до капитана соответственно от 660 до 900 рублей. Одновременно была упорядочена и выплата столовых денег. Начальникам и офицерам Иркутской, Самарской и Ашхабадской конвойных команд полагалось на питание по 240 рублей в год. Для офицеров конвойных команд, располагавшихся в европейской части России, а также в Тюменской, Томской и Красноярской губерниях, размер столовых составлял 180 рублей. Всем остальным офицерам выдавалось на питание 93 рубля в год.

Из этого следует, что начальник конвойной команды в чине капитана в начале XX века имел годовое жалованье около 1140 рублей, или 96 рублей в месяц. Казалось бы, сумма значительная, но все познается в сравнении. И потому приведем цены на некоторые товары. В то время стиральная машина "Прогресс", с ручным приводом стоила 35 рублей. В недорогих магазинах можно было приобрести пиджак за полтора рубля и брюки за 75 копеек. Однако модные костюмы из хорошей ткани стоили от 10 рублей и дороже.

В магазине И. Ф. Касселя в Санкт-Петербурге "господнам офицерам", предлагались предметы военного имущества по следующим ценам: портупея кожаная лакированная — 1 руб. 25 коп.; погоны золотого шитья офицерские — 2 руб.; шапка каракулевая — 8—10 руб.; рюкзак Смиа и Вессона — 11 рублей.

Проезд в кавказ обходился в 5 копеек, но для офицеров, особенно старших, считалось

неприличным ездить в общественном транспорте. Они должны были экономить на чем-то другом и пользоваться извозчиками, которые брали за проезд 10 копеек с клиента. Лихачи же заламывали более высокие цены. Кроме того, офицер, находящийся на стрельбах или полевых маневрах, должен был вносить ежедневно на горячую закуску 1 руб. 50 копеек. Так что постоянное пользование извозчиком являлось делом весьма накладным.

Однако офицеры конвойных команд находились все-таки в более выгодном положении, чем армейские офицеры. Вместе с повышением жалованья им была установлена ежегодная выплата наградных денег в размере годового оклада. Производилось это за счет средств, выделяемых Главным тюремным управлением.

25 октября 1899 года Главный инспектор по пересылке арестантов генерал-лейтенант И. Д. Сапожников подписал циркуляр, разъясняющий порядок выплаты наградных денег. "...Его превосходительство (имеется в виду начальник Главного тюремного управления. — Н. С.) наряду с заботой об улучшении быта офицеров конвойных команд, — читаем в этом руководящем документе вековой давности, — выразил желание, чтобы выдача означенных наградных денег производилась в строгой зависимости от служебной деятельности каждого офицера на пользу дела, для которого особенно и существует конвойная стража..."

Причиной для лишения выплаты наградных денег частично или полностью могло послужить наличие побегов арестантов от конвоев, "недостаточное воспитание нижних чинов конвойной службы", "отсутствие постоянных проверок службы конвоиров", а также "чрезмерно большой расход людей, в командах на хозяйственные работы в ущерб службе и обучению конвоиров. Немаловажной причиной считалось и "отсутствие заботливости начальников команд о том, чтобы деятельность вверенных им чинов была направлена на пользу общего тюремного дела".

Были и другие денежные выплаты... Стоявший во главе конвойной стражи Главный инспектор по пересылке арестантов в чине генерал-лейтенанта имел годового жалованья 1500 рублей. Столько же ему полагалось и столовых денег. Квартирные составляли 750 рублей. Общая сумма годового содержания этого генерала — 3750 рублей. В "Аргументах и фактах", указывается, что командир полка имел в год 5090 рублей (!). Цифра явно завышенная...

Безбедно существовали лишь офицеры дворянского происхождения, которые имели дополнительный доход от собственных имений или недвижимого имущества. Они в основном служили в гвардии.

С высоты нашего времени трудно судить о том, в достатке ли жили русские офицеры. Поэтому следует больше полагаться на свидетельства современников, нежели на чьи бы то ни было досужие вымыслы. Вот, например, что писал в своей книге "Путь русского офицера", генерал А. И. Деникин:

"Надо заметить, что в начале 90-х (XIX века. — Н. С.) годов младший офицер получал в месяц около 50 рублей содержания. И хотя до революции дважды увеличивалось содержание, но стандарт офицерской жизни стоял всегда на низком уровне..."

Не это ли послужило одной из причин сравнительно легкого падения самодержавия? И что изменилось за сто лет в отношении к офицерскому корпусу, если стиральная машина стоит сегодня в три раза больше месячного денежного содержания младшего офицера?!

Майор Н. СЫСОВЕВ.

В материале использованы сведения из документов Российского государственного военно-исторического архива.

Годы и судьбы

ДОМ

У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ

В КОНЦЕ тридцатых беда постучалась во многие квартиры дома у Покровских ворот. Пришла она и в квартиру N 49. Здесь жила семья Барановских. Глава семьи комбриг Семен Давыдович Барановский несколько лет возглавлял Высшую школу войск НКВД. Сын безземельного белорусского крестьянина, он своим трудолюбием, упорством, тягой к знаниям сумел многого достичь. Участник первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом за храбрость, произведен в прапорщики. В семнадцатом на фронте избран командиром полка. Прошел гражданскую войну. Окончил военную академию, стал одним из первых организаторов военно-учебных заведений в пограничных и внутренних войсках. Возглавлял 1-ю школу в Новом Петергофе, а с 1934 года — главную кузницу командных кадров войск НКВД. Награжден орденом Красной Звезды, премирован легковой автомашиной.

Незадолго до трагической развязки его перевели в Читу начальником Управления пограничных и внутренних войск Восточно-Сибирского края. Семья оставалась в Москве, так как старший сын учился в Московском

авиационном институте, а младший болел и нуждался в квалифицированной медицинской помощи. И вдруг 8 мая тридцать девятого года в квартиру Барановских пришли с обыском. Узнали страшную весть — отец арестован. Семье сообщили, что С. Д. Барановский осужден на десять лет без права переписки. Это была заведомая ложь. Барановского полгода томили и истязали в одной из московских тюрем, грозили, если он не признается в том, что готовил Высшую школу к антиправительственному выступлению в столице (!), то расправятся с семьей. Семен Давыдович мужественно держался. Жена Галина Георгиевна обивала пороги приемной НКВД на Кузнецком мосту, не получая вразумительного ответа. А муж в это время был здесь, рядом. 20 января 1940 года состоялся суд. Барановский виновным себя не признал, заявив, что двадцать один год честно служил Родине и ни в чем не виноват. Но Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла, а вернее будет сказать — отштамповала, стандартный приговор: расстрел с конфискацией имущества.

Когда началась война, старший сын Барановского Аркадий, студент 4-го курса МАИ, записался добровольцем в народное ополчение, участвовал в битве за столицу, был ранен под Калинин. Последнее письмо прислал в Аплере сорок второго, а последней весточкой о нем стала похоронка. Второй сын, Игорь, пошел работать на завод слесарем, одновременно учился в автомеханическом техникуме при ЗИСе. После войны окончил Московский авиатехнологический институт, но полтора года никуда не мог устроиться. Только после посмертной реабилитации отца стал работать инженером по специальности.

В канун Первомайского праздника трид-

цать девятого года арестовали всеми уважаемого в доме доктора — бригадиром Ивана Ивановича Шеплетто, начальника отделения санитарного отдела ГУПВВ: Этот добрый, отзывчивый человек никому не отказывал в помощи. Лечил в основном травмами, которыми запаса во время Памирской экспедиции. Делал он это бескорыстно, искренне радуясь, когда его настои и составы вылечивали и облегчали болезни. Происходил он из семьи русских интеллигентов, был разносторонне развит и одарен многими талантами.

Иван Иванович хорошо рисовал (одно время чуть не стал профессиональным живописцем), прекрасно пел, играл на многих музыкальных инструментах, любил спорт (когда-то завоевал первенство Москвы по фигурному катанию на коньках). В ГУПВВ он был инициатором многих начинаний по развитию военно-медицинской службы, спортивных соревнований по лыжам, верховой езде, конькам. В 1938 году награжден орденом Красной Звезды. Он являлся составителем Военно-медицинского справочника, выступал с интересными докладами на научных конференциях. В одном из декабрьских номеров 1938 года газета "Красная звезда" поместила его портрет и изложила содержа-

Окончание. Начало в N 1

ние научного сообщения на одной из таких конференций.

"Бдительные" органы состряпали целое дело о якобы существовавшей в системе НКВД загворщической террористической группе военных врачей, готовившей теракт путем заражения пищи и воды в Кремле, а также срыв медицинского снабжения в частях войск НКВД и подрыв их мобилизационной готовности. По приговору Военной коллегии, вынесенному 24 января 1940 года, были казнены начальник санотдела ГУПВВ диввоеноврач А. Н. Барков, бригавоенврачи

Семен Давыдович и Галина Георгиевна БАРАНОВСКИЕ.

Д. А. Владимирский и И. И. Шеплетто, военврач 2 ранга П. М. Солтанович и военинженер 1 ранга А. Н. Паничкин. Таким образом накануне войны была обезглавлена медико-санитарная служба пограничных и внутренних войск.

Жену Ивана Ивановича Антонину Михайловну арестовали вслед за мужем, как члену семьи изменника Родины дали 8 лет, которые она отбывала в Карлаге. Детей выселили, но недолго и им дали пожить на воле. Валентина вынуждена была уйти из института физкультуры, некоторое время преподавала в школе. В сорок пятом ее арестовали. Юрий, унаследовавший отцовский талант и способности к живописи, доказал свое право учиться в Московском институте прикладного и декоративного искусства, но тоже был арестован, сначала сидел во внутренней тюрьме на Лубянке, затем полтора года в Лефортове, после чего сослан в Воркуту. Работал на шахтах, в разных конторах, потом организовал кукольный театр, создавал для него декорации. Ныне Юрий Иванович — член Союза художников России. Недавно на выставке в Манеже в Москве экспонировался выполненный им с большой художественной выразительностью портрет отца.

Меня интересовало, как же относились жители дома к семьям репрессированных, особенно к детям, попавшим в такую беду. Я узнал много трогательного. Никакого антагонизма между семьями в эти страшные годы, за небольшим исключением, не было.

Только об одном неприятном случае рассказала дочь бывшего военкома 1-го мотострелкового полка дивизии имени Ф. Дзер-

жинского батальонного комиссара Ю. Б. Горжельчанина Анна Юльевна, участковый врач одной из московских поликлиник. Когда арестовали отца (это произошло 9 декабря 1937 года), в дивизионной многотиражке появилась статья, клеймившая "врагов народа", — вчерашних командиров и политработников, пользовавшихся до того и уважением, и авторитетом. До своего выселения они с матерью еще некоторое время жили в общей квартире дома у Покровских ворот. Соседка, с которой раньше были добрые отношения, перестала с ними разговаривать, не отвечала на приветствия. В кухне она вывесила ту самую газету, как бы подчеркивая свое молчаливое презрение к вражеской семье, с которой она тут вынужденно живет. Это, конечно, было больно переживать, но что поделаешь, когда многие люди находились под прессом тогдашней оголтелой пропаганды. Они верили, и вряд ли их можно за это осуждать.

В доме жили многие командиры и политработники дивизии имени Ф. Дзержинского. Штаб ее некоторое время располагался на Большой Лубянке, дом 11. На работу можно было ходить пешком, а те, кто служил в 1-м или во 2-м полках, до Покровских казарм тратили на дорогу и вовсе три-четыре минуты. Удобно и хорошо. Но настали времена, которые отсекали кое-кого и от дома, и от штаба, и от казармы.

Расстреляли первого командира дивизии комбрига П. Г. Кобелева, арестовали его жену.

В 1938 году был арестован и 29 апреля следующего года расстрелян полковник Мамушкин Яков Васильевич, начальник отдела техники штаба дивизии. Он с семьей жил в 38-й квартире. Мамушкину предъявили обвинение в сознательном подрыве боевой готовности техники дивизии, участии в антисоветской деятельности вместе с другими "заговорщиками": командиром соединения С. И. Кондратьевым, начальником штаба внутренних войск Московского округа Н. И. Мироновым и другими. Арестовали тогда многих дзержинцев, в том числе полковников И. А. Лебедева, И. К. Баркова, бригадного комиссара Б. С. Гольцова, Б. И. Вилькицкого (зам. по технике командира отдельного танкового батальона), капитана Ф. Г. Смирнова (помначштаба 3-го полка), майора Л. Я. Чукарина (ст. помначотделения штаба дивизии), майора М. О. Янкелевича (командир кавполка), майора Я. А. Каспарета (нач. отдела штаба дивизии), бывшего шофера автобронеполка, краснознаменца...

В квартире N 5 жила семья командира дивизии комбрига Павла Васильевича Торощина. Два предыдущих командира были уже казнены, теперь подошла очередь третьего. Его арестовали 29 июля тридцать восьмого. Обвинили в том, что с 1932 года состоит в заговорщической организации в войсках, вел подготовку к использованию частей дивизии в вооруженном выступлении против Советской власти. Ни больше ни меньше. Его допрашивали изнурительно и долго. Известный заплеванных дел мастер следователь-палач И. Т. Лихачев стремился во что бы то ни стало выбить "признания". Торощин был

коммунистом с 1919 года. Верный и преданный партии, он надеялся, что она его защитит. После невероятных мучений он мобилизует остаток сил, чтобы из Бутырской тюрьмы, камеры № 105, написать письмо "В ЦК ВКП(большевики). Тов. Сталину, о своей честности и невинности, просит объективно разобраться в его деле и принять справедливое решение. Это было 22 ноября 1939 года. Напрасно он ждал ответа, зря надеялся. Многие писали. Каждое письмо — крик души, акт отчаяния, в котором теплилась искорка надежды. Их не слышали. Не хотели слышать. Торошин не признал за собой вины. Об этом он смело заявил на суде. Но какое это имело значение, когда исход дела

Иван Иванович ПИЯШЕВ.

уже был предрешен. Военная юстиция, особенно ее верховный орган, тогда не вершила правосудие, а творила такой же произвол, как следственные органы НКВД. Правда, здесь соблюдалась видимость судопроизводства в отличие от пресловутых "двоек", "троек", и так называемого Особого совещания, то есть органов внесудебной расправы.

Столь же трагичны были судьбы обитателей восьмой квартиры Шугининых, десятой — Брагиных и еще многих, многих других. Григорий Федорович Шугинин, комбриг, участник гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени, командовал 1-й конвойной дивизией, затем был начальником штаба конвойных войск. Яков Григорьевич Брагин, майор, командовал 5-м Донецким полком, полком дивизии имени Ф. Дзержинского, затем служил в Главном управлении пограничных и внутренних войск. Оба репрессированы. Их семьи были выдворены из энкавэдэвского дома...

Начальники всегда ценят хороших и надежных помощников. Таким работником был инспектор для поручений при начальнике управления майор Курлиц Эдуард Карлович. Арестовали начальника, вслед за ним арестовывают помощника.

В тридцать седьмом в Москву с Дальнего

Востока был переведен служить Михаил Вячеславович Канн, майор-пограничник, недавно награжденный орденом Красной Звезды. Сын офицера пограничной охраны России решил тоже посвятить свою жизнь границе. В свое время он получил гимназическое образование, владел французским языком. Начинать военную службу на Кавказе, служил в Нагорном Карабахе, окончил Ново-Петергофское военное училище. В Главном управлении его назначили начальником отделения оперативного отдела. Серьезная и ответственная должность. Он быстро освоился, и дела пошли успешно. Поселили его с женой Мариной Антоновной в квартире № 53 на седьмом этаже. После стольких скитаний по окраинам страны впервые фортуна улыбнулась, дав возможность пожить в столице. Однако это счастье длилось недолго. 22 апреля следующего года его арестовали. Во время обыска перепотрошили тысячу книг (единственное богатство семьи). Ничего так и не нашли. Арестованному предъявили кучу несуразных обвинений и, сфальсифицировав дело, передали его Военной коллегии (последняя и окончательная инстанция репрессивного конвейера), которая 25 августа 1938 года вынесла смертный приговор...

* * *

В дом пришла война. Сначала постучалась в двери финская. Появились первые раненые и награжденные. Орденосносцами возвратились домой отличившиеся на войне капитан Петр Андреевич Гагаркин и лейтенант Георгий Николаевич Арбузов. О героизме Арбузова дом узнал, прочитав опубликованный в "Правде" очерк А. Безыменского.

А на пороге уже стояла другая война, принесшая много горя, потерь.

Домовая книга запестрела записями-отметками об убытии на фронт, призыве в РККА, отъезде в эвакуацию. Ровно через месяц после начала войны начались бомбежки. Попеременно дежурили у подъездов, на крыше для тушения зажигалок. Дом пустел, в действующую армию ушли многие. Часть семей покинула столицу. Почтальонов встречали с надеждой и тревогой: письмо или похоронка? Да и фронтовой треугольник мог принести недобрую весть. Жили ожиданием... Не вернулись с войны командиры полков С. А. Николин, Г. А. Каретин, А. А. Дзернейко, командир партизанской бригады Г. Н. Арбузов.

... В доме проживал генерал-полковник П. А. Артемьев. До войны он командовал дивизией имени Ф. Дзержинского, потом возглавлял Управление оперативных войск НКВД, затем был назначен командующим войсками Московского военного округа, а некоторое время спустя и войсками Московской зоны обороны. Он сыграл важную роль в организации защиты столицы в сорок первом. Под его руководством проводилось в жизнь известное постановление ГКО о введении в Москве осадного положения с 20 октября, привлечении частей войск НКВД к охране общественного порядка в столице.

Москва готовилась к уличным боям. Танковый батальон дивизии имени Ф. Дзержинского расположился на Покровке, для каждого танка отрыли окоп на бульваре. Дежурные экипажи находились в танках, остальные — в Покровских казармах, где размещался несший патрульную службу 3-й полк. Именно эти

танки 16 октября уничтожили прорвавшихся вражеских мотоциклистов в районе Химкинского моста. А тремя днями раньше мотострелковый батальон 2-го полка этого соединения под командованием капитана Ивана Петровича Ключко (тоже жителя этого дома) сдержал в районе Ищеино (в 25 км юго-западнее г. Боровска) наступление численно превосходящего противника.

В доме жил и капитан Михаил Александрович Седловский. Некоторое время он был начальником штаба Отдельной бригады особого назначения — защитницы Москвы, уникального соединения, вобравшего в себя добровольцев: студентов и спортсменов, политэмигрантов, пограничников, воинов внутренних войск, разведчиков, сотрудников милиции. Бригада готовила и направляла в тыл врага разведывательно-диверсионные группы, сыгравшие выдающуюся роль в рельсовой войне, сборе разведданных, она участвовала в минировании подступов к столице и боевых действиях в самый критический период обороны Москвы. К сожалению, не удалось выяснить судьбу самого Седловского.

... Летом 1943 года в пятой квартире поселился генерал-майор Иван Иванович Пияшев. Он приехал в Москву после кровопролитных боев на Кубани и принял под свое командование дивизию имени Ф. Дзержинского. А войну он начал майором, командуя 84-м полком войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, штаб которого стоял в Вильнюсе, а гарнизоны, охранявшие мосты, водоканалы и другие объекты, были разбросаны по всей Литве. Для молодого командира (ему в то время было 34 года) война сразу же обернулась большой личной трагедией: 24 июня его семья — жена и трое детей (десяти, пяти и трех лет) — погибла («сожжены немцами при эвакуации из г. Вильнюса», как сказано в анкете).

Пияшев — один из немногих командиров, кому удалось в условиях тяжелого отступления в сорок первом сохранить боеспособность полка, сберечь жизнь большинства своих подчиненных. Полк вышел из окружения, пройдя с непрерывными боями путь от Вильнюса до Москвы. В августе 1941 года Пияшев был удостоен второго ордена Красной Звезды. В Москве он возглавил 34-й мотострелковый полк (в него влились костяк 84-го полка, батальон пограничников и другие подразделения) и с ним в октябре сорок первого, прибыв в район Мценска, вступил в бой с танками Гудериана.

О Пияшеве и его воинах хорошо отзывались военачальники Д. Д. Лелюшенко, М. Е. Катуков. 24 октября газета «Красная звезда» посвятила передовицу подвигу заводчика орудия 34-го полка С. Белоуса, призвав «биться за Родину, за Москву так, как бьются Сергей Белоус и тысячи других героев обороны столицы». Вскоре после этого Пияшев был назначен командиром 7-й мсд, а в августе сорок второго он становится заместителем командующего 46-й армией и возглавляет группу войск по обороне перевалов Главного Кавказского хребта в районе Санчаро. Это был один из самых тяжелых и ответственных периодов его военной службы. Здесь тогда решалась судьба Кавказа. Но враг не прошел, он был отброшен благодаря стойкости, мужеству бойцов и командиров, умелому командованию Пияшева.

* * *

Не все судьбы жильцов дома у Покровских ворот удалось выяснить. Хотелось бы, например, узнать о жизни обитателей 65-й квартиры Анны Нестеровны Дьяченко, бывшей военнослужащей ГУПВВ, судьбе ее сыновей Игоря и Феликса. А через них, возможно, разыскать документы, фотографии и, вдруг повезет, воспоминания сестры Анны Нестеровны — Марии Нестеровны Косты-Дьяченко. Она работала заместителем начальника оперативного отдела Главного управления пограничных и внутренних войск, имела звание бригадного комиссара.

Георгий Николаевич АПЕУЗОВ.

Однажды я обратил внимание на обеденное траурной рамкой сообщение в «Вечерней Москве»: «Тимирязевский РК КПСС и партийная организация РК ДОСААФ с глубоким прискорбием извещают о смерти полковника в отставке, почетного чекиста, члена КПСС Марии Нестеровны Косты-Дьяченко, последовавшей 28 июля, и выражают соболезнование семье и близким покойной». Это было напечатано в газете от 30 августа 1968 года, то есть спустя месяц после смерти. Почему?

Недавно с помощью работников пенсионного отдела мне удалось найти архивное пенсионное дело Марии Косты, в нем нашлась маленькая фотография ее в форме полковника, но подробностей биографии не оказалось. Ну что же, будем дальше искать...

Не много в доме осталось ныне ветеранов. Они интересуются всем происходящим. Что-то им не нравится, о чем-то сожалеют. Но по своей натуре они оптимисты.

Дом у Покровских ворот... Он много пережил и перестрадал. Всякое было. Но время летит вперед. Жизнь продолжается.

С. ШТУТМАН,
полковник в отставке, сотрудник
Центрального музея ВВ МВД России.

Николай КАМШЕКИН

ТРОСЦИНА

Рассказ

Сонный покой улицы был нарушен ранним вечером. Если в первый миг кто и колебался определить, в чьем это дворе взвыл свиной ансамбль, то через минуту таких колеблющихся уже не было. Во-первых, потому, что они вспомнили: это у Арины Тимофеевны целое поросячье стадо выращивается. А во-вторых, потому, что увидели, как слетают с петель ворота именно ее дома и сквозь образовавшуюся брешь выскакивают прямо под ноги прохожим оружие животные.

Им было отчего орать. Николай Шубин, широкоплечий двухметровый мужик, дубасил "ансамблистов", по бокам вырванной из ограды штакетиной и при этом ругался так, что багрянец заката стал еще гуще. Шубина в ярости никто и никогда не видел. От него редко когда слышали не то что матерные, но и самые обычные слова. Он избегал компаний, не торчал у пивной бочки, не забивал по вечерам "козла". Сослуживцы уже не приглашали его ни на рыбалку, ни по грибы — знали, что все равно не поедет: хозяйство на мужике такое, что колхоз позавидует. Да и теща у него — не в пример колхозному председателю: за свое добро горой стоит, говорят, даже зерна в мешках пересчитывает. Когда Шубин семь лет назад закончил тут срочную службу, женился и вошел в этот дом примаком, ему некоторые даже говорили: в хорошие руки попал, молись на Арину Тимофеевну.

И — вот он сам, со штакетиной в руках, а вот и теща, невысокая, плотная, похожая на прыгающий мячик. Скачет она сейчас вслед за Николаем и свиньями, голосит на удивление тоненьким голоском:

— Басурман! Помогите, люди добрые! Ой, помогите, убивают! Ой, голодранец, рушит все! Ой, пригрела в доме ничего!

Николай останавливается, поворачивается к теще, и та, чуть не налетев на него, замирает, как кролик перед удавом, крик ее резко обрывается, и хорошо слышен тихий, злой голос Шубина:

— Пригрела, говоришь, в доме? Так я и дом этот по бревнышкам, и сарайчики, и курятники — все разнесу к едрене-фене!

Он с силой отшвыривает от себя штакетину, широко шагает в сторону заваленных им же ворот, но Арина Тимофеевна, теперь уже молча, обгоняет его, первой вскакивает во двор...

Имя капитана Николая КАМШЕКИНА хорошо известно нашим постоянным читателям. Он — военный журналист, служит во внутренних войсках. Неоднократно выступал с различными материалами, участвовал в семинарах войсковых литераторов, был лауреатом журнальных конкурсов.

Все, кто видел эту картину и из любопытства остановился, ожидая шумного продолжения, минут через пять разочарованно расходятся, потому что далее ничего интересного не следует. Появившееся на улице новое действующее лицо, Дуся, дочь Арины Тимофеевны и соответственно жена Николая, сзывает хрюшек, гонит их домой. Вечер опять становится тихим и дремным.

Густая летняя тьма упала на поселок, когда в окно к Сергею Ильичу Лазко постучался Шубин.

— Тошно, Ильич, одному. Давай поспим, а? Бутылка у меня...

Удивленный Лазко пропускает в дом своего соседа и сослуживца — впервые тот в гости зашел, спрашивает:

— Ты чего это? Не пьешь же вроде.

— Не пью. Да накопилось всего на душе... Слышал, наверное, сегодня? Теща говорит — нищий! Хряк, говорит, в семью за год приносит больше, чем ты.

В комнату вошла жена Сергея Ильича, Надежда Петровна, поздоровалась с Николаем, удивленно посмотрела на бутылку в его руках, потом перевела взгляд на мужа. Тот о чем-то размышлял про себя, чуть шевеля губами. Потом сказал:

— А что, права она, елки зеленые! Надя, представляешь, соседка наша подсчитала, что в хозяйстве выгоднее держать хряка, чем военного человека!

— Арина Тимофеевна, что ли? — Надежда Петровна развела руками. — Мож бы и не перепроверять, эта считать умеет! Считать — дело простое.

— С этим, Надя, я не согласен, тут без поллитры не обойтись. Принеси-ка нам огурчиков, колбасы. Ты, Николай, пирог с грибами любишь? Надя его хорошо готовит.

— Знаю. Мы, Надежда Петровна, ваши пироги ели, когда в розыске с Ильичом были. Помнишь, Ильич? Я как раз срочную заканчивал, когда из зоны двое жуликов сбежали.

— Да у меня, признаться, этих розысков было... Сейчас вспомню. Наливай... Это когда часового подкупили, да? И тут, вишь ты, деньги...

Потом уже следствие выяснило, почему часовой третьего поста Грушевой не увидел перемахнувших через забор преступников. Те первым же делом напали на пост ГАИ, взяли у милиционеров табельное оружие и ушли в болота. Четыре дня искали их. Многие из тех четырех дней запомнилось ефрейтору Шубину. Как пил он горячий чай на траве из термоса прапорщика Лазко, как ел его пирог с опятами... Как свистели пули и орал, матерясь, Ильич в сторону займки, где засел те двое: "Если кого из моих солдат заденете — пеняйте на себя!..." И как "батя", комполка, вручал им при полном зале на сцене клуба часы и при этом пожимал руку и тихонько говорил каждому солдату: "Спасибо, сынок!..."

Три года назад теща ему "Восток", в позолоченном корпусе к дню рождения подарила, а он эти не захотел снимать, рассказал ей, как они ему достались. Она охала сначала, потом стала их разглядывать и буркнула разочарованно: "Такие в райцентре в магазине лежат. Недорогие. Стоило из-за них голову под пули совать?!..."

А разве из-за них?

Вот так вот, сразу и не скажешь даже из-за чего.

— А помнишь, Ильич, как я перед дембелем к тебе пришел: хочу, мол, остаться, как думаешь, стоит или нет?

— И чего же я тебе ответил? А, вспоминаю: проезд в отпуск бесплатный, одежда "на шару"...

— Ну, милоч, понесло тебя после первой рюмки, — покачала головой Надежда Петровна. — Уж о чем, о чем, а об этом ты даже бы и не заикнулся! У него ведь, Коля, специальность есть: мастер по холодильным установкам. И приемники, телевизоры чинить умеет...

— Знаю, он же у нас в роте все делал.

— Это я к чему речь веду? Ушел бы он со службы, поехал бы по деревням нашим шабашить — через полгода не в шинели бесплатной, а в шубе собольей ходил бы.

— Да он, Надежда Петровна, ни о чем таком тогда и не говорил.

— А чего ж я тебе сказал такого, что ты в роте остался? — спросил Лазко, гоня по тарелке шляпку маринованного гриба. — О двойных окладах в конце года, да?

Надежда Петровна теперь уже с удивлением посмотрела на мужа, но промолчала.

— Нет. Я ваши слова хорошо запомнил: "Здесь, Коля, надо, чтоб ты себя в этом деле уважал!..." Да помнишь ты все, Ильич, просто хочешь меня сейчас разозлить?

— Хочу! — Сергей Ильич в такт слову звякнул вилкой о тарелку. — Хочу! Из-за рублей, понимаешь ты, люди с ума сходить начали. На каждом углу сейчас только одно и слышишь: деньги, деньги...

— Тут, Сережа, ничего не поделаешь: время такое, политика такая, — прервала его жена.

— Дурные, значит, и время, и политика! Я со службы уйду, ты учительствовать бросишь, Вера наша из института убежит шмотками с лотка торговать, — и чего будет-то? Ну, приволокем домой мешок денег, а дальше что? Давай, Николай, допустим, что стали вы со своей тещей миллионерами...

— Я денег не вижу, я ей и свои до последней копейки отдаю.

— Ладно, допустим, стала твоя теща миллионершей — в ней что, жадности убудет? Думаешь, она на свои накопления детский сад для нашего села построит или дорогу отремонтирует? Нет,

она второй миллион копить начнет! И чихать ей на все остальное.

— Ты, Сережа, в крайности бросаешься. Согласись все-таки, что и нам, учителям, мало платят, и военные мизер получают...

— Да ты, Надя, любого сейчас спроси — хоть маршала, хоть министра, хоть кооператора: хватает ли им денег? Одинаково ответят. Нас приучают к тому, что мы должны много иметь, что это — ценность великая. И злю я тебя, Шубин, потому, что ты тоже начал из бумажника культ творить. Друзей растерял, спорт забросил, куркулем начал жить, этим, знаешь, который под себя гребет, гребет...

— Да брось ты, Ильич! "Гребет,"! Думаешь, я деньги эти вижу? У нас скандал знаешь из-за чего начался? Лодку я себе захотел купить. На рыбалку, значит, с друзьями, вообще отдохнуть. А она и начала: не заработал еще, копеечки приносишь. И прорвало меня. И теперь все. Уйду. Мне до лампочки даже, что жена скажет, жена под пятой у матери. Долго я их терпел...

— Я тебе даже скажу, почему терпел, Николай. Теща небось говорила, что плохая она уже, что помрет скоро и что не ради себя старается, а ради вас...

— Все, все, Ильич! Хватит об этом, решено. Завтра с утра отпрошусь у командира — и до обеда семейные дела решу. Выскажу все теще, соберу чемодан, поживу первое время в гостинке в колонии...

— Ты погоди, Коля, — сказала Надежда Петровна. — Попробуй сначала начистоту, по-доброму с Ариной Тимофеевной поговорить. И потом, может, все у вас так складывается потому, что детей нет? Появились бы у нее внуки, может, поняла бы, что деньги — это еще не все.

— Так теща как раз и против детей. Надо, говорит, сначала вам зажить припеваючи... Какие там припевы! Чем больше имеем, тем на душе горше. Наш двор все обходят, как прокаженный. Нет, Дуся не захочет — сам уйду. Все выскажу — и... Ильич, я даже сейчас не хочу туда возвращаться, можно, у тебя переночую? Ты прав, ты во всем прав. Чокнуться можно из-за этих денег!

Уже перед тем как ложиться спать, когда обо всем, кажется, было говорено-переговорено, Лазко вышел в другую комнату, потом вернулся, сел рядом с Шубиным.

— Мы тут, Коля, о часах говорили. Вот, смотри, какие у меня есть. Боевые. Генерал, бывший наш комдив, прямо со своей руки снял и мне, значит, вручил. Мы тогда заложников освобождали. Думаешь, ради генеральского подарка на ножи я лез?

— Да не думаю я так, честное слово, не думаю!

— Я, Николай, не у тебя — у себя спрашиваю. На кой я их храню, а? Чего-то нужно человеку кроме денег? Или это я дурак такой, что за так пупок рву?

На тебя вот нападаю. А сам — от полочки до полочки...

— Нет, Ильич, ты прав! И я завтра же... Вот увидишь! Я же тоже когда-то таким был, да теща попалась...

— Не в тещах дело, Николай...

Командир батальона майор Усиков с утра выслушал Шубина, отпустил его улаживать семейные отношения. "Я тебя понимаю... В гостинке у нас место есть, я с начальником колонии поговорю, там пока поживешь".

Про себя подумал: "А что, может, и пойдет мужику на пользу. Увидит, что жизнь не только на рубле стоит".

После Шубина к комбату Лазко зашел: мол, если придет Арина Тимофеевна — а это очень даже может быть, — придет и будет на Николая капать, что тот пьет да дебоширит, так не верьте, товарищ майор, ни единому ее слову. Просто Шубин, кажется, уметь начал, вот и не выдержал вчера. Да и кто выдержит, если тебя ни в грош не ставят?!

Успокоил Усиков Сергея Ильича: не переживай, мол, найду, что ей ответить.

... В кабинет к комбату Арина Тимофеевна зашла как к себе домой: уверенно и по-хозяйски. Присела у стола и сразу конкретный разговор начала. Как вы, мол, тут относитесь к зятю моему, ничего плохого за ним в последнее время не замечаете? Усиков понимает, к чему она клонит. Хочет, чтоб командиры на него управу нашли, чтоб сейчас к их замечаниям свою жалобу присовокупить. Нетушки, дорогая, ничего у тебя не получится!

Так решает комбат и начинает говорить, что Шубин один из лучших прапорщиков, что нет к нему претензий, и делает комплимент гостье: в хорошую семью Шубин попал, видно, от тещи много ценного перенимает.

"Как-то она выкрутится из такого положения? — думает Усиков. — Как теперь станет зятя грязью обливать?"

А Арина Тимофеевна улыбается добродушно:

— Раз он такой хороший, то не могли бы вы его на завтра отпустить, а? Свинью я решила зарезать, а сейчас жарко, так надо ее вывезти в райцентр и продать побыстрее. Вот бы Коля этим и занялся. А в свой выходной он потом на службу выйдет. Договорились?

Усиков ничего не понял. Может, Шубин не объяснился с тещей, а молча сложил вещи да уже и в гостиницу переехал? А она ничего не знает?

— Погодите с базаром, — сказал он. — Вы зятя сейчас видели, говорили с ним?

— А как же! Простила я его, дурака! Даже деньги на лодку дала.

— И... и... и что он сейчас делает?

— А что положено. Ворота чинит. Которые вчера сломал.

Евгений
АРТЮХОВ

Подполковник Евгений Артюхов два с лишним десятилетия служит во внутренних войсках. Окончил Саратовское высшее военное командное училище МВД СССР и Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей, автор поэтических книг "Жавороночий ключ", "Дыхание строя", "На Калиновом мосту", "Ни поздно, ни рано".

НАДЕЖДА

Курганы

Посреди равнины
Я гляжу с гряды
На следы судьбины,
Памяти следы.

Под житейским ветром
С неоглядных пор
Тихо, метр за метром,
Зыбится простор.

То земля волнится,
Будто бы вода:
Сглаживает лица,
Рушит города,

Пожирает страны.
И всему итог —
Мрачные курганы
По бокам дорог.

Кто там упокоен
Посреди равнин:
Уязвленный воин?
Ветхий бедуин?

Пьяный прощельга?
Невезучий тать?
От какого ига
Брался убежать?

Думал, что дорога —
Вечности сестра,

А прошел немного —
До того бугра.

И стяжал ли славу,
Или взят в плен?
Не ответят травы,
Прячущие склон.

Брестская баллада

Памяти красноармейца 132-го
отдельного батальона войск НКВД
Федора Рябова

Ему бы осенью домой,
Где мать и где она —
Его надежды молодой
Невеста ли? жена?
Да самый длинный день в году
Явился на беду.

Из сопредельной стороны
Нагрянула война,
И побежала в глущь страны
Ударная волна —
Всей тяжести солдатской крест
Взвалил на плечи Брест.

Он рассказать бы мог про ад,
Запытаный в аду, —
Где души юные висят,
Как яблоки в саду,
Где плавится кирпич в огне
На крепостной стене.

Но остывают те места
Под мраморной корой,
Молчат солдатские уста,
Забитые золой,
Да в инвентарных номерах
Пестрит музейный прах.

Пусть в оказаненной тиши
Дошла до наших дней
Та крепость — крепостью души
Над крошевом камней,
Замесом мертвых и живых
Людей сороковых.

И эта сцепка всякий раз
Влечет меня туда,
Где выставлена напоказ
Народная беда —
В пробитых касках, в орденах
За совесть и за страх.

Там среди множества примет
Всегда ищу одну —
Простой мальчишеский портрет,
Оправленный в войну.
...Ему бы осенью домой,
А он — в земле сырой...

Не дождалась солдата мать,
Не дождалась она,
Которую хотел назвать
Невеста ли? жена?
Но через долгие года
Она пришла сюда.

Нашла любимое лицо,
Сама как лунь бела,
И обручальное кольцо
Слезой обожгла.
Так на музейное сукно
Положено оно.

И отмечает каждый взгляд
Кружочек золотой,
С холодным званьем «экспонат»,
С высокой чистотой,
Как в мертвом море островок,
Живой любви залог.

Его мерцающим огнем
Мы все озарены,
В него надеждою живем —
Да вынесет из тьмы! —
Твой круг спасательный и мой
Над бездной мировой.

* * *

Растрепав седеющие космы
И к ногам придвинувшись впритык,
Вот опять показывает пес мне
Свой дразняще-розовый язык.

Этот не предаст и не слукавит —
Прямодушен в гневе и любви:
Если рад — весь так и заиграет,
Нет — уйдет к себе, и не зови.

Верю я, что из былого мрака
Кровожадных и пещерных дней
Человека вывела собака:
Нюх ее и зрение — острей.

Многое с тех пор переменилось.
Наш прогресс не держат тормоза.
Благо понимать не разучились
По-собачьи умные глаза.

Терпит, если холку трет ошейник,
Лапы режет городской пусырь.
Грызть тебя не станет из-за денег
Этот простодушный поводырь.

Языком, дразнящим немотою,
Лижет нас, озлобленных, чумных,
Приходя в минуты непокоя
На бесшумных лапах шерстяных.

* * *

И. К.

Зачем тебе пряники, брат, на меду,
Коржи и печенье?
У плесневой корки в голодном году
Поболе значенье.

Одним только сытым вождям
невдомек,

Как прочно и сразу
Бурчанье голодное входит меж строк
Любого указа.

Но мы-то с нуждою один на один
Без судей третейских
Весь ужас провидим до самых глубин
На хляби житейской.

И раньше от крови, вранья и дерьма
Жилось нам несладко.
Опорой являлась Держава сама,
Да треснула кладка.

И если бы это была нам расплата
За все прегрешенья —
За стрелы Мамаю, за ядра Мюрата,
За траки Манштейна —

Ан нет! До сегодняшней горькой сумы,
До нищенской доли
Страну довели мы без всякой войны
По собственной воле.

И как еще носит нас эта земля?!
Однако по новой
У нашей надежды крошатся края,
Как пряник медовый.

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

ВЛАДИМИР
МИХАНОВСКИЙ

**ВЫСТРЕЛ
СКВОЗЬ ВРЕМЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Журнальный вариант.

Глава 1

НАКАНУНЕ

Празднование его юбилея, на котором настаивала — и настояла — таки! — Сильвина, не вызывало у Арнольда Завары ничего, кроме чувства раздражения и головной боли. Начать с того, что пятьдесят неизвестно как растаявших лет собственной жизни — вовсе не повод для радости. Да и премия имени достославного изобретателя динамита не такое уж великое счастье — так, по крайней мере, говорил Завара поздравлявшим его студентам и сотрудникам. И совпали эти два события по чистой случайности, каковой, собственно, является и сама наша жизнь...

Теперь поздно идти на попятную, раз дал жене уговорить себя. Но зато юбилей он отпразднует по собственному сценарию, и этот сценарий в отсутствии оригинальности никто не упрекнет. Так будет, а пока надо работать — время поджимает.

В этом месяце набежало столько событий, что порою чудилось, время и в самом деле способно уплотняться, перейдя из теоретических расчетов и мертвых формул в живую, так сказать, практику.

Время, все еще непостижимое время! С ним, доселе непонятым, была связана вся его жизнь. Первые опыты с юркими невесомыми и неуловимыми хрононами он проводил, еще будучи юным студентом. Затем как-то сразу пришла известность, но одновременно начали рождаться слухи, подчас дикие и невежественные, касающиеся его дел, его детища — будатора.

Быть может, именно слухам обязан он тем, что произошло некоторое время назад. Кто-то начал проявлять настойчивый, даже пугающий интерес к его изобретению.

Однажды он зашел в кафе, чтобы перекусить, и к нему подсел невзрачный тип с субтильными усиками, до того аккуратными, будто они были нарисованы.

— Если не ошибаюсь, Завара? — произнес незнакомец, когда белковый истукан, поставив перед ними по чашке кофе, удалился. — Видите, я узнал вас.

— Не мудрено, — пожал плечами Арнольд и подумал, что благодаря телевизионщикам он и впрямь по популярности стал сравним с какой-нибудь известнейшей примадонной.

Перейдя сразу к делу, невзрачный предложил Заваре сотрудничество в работе над будатором.

— Сотрудничество? — поднял на него глаза Завара. — Вы компетентны в этой отрасли? Как ваша фамилия?

— Она вам ничего не скажет.

— Скажет, если вы занимаетесь про-

странством-временем. Тут я знаю всех если не в лицо, то по работам.

— Но я не физик и речь веду только о финансировании вашего проекта. Хочу вложить в него деньги, много денег. А взамен получить копию прибора, над которым вы работаете.

— Будатора? Но он еще далек от завершения... И потом, многое из того, что о нем говорят, — нелепицы, сказки...

— Оставьте, Завара, — перебил его незнакомец. — Память материи — это грандиозно! Постигнуть мысли сильных мира сего, узнать, где находятся древние клады... Какая сумма вам нужна для успешного завершения дел?

— Но я еще не дал принципиального согласия на ваше предложение. Что, если скажу нет?

— Жизнь полна неожиданностей, Завара. Даже гении вашего масштаба могут попасть под колеса машины, отравиться некачественной пищей. Или кирпич им на голову упадет...

— Вы мне грозите? Плохо же вы меня знаете. Убирайтесь вон!

Об этом эпизоде Завара не рассказывал долгое время никому. Да и рассказывать-то было не о чем: он был уверен, что в кафе к нему подсел или хохмач-коллега, или просто сумасшедший человек.

И вот — будатор готов. Решено: первое включение он проведет дома, во время своего юбилейного праздника, черт его возьми! Почему бы и нет? То-то будет сюрприз для гостей... Да и для него заодно!..

Завара потер руки, представив реакцию каждого из узкого круга приглашенных на оживший аппарат, — в том, что будатор заработает, физик в глубине души не сомневался. Это должно быть зрелищем богов — ожившая память материи!

Бросив взгляд на часы, Арнольд решительным шагом пересек лабораторию, подошел к пульту и нажал сигнал биовывоза. Через несколько минут дверь распахнулась, в комнату один за другим вошли четверо широкоплечих лаборантов — это были белковые низшего разряда, способные выполнять звуковые команды. Они отличались как примитивностью, так и исполнительностью. По сути, это были манипуляторы.

Выстроившись перед Заварой, белковые ожидали приказаний. Физик медлил. В приглашенном свете панелей ему почудилось, что крайний справа из белковых похож на давешнего шутника из кафе. Тьфу, наваждение! Физик даже вздрогнул.

— Подберите емкость и упакуйте эту установку, — показал он на шар. — Так, чтобы ее можно было транспортировать по воздуху. Дом, где я живу, имеет на отшибе башню. Посреди ее крыши люк, он сквозь потолок ведет прямо в мой кабинет.

— Разберемся, — кивнул один из роботов, именно тот, "шутник".

— Поставите груз в кабинете и вернетесь сюда. Все! — заключил Завара и тотчас покинул помещение.

Глава 2 ЮБИЛЕЙ

Лаборатория его для домашней была оборудована недурно. Завара потратил на это немалые деньги, но не жалел об этом.

Сильвина не любила сюда заходить. Здесь ее всякий раз охватывало тревожное чувство: казалось, приборы и установки следят за ней зелеными злыми глазками-лампочками, не прощая того, что она совершенно не разбирается ни в волноводах, ни в манипуляторах... Как-то она поделилась своими мыслями об этом с мужем, и тот прямо-таки зашелся от смеха.

Но Сильвина ничего не может с собой поделаться. Вот и сейчас: долго собиралась с духом, прежде чем открыть дверь в кабинет. Правда, не только из-за страха перед мигающими чудищами. Завара терпеть не мог, когда его отрывают от работы, и она делала это только в крайних случаях.

Арнольд, по обыкновению, сидел за письменным столом, придвинутым вплотную к окну. Низко склонившись над бумагами, набрасывал формулы, в которых Сильвина ничего не смыслила.

Увлеченный работой, Завара не слышал, как вошла жена.

Остановившись у порога, она несколько мгновений наблюдала за ним. Настольная лампа освещала стол и оконный переплет, остальная часть кабинета была погружена в полумрак, и Сильвина не могла отделаться от ощущения, что в комнате они не одни. Когда Арнольд приблизил лицо к экрану, словно собираясь влезть в него, она, не выдержав, кашлянула. Завара, оторвавшись от работы, поднял на нее усталые глаза.

— Худо дело, — произнес Арнольд с улыбкой, очень красивой его. — Глохну на оба уха. Не услышал, как вошла женушка.

— По-моему, работая, ты и всемирный потоп не заметишь, — сказала она.

Для своих пятидесяти Завара выглядел достаточно молодо, подтянуто, хотя бородка клинышком, которую Сильвина именвала "анархистской", была совершенно седой.

Она напомнила:

— Мы же договорились.

— Как, уже одиннадцать? — поразился Завара.

— Время не ждет.

— Ох, время, время, — покачал он головой. — Кажется, оно сожрет меня с потрохами за то, что я стремлюсь про-

никнуть в его последнюю цитадель... Или уже проник.

Сильвина огляделась.

— Что это? — спросила она, указывая на сооружение, высящееся в полутьме посреди кабинета. Ей показалось, что сквозь обшивку пробивается слабое голубоватое сияние.

— Сюрприз.

— Для меня?

— Не только. Для всех гостей, пришедших на мой праздник.

— Неужели это?... — у нее перехватило дыхание.

— Вот именно, — Завара погладил бородку.

— Уж мог бы хоть в такой-то день поменьше работать, — взяла она его за руку.

— А что? День как день, ничего особенного, — пожал плечами Завара. — В том, что старею, особых поводов для радости не вижу.

— Присядем на минутку, — произнесла Сильвина... — Отдышишь немного, ты на себя не похож от своих интегралов. Или от чего другого?

— Присядем, — без видимой охоты согласился Завара, опасаясь неприятного разговора.

— Я хотела сказать тебе... — начала она.

— Знаю, что ты хотела мне сказать. Я и сам решил поговорить с тобой.

— Дальше так нельзя жить.

— Согласен. Но давай отложим разговор на завтра? Сразу после юбилея.

— Будь по-твоему, — вздохнула Сильвина. — Ты всегда настаиваешь на своем.

— Ну как там, все гости собрались? — спросил заметно повеселевший Завара.

— Все.

— Что делают?

— Скучают.

— А ты?

— Поверишь, с голоду умираю, — смущенно улыбнулась Сильвина. — Никогда такого со мной не было.

— И Рабидель прилетел?

— Конечно. В шахматы с Делионом играет.

— Но у нас на вилле нет шахмат! — удивился Завара. — С собой привезли, что ли?

— А они играют так. По памяти. Переговариваются, словно два пришельца, на тарабарском языке.

— Понятно, — кивнул Арнольд. — Ладно, пойдем. Вот только бумаги уберу. В них — мое открытие... Впрочем, их не от кого прятать, — поднялся он.

За те несколько минут, которые они разговаривали, голубоватое свечение вокруг плотно упакованной машины, стоящей посреди кабинета, стало ярче. Сильвина покосилась на мужа, ожидая пояснений, но тот промолчал.

Когда проходили мимо письменного стола, она обратила внимание на регельдан, лежащий в круге света на-

стольной лампы. Это был дорогой девятизарядный револьвер с инкрустированной рукояткой, выполненной под старину из средневековой дамасской стали ручной ковки.

Регельдан был подарен Заваре сослуживцами в день сорокалетия физика. Все в доме увлекались стрельбой из него в цель.

— Зачем ты пистолет достал? — спросила Сильвина. — В духом стрелять?

— Может, и в духом, — усмехнулся Завара. — Кто знает, какие нас ждут развлечения. Ночь предстоит долгая, и я хочу, чтобы все веселились напропалую!..

Круглый стол в гостиной ломился от яств. Свободные места между блюдами занимали бутылки с экзотическими наклейками.

Появление юбиляра было встречено радостным шумом. Его усадили на почетное место под многоцветной люстрой, похожей на застывший водопад. Физик чувствовал себя не в своей тарелке, даже несмотря на то, что у него собрался узкий круг приглашенных. Каждый миг, не отданный работе, он полагал бездарно потерянным.

Рядом с ним сидела Сильвина, раскрасневшаяся и оттого еще более похорошевшая, что не преминул отметить в одном из тостов Александр Делион-Атамаль, расположившийся визави. Сложная двойная фамилия сама по себе звучала вычурно, очень уж официально, и потому ее обладатель, веселый, находчивый человек, говорил всем при знакомстве: "Зовите меня просто Делионом. Или Атамалем. Можно просто по имени. Отзовусь на любую кличку". Все так и делали.

Сегодня Делиону-Атамалу было доверено "вести стол", и это, безусловно, доставляло ему удовольствие.

По левую руку от юбиляра сидела его дочь. Завара любил Мартину, но взбалмошной и деспотической любовью.

Мартина ела мало, только касалась вилок еды. Мысли девушки, казалось, витали далеко. Сидящий рядом Эребро, жених, тщетно старался развеселить ее. Только раз вышла она из задумчивости, когда в ответ на какую-то реплику жениха прошептала невпопад:

— А хочешь, я сейчас, при всех, попрошу отца, чтобы он выгнал этого негодяя и вернул тебя на его место?

Глаза Эребро блеснули.

— Не смей! — сказал он и схватил Мартину за руку, не дав ей подняться. — Лучше с голоду помру.

— Тогда уж вместе помрем, — усмехнулась невесело Мартина. — Ты из-за гордости, я из-за отца, — в голосе ее Эребро уловил слезы. — Хоть он и отец и мне бы надо любить его, но иногда кажется, я задушила бы его собственными руками, — добавила она еле слышно.

— О чем шепчутся молодые люди? — спросил с другой стороны Рабидель.

— Прошу прощения, но я расслышал одно только слово: любовь, — подхватил Делион. — И по этому единственному слову я берусь восстановить все остальное, как палеонтолог по одной кости рисует нам облик вымершего некогда динозавра.

— Прошу прощения, динозавр жив, — произнес Эребро, приосанясь.

— Признаю, сравнение неудачно, — осклабился Делион. — Прошу простить ради праздника.

Мартине стоило больших усилий казаться спокойной вместо того, чтобы разрыдаться и выскочить из-за праздничного стола. Каждый раз, когда слово брал Делион, а это случалось достаточно часто, на него со скрытой усмешкой поглядывал Мишель Завара, долговязый, угловатый, еще полностью не сформировавшийся юноша с поздно ломающимся голосом. В минуты волнения он заикался и мучительно переживал свой недостаток.

Что касается многочисленных сослуживцев знаменитого физика, то они были предостережены, по его собственному выбору, кроме названных, еще двумя персонажами. Приглашен был Арсенио Гурули, физик-экспериментатор, молодой многообещающий ученый, хотя и с нескладной судьбой. Он вечно генерировал новые сногшибательные идеи, хотя с их воплощением не ладилось. Завара приблизил его к себе, брал на симпозиумы, даже межпланетные, и на нынешнее торжество счел необходимым пригласить. Именно ему строгий шеф поручил вести тему, которую до изгнания из "рая", то бишь привилегированного Ядерного центра, разрабатывал ангелоподобный белокурый Эребро, жених Мартины, тоже приглашенный. Зачем сделал это Завара? Чтобы лбами, что ли, их столкнуть? Гости шушукались, однако задать вопрос юбиляру никто, понятное дело, не решился.

Самым странным, однако, было то, что Завара счел необходимым пригласить на торжество новую, недавно принявшую сотрудницу Даниель Радомилич, красотой да и манерами напоминающую, по мнению все того же неугомного Делиона, говорящую куколку из модного магазина.

По мнению Мишеля, не без интереса поглядывавшего в сторону Даниель, в столь отборное общество она попала впервые. Потому вначале держалась скованно, словно аршин проглотила, и говорила только тогда, когда к ней обращались с вопросом. Слова произносила тихо, тонкий голосок, казалось, вот-вот прервется, а огромные ресницы все время хлопали, напоминая крылья испуганной птицы.

На аппетит, впрочем, Даниель не жаловалась.

Разошедшийся Делион, разумеется, не обошел и ее вниманием, заметив, что у Даниель, несравненного знатока тибетских трав и церемоний китайского чаепития, ноги не зря растут прямо от горла, чем заставил девушку покраснеть до корней волос.

В своем тосте Делион ни в чем не погрешил против истины, хотя кое о чем существенном и умолчал. К науке Даниель не имела отношения. В Ядерном центре у нее была экзотическая должность, придуманная специально Заварой, — ответственная за чайный стол.

То ли в шутку, то ли всерьез шеф сумел уверить сотрудников, что тайны тибетских трав, которыми владеет новая сотрудница, положительно влияют на умственные способности физиков, если только они пьют регулярно чай, приготовленный изящными ручками Даниель. И тонкий этот напиток быстро приобрел в Ядерном верных поклонников.

Александр Делион поднялся во весь свой немалый рост и постучал вилкой о бокал, требуя внимания. Поначалу его несколько смутила и удивила узость и искусственность круга приглашенных на виллу: он ожидал, что окунется на юбилее в многолюдное сборище. Однако ситуация вскоре перестала смущать его. В конце концов, это дело хозяйина — звать в гости того, кого он хочет. Странно? Но Завара всегда был «человеком с секретом», несмотря на очевидный демократизм в поведении с сотрудниками. Взять хотя бы его позднюю любовь... Но стоп, это не его, Делиона, дело.

— Друзья и... подруги! — начал он. — Позвольте мне на правах самого старшего из участников этого знаменательного торжества...

— Ну, какой же вы старый, — возразила с улыбкой Сильвина. — Все зависит от точки зрения...

Ее замечание было сделано из вежливости, но Делион подхватил реплику, как футболист перехватывает мяч:

— Вы правы, как всегда, обворожительная Сильвина! Да! Старость и молодость становятся понятиями относительноными даже для людей, далеких от науки. Думаю, скоро время станет совсем ручным, управляемым благодаря стараниям нашего лауреата!

Завара поморщился: он уже устал от разговорчивости друга.

— Да, — продолжал Делион. — Возраст человека скоро подвергнется реинженерии. Вы ведь это хотели сказать, Сильвина?

— Нет, я, собственно...

— Не отпирайтесь! — протестующе поднял руку Делион. — Я уловил вашу мысль и согласен с ней.

В это время по видеоустановке начали показывать состязания межпланетной олимпиады. Абсолютный чемпион по стрельбе Сергей Перешейко, старый

лев с седой гривой, стрелял, щурясь, из плазменного пистолета. Время от времени режиссер показывал то его сосредоточенное лицо, то дальнюю цель — облачко, состоящее из скачущих разноцветных шариков. Эти шарики самостоятельно перемещались с места на место, и в неуловимо короткое мгновение состязающийся должен был поймать их в прицел и поразить.

— Он неувыдаем, этот Перешейко, — заметила Сильвина, когда Сергей произвел очередной точный выстрел. — Я помню его, представьте себе, с детства. Уже тогда он был кумиром. И не только моим, а всего класса.

— Кстати, сколько ему лет, Рабидель? — спросил Завара. — Наверное, за девяносто?

Все знали, что когда-то Перешейко и Рабидель были друзья — не разлей вода. А потом между ними невеста почему-то пробежала черная кошка.

Вопрос шефа, однако, смутил марсианина, и он, запинаясь, пробормотал что-то об относительности времени, о том, что Сергей Перешейко участвовал во многих передрягах, связанных с перепадами времени, и потому назвать его точный возраст затруднительно.

— При чем здесь передряги? — поднял брови Эребро. — Любое замедление или, наоборот, ускорение времени, связанное с релятивистскими эффектами, можно просчитать на компьютере.

— Понимаете, Эребро, — произнес Рабидель, — в случае с Перешейко вклинился новый эффект, с которым мы прежде не сталкивались.

Арсенио спросил:

— Что за эффект?

— Смежные, или параллельные, миры, — сказал марсианин. — Те самые, существование которых давно предсказывали теоретики.

— П-параллельные миры? — вступил в разговор Мишель. — Разве это не выдумка фантастов?

Взгляды обратились к Заваре, но он пока помалкивал, наблюдая за развитием спора.

— Нет, это не выдумка фантастов, — покачал головой марсианин. — Я думаю, что параллельные миры существуют, хотя реальность их до сих пор не подтверждена. Время течет в них независимо, но миры могут соседствовать друг с другом. Более того — они могут быть вложены друг в друга, на манер матрешек.

— Матрешки — это, конечно, прекрасно, но при чем здесь Сергей Перешейко и его возраст? — воскликнула Сильвина, но ее реплика повисла в воздухе.

— Не знаю точно, сколько ему лет, но стреляет он здорово! — воскликнул Мишель, когда очередной выстрел Перешейко достиг цели и пляшущий пестрый шарик мишени, пораженный энергетическим сгустком, мгновенно вспыхнул,

превратился в маленькое злое солнце. А п-почему бы и нам не пострелять в цель?!

— Мой регельдан к твоим услугам, сынок, — посмотрел на него Завара. — Он там, в кабинете.

— В тир! Все — в тир! — хлопнул в ладоши Мишель.

— Не сейчас, — осадила его Сильвина. — Ночь долгая, успеется еще.

— Да, Сергею Перешейко, я уверен, довелось побывать в параллельных мирах, — вернулся Рабидель к затронутой теме. — Потому его возраст в нашем измерении трудно определить...

Начались танцы. Едва зазвучала музыка, Рабидель выскользнул из-за стола, подмигнул Делиону, вышел в дверь, которая вела в оранжерею. Делион, кружащийся в вальсе, кажется, понял этот знак — марсианин наверняка хочет доиграть шахматную партию, придумал, видно, какую-то комбинацию. Но было неохота покидать гостиную: так можно проворонить сюрприз, обещанный Заварой.

Глава 3 СЮРПРИЗ

Блуждая по ближним дорожкам оранжереи, Рабидель ждал Делиона, однако тот не появлялся. Пришлось лишь гадать, как бы на его ходы отвечал соперник, и каждый раз оказывалось, что ответы эти могли быть очень сильны. Так и не придумав для себя спасительного варианта, Рабидель возвратился в гостиную. Здесь вновь рассаживались за столы. Арнольд продолжал речь, начатую в отсутствие марсианина:

— ... Именно в этом и состоит мой сюрприз, обещанный вам!

— И любой из нас сможет войти в кабинет? — спросила Даниэль. Ее глаза, и без того огромные, казались, стали еще больше.

— Именно так, — подтвердил Завара. — Можете ходить туда хоть в одиночку, хоть группами, а потом задавать любые вопросы. Включенный аппарат будет стоять посреди комнаты, не заметить его невозможно.

— Послушай, папа, — оживилась Мартина. — А будатор... не опасный?

— Нисколько, уверяю тебя, — ответил Завара. — Это так же безопасно, как рассматривать амебу под микроскопом.

— Ты уверен? — переспросила Сильвина, столько рассказней слышавшая о будаторе.

— На себе убедился... — буркнул Завара. — Столько возился с аппаратом... Правда, без рабочего вещества. И, как видишь, жив и здоров.

— Но здесь речь не о безвредных амебах, а об осколках вселенной, перемешанных в кашу, — покачал головой

Эребро. — Пространство и время, раздробленные в прах! Давно уснувшее время, которое пробуждено к новой жизни! Память столетий, ожившая перед посторонним наблюдателем!..

— Довольно, Эребро, — жестом остановил его Завара. — Я и сам отлично помню газетные заголовки. На три четверти газетчики врут, а на четверть — перевирают. Что же касается вашего юмора, оставьте его при себе. Мне кажется, вы прикрываете им не только некомпетентность, но и трусость. Именно из-за ваших шуточек... Ну ладно, — он провел ладонью по глазам, словно отгоняя наваждение.

— Успокойся, Арнольд, — сказал Делион. — Мы все верим в твой гений. Но те мельчайшие осколки фантастических энергий, которые образуются в приборе...

— Я позаботился о безопасности наблюдателя, — перебил его Завара. — Шар окружен защитным полем.

— А что взято в качестве рабочего вещества? — вступил в разговор марсианин.

— Несколько горстей земли с территории Ядерного центра. У нас там возле главного корпуса ведутся земляные работы... В общем, будатор действует. Кто хочет убедиться в этом первым? — он обвел взглядом гостей.

Поднялся Делион. Тут же привстала и Сильвина:

— Возьмите меня с собой.

По длинному переходу они шли некоторое время в молчании. Тишину нарушил Александр:

— Скажите, трудно жить с гением?

— Никогда не задумывалась над этим. Но, пожалуй, нелегко.

— Сочувствую вам.

— Не нуждаюсь в сочувствии.

— Простите, не думал вас обидеть, — произнес Делион и взял ее под руку.

— Арнольд — человек непредсказуемых решений, — вздохнула Сильвина, ей хотелось сгладить резкость своего ответа. — Общаться с ним — все равно что с тигром...

Войдя в кабинет, они тут же остановились, замороженные.

Посреди помещения на полу стояло полупрозрачное сооружение. От него струилось слабое волнообразное сияние, напоминая огромное пульсирующее сердце. Голубой цвет, цвет вечности, напоминал о неземном, о межзвездных просторах, со всех сторон окутывающих крохотный, с трудом обжитой человеческий мирок.

В стороне валялась небрежно сложенная кучка упаковочного материала.

— Сюрприз выглядит недурно, — произнес Делион, разглядывая шар.

— Так это и есть будатор?

— Да.

— Что же в нем особенного? — пожалала она плечами. — Похож на елочное укра-

шение, только раздутое до невероятных размеров.

На столе горела настольная лампа, которую Завара позабыл выключить. В круге света, отбрасываемом ею, лежали небрежно сложенные бумаги, обрывки перфоленга, испещренные знаками...

Делион бросил внимательный взгляд на бумаги, покосился на револьвер, лежащий на прежнем месте, и сделал несколько шагов к аппарату. Сильвина подошла и стала рядом.

Корпус аппарата был утыкан датчиками и измерительными приборами, Делион наскоро разъяснил спутнице их назначение.

— Так что же там, внутри? — спросила Сильвина.

— Время, материя и пространство, сплавившиеся воедино.

— О! Мне сложно это понять! Лучше скажите другое, Атамаль.

— Слушаю.

— Вам не кажется, что Завара увлечен этой... чаевницей? Почему вы молчите? С какой стати он пригласил ее на юбилей? И так смотрит на нее...

— Я на нее тоже смотрю так, — усмехнулся Делион. — Секс-бомбочка! Никого равнодушным не оставит! А если серьезно, милая Сильвина, то я верю в порядочность Арнольда и прошу вас сменить тему разговора.

Сильвина вздохнула:

— Ладно, будь по-вашему... Что это за красная черта на циферблате? И буквы рядом — "Р. Х.,"?

— Рождество Христово. Начало новой эры, в которой мы с вами имеем честь существовать. Вот, смотрите.

Одна из стрелок циферблата подошла к красной черте, пересекла ее, и тотчас в лаборатории что-то изменилось. Сильвина не могла точно сказать, что именно, но ей показалось вдруг, что она превратилась в крохотное существо, приподнялась над полом и смотрит на все сверху...

В глубине шара то собирались, то таяли эфемерные колышущиеся туманности. В одной из них Сильвина почудилось какое-то движение. Она присмотрелась до боли в глазах. Юркие фигурки выстроились друг против друга на площадке, окруженной строениями. От площадки расходились улицы, кривые и узкие.

— Напоминает искусно сработанную детскую игрушку, — произнесла Сильвина.

— Нет, это не детская игрушка... — прошептал Делион, не отрываясь от зрелища.

— Что же это такое?

Атамаль приложил палец к губам.

... По булыжной мостовой двигалась вереница подвод, запряженных лошадей. Из окон высывались люди, махали руками, переговаривались — об

этом можно было судить по движению губ.

— Похоже на старинный немой фильм, — сказала Сильвина.

— Нет, это не фильм, — покачал головой Атамаль. — Это пробужденная память матери.

Женщину охватила та атмосфера подлинности происходящего там, в глубине шара, которую трудно передать словами.

Из небытия вырос дом, богатый, с мраморными колоннами, перед ним на проезжей части была густо набросана солома.

— Чтобы повозки не грохотали, — пояснил Атамаль. — Видимо, в доме находится тяжелобольной.

Сразу за домом возвышался пологий холм, к которому вела грунтовая дорога, с обеих сторон обсаженная деревьями.

— Что это за место? Мне кажется, я когда-то видела его, — пробормотала Сильвина.

— Видеть его вы не могли, разве что на гравюре. Мне кажется, я узнал его, это Древний Рим, — произнес Атамаль.

— Сон...

— А могут двое людей видеть абсолютно одинаковый сон? — возразил Делион.

Контур строения задрожали, начали таять. Свет и темнота внутри малой туманности начали сменять друг друга с такой бешеной скоростью, что в глазах зарябило. И вдруг дым повалил от великого города. Пожар охватил его с нескольких сторон. Дома пылали как факелы. Люди, ища спасения, выскакивали из них, метались в замкнутом пространстве узких улочек, некоторые бежали к реке, которая серебристой тесемкой рассекала город на две части. Сильвине показалось, что она слышит вопли отчаяния, но это была игра воображения.

На балконе дворца показался человек. Сложив руки на груди, он молча созерцал пожар. Одевание на груди запахнулось, обнажив волосатую грудь. Казалось, он наслаждается видом пожара и паникой людей, тщетно пытающихся спастись от огня.

Атамаль посмотрел на шкалу времени, что-то прикинул и произнес:

— Пожар в Риме, который произошел во времена Нерона. По преданию, его учинил сам император.

И тут же, словно по мановению волшебного жезла, древний город исчез, растаял. На его месте проступили звезды, только они образовывали диковинные, никогда не виданные Атамалем и Сильвиной созвездия.

В разных частях сферы внутри замкнутого пространства начали возникать другие картины. Двое людей только успевали вертеть головами, чтобы рассмотреть их. Некоторые, едва появив-

шись, тут же исчезали, растворялись в тумане.

— Похоже, кто-то вспоминает прошлое, пережитое, но это ему не всегда удается, — сказала Сильвина.

— Так оно и есть, — подтвердил Атамаль.

За считанные мгновения они переживали долгие столетия истории. И, похоже, не только человеческой.

Воинственные племена, сражающиеся насмерть меж собой... Туча стрел, затмившая солнце... Всадники на низкорослых конях, воины скачут, низко пригнувшись к гривам... Толпа существ в звериных шкурах окружила яму. В ней тяжело переваливается зверь, размахивая во все стороны рогатой головой. Летят остроконечные копья, поблескивая на солнце.

Но вот все картины, которые они наблюдают, на какое-то мгновение сливаются в одну: раскаленный шар, плывущий в космической бездне. На всех циферблатах вековые стрелки начали вращаться с такой скоростью, что каждая словно размазалась, исчезла, превратилась в сияющий круг. А вскоре исчез и шар, превратившись во вращающуюся спиралевидную туманность.

— Что скажете, Сильвина? — произнес Делион, показывая на аппарат.

— Это нужно осмыслить... А скажите, Атамаль, что означает голубое свечение вокруг шара? Оно пробивалось, еще когда будатор был упакован. Какова его природа?

— Не знаю, — признался Делион. — Для меня это загадка. Это излучение, а его быть не должно, поскольку аппарат окружен защитой со стократным запасом прочности.

— Может, не так уж оно и безвредно, голубое свечение?

— Может. Хотя Завара говорил о защите... Не могу понять, в чем тут дело. Мысль крутится...

— Боже! Вы задумались... Ваше лицо... Как у Нерона. У вас с императором одно лицо!

— Ну, спасибо. Вот только не знаю, комплимент это или приговор, а?

Глава 4

ДАР ПРОМЕТЕЯ

После сумрачного перехода гостиния показала Сильвине и Атамалю ослепительно освещенной.

Вошедшие остановились на пороге, невольно зажмурившись, и тут же, к их удивлению, грянули аплодисменты. Они открыли глаза: хлопали все гости.

— С благополучным возвращением! — провозгласил Завара. От его прежней хмурости не осталось и следа.

— Поздравляю, Арнольд. Полный триумф, — произнес Делион и пожал его руку.

— Полный, говоришь? — Шеф пытливым посмотрел на сотрудника.

— Ну, есть еще над чем поработать... — замылся Делион.

— О технических деталях потом! — махнул рукой Завара. — А что скажешь ты? — повернулся он к жене.

— Столько впечатлений — захлебнуться можно. Голова раскалывается, — пожаловалась она.

Даниель налила ей тибетского чаю и протянула чашку со словами:

— Чтобы не болела голова.

— Что означают ваши аплодисменты? То, что мы живыми вернулись? — поинтересовался Делион, все еще слегка ошалевший от обилия шума и света.

— Нет, это аплодисменты моей победы, — сказал Завара. — Благодаря вам выиграл пари у Рабиделя. Побился с ним об заклад, что вы пробудете в кабинете не более десяти минут. И, как видите, выиграл. Но, честно говоря, я был уверен в победе.

— Почему?

— Видишь ли, Атамаль, действующий будатор выдает очень насыщенную информацию. Человеческая психика не может выдержать ее в больших дозах, особенно с непривычки... Кто следующий?

— Наверное, сам изобретатель, — высказал предположение Арсенио Гурули.

— Нет. Я пойду после всех.

— Тогда разрешите мне, — поднялся Рабидель.

Первое, что поразило марсианина в кабинете Завары, было голубое свечение, исходившее от шара. Оно было слабым, успокаивающим, но успокоение это было каким-то болезненным. Он уже вплотную подошел к шару и тут заставил себя резко оглянуться. В полуосвещенном углу кабинета Рабидель явственно увидел чью-то фигуру: легкие контуры человеческого тела, наполненные все тем же голубоватым сиянием. Это было нечто вроде негатива фотографии, на котором все же угадывались знакомые черты... Боже мой! Арнольд! Завара!

Марсианин бросился к нему, но в то же мгновение призрак исчез, растаял.

Марсианин потер виски. "Все легко объяснимо. Ежесекундно думаю о Заваре, вот он и померещился. Переутомился я. Надо бы махнуть на недельку в Сибирь, отдохнуть. Ладно, пора за дело. Включаем шарик и..."

Он увидел гигантское сооружение, лишенное кровли. Строение напоминало цирк. Ну конечно же, Колизей!

Два атлета выходят на арену, у каждого — меч и щит. Начинается поединок. И кончается быстро. Один из гладиаторов получает рану в плечо, потом скользит, падает, и победитель вонзает меч в его грудь. Рабиделю даже почувствовался запах крови.

— Нервы, нервы, — пробормотал он.

— Победитель — ну вылитый я! С чего бы это?

Он отстранился от шара, просмотрел бумаги, оставленные Заварой, ничего в них не понял и возвратился в гостиную. Его слегка пошатывало.

— Ты там не выпил часом? — приветствовал его Завара.

— Твой будатор действует похлеще коньяка, — слабо улыбнулся Рабидель. Он рухнул на стул, уронил лицо в ладони и какое-то время сидел, закрыв глаза руками.

Музыка, которая продолжала звучать в гостиной, заиграла потише, еле слышно: поле, управляющее ею, улавливало настроение людей, присутствующих в помещении.

— Знаешь, Завара, — проговорил марсианин, отнимая ладони от лица. — Меня кое-что беспокоит...

— Об этом поговорим завтра, — перебил Арнольд. — Сегодня мой день, и я не хочу его ничем омрачать.

— Нет, ты выслушаешь меня. Это, поверь, слишком серьезно.

— Говори, Рабидель. — В голосе Завары сквозило плохо скрытое неудовольствие.

— Меня беспокоит голубое свечение.

— Твои соображения?

— Я не знаю, какой оно природы.

— И я не знаю, и никто не знает. И что с того? Ты проверил дозиметры?

— Они молчат.

— Чего же тебе еще? Говорю же, рутинной займемся после праздника, — подвел итоги Завара.

Музыка усилилась, снова закружилась пары.

— Не беспокойся, чудак. — Арнольд положил марсианину руку на плечо. — Дьяволам не выскочить из шара, они закованы защитным полем...

— Как Прометей цепью, — не преминул вставить Арсениго Гурули, преданно глядя на шефа.

О призрачной фигуре Завары, которая примерещилась ему в темном углу кабинета, марсианин умолчал: он знал, что в доме Арнольда рассказы о привидениях не в чести.

Следующим на свидание с будатором направился Мишель. Он отсутствовал довольно долго, вернулся ошеломленным и на все вопросы отвечал:

— Н-невероятно! Непостижимо. Я должен сначала сам во всем разобраться.

После этого отбоя не стало от желающих ознакомиться с аппаратом. И каждый, кто возвращался из кабинета, был, казалось, немного не в себе.

Последней осталась Даниель.

— Не пойду, — сказала она.

— Боишься? — спросил Арсениго.

Девушка смущенно кивнула.

— Ничего, я т-тоже боялся, — поддержал ее Мишель. — Но посмотрел будатор и не жалею.

Даниель улыбнулась:

— Разве обязательно смотреть аппарат?

— Нет, конечно, — пожал плечами Завара. — Однако знай, что будатор будет демонстрироваться для всех желающих только нынешнюю ночь. Утром белковые возвратят его в Ядерный центр, туда слетятся физики со всех концов света, дальнего и ближнего, и начнется планомерная работа по доводке. Аппарат, короче, будет закрыт для посторонних.

Даниель, поколебавшись, решила все же пойти к будатору. Она оглянулась в поисках спутника. Завара поднялся из-за стола, но, наткнувшись на колючий взгляд супруги, снова опустился на стул.

Радомилич легкой походкой выскользнула за дверь. Мартина, проводив ее глазами, произнесла:

— Не нужно ее осуждать. Я тоже, когда шла в кабинет, перетрусила.

— И зря? — спросил Эребро.

Мартина покачала головой:

— Нет, не зря. Я в том шаре увидела такое, что...

— Что же? — поинтересовался Делион.

— Вы все видели картины прошлого... А мне захотелось заглянуть в будущее, хотя бы одним глазком. Я сосредоточилась на этой мысли и стала смотреть в глубину сферы. И тогда на одном из циферблатов стрелка начала вращаться вперед.

Завара нахмурился:

— Не думал, что аппарат подвержен воздействию воли. И верно, работы с ним еще немало... Но продолжай, Мартина.

— Я все сказала, отец.

— Что ты увидела в будущем?

— Не заставляй говорить меня, отец.

— Я требую!

— Там, впереди... Часовая стрелка перешла всего на несколько делений... Я увидела труп. Это... Это ужасно!

Музыка мгновенно смолкла, оборвавшись на высокой ноте.

— Чей труп ты видела, Мартина? — тихим, подрагивающим голосом спросила Сильвина.

Девушка прошептала:

— Не пытайте меня.

— Ты, наверно, не узнала его, Мартина? — пришел на помощь жених. — Это был неизвестный?

Все напряженно ждали ответа.

— Нет, я узнала его, лицо было отчетливо видно, — проговорила Мартина.

— Да кто же это был, черт возьми! — крикнул Завара и хлопнул кулаком по столу, теряя терпение.

— Не требуй, отец. Не скажу.

— Должен же я знать, как работает аппарат? — попытался схитрить Арнольд.

— Не скажу, потому что боюсь накликать беду, — тихо, но твердо произнесла Мартина. — Но пойди еще раз туда

готова. Чтобы проверить... — Она не договорила.

— В таком случае поспеши, ты еще успеешь догнать Даниель, — сказал отец.

— Нет, подожду, пока она возвратится.

— Почему?

— Такое... Такое, кроме меня, никто не должен видеть... — Не договорив, Мартина разрыдалась.

— Твое дело, дочка, — сухо проговорил Завара. — А вообще-то, господа, — обратился он к гостям, — можете ходить к будатору в гости как угодно: и поодиночке, и компанией. Я и мое детище будем только рады этому. Сегодня ночь открытых дверей! — добавил физик и погладил бородку.

— Когда же ты-то туда пойдешь? — не выдержала Сильвина, выделив слово "туда". — Неужели аппарат в действии тебя не интересует?

— Очень интересует. Но не только аппарат. Я ставлю эксперимент. И поэтому пойду к будатору, когда все вволю пообщаются с ним.

— Странная фантазия, — пробормотал марсианин. Он произнес эти слова еле слышно, но Завара услышал реплику.

— Ничего странного, Рабидель, — ответил он. — Утром я подведу итоги и выясню, в какой доработке нуждается аппарат. А попутно решу еще одну задачу, для меня очень важную.

Вернулась Даниель и с ходу сообщила, что ничего особенного в недрах будатора не увидела.

После этого к шару пошла Мартина. Когда она вышла, Делион спросил у Завары:

— Тебя не смущает работа будатора? Я понимаю, когда он показывает прошлое, но когда стрелки времени вращаются вперед... Он что — пророк?

— Не знаю. Может, гадает на кофейной гуще? Попросту врет?

Возвратилась Мартина, с порога начала рассказывать:

— Я увидела себя в школьные годы. Потом познакомилась с Эребро в городке развлечений...

— А труп? — перебил Завара. — Труп ты видела?

— Нет, время в будущее не смещалось, как я ни старалась.

... Гости продолжали поочередно заходить в кабинет Завары, играли в шахматы, бродили по оранжерее, а сам он всю ночь задумчиво просидел за столом.

Сильвина заговорила с ним под утро.

— Почему ты все время грустишь? По-моему, юбилей удался. Хотя все устали, но, кажется, довольны. А ты как думаешь, Арни?

— Я думаю, мне нужно спешить к будатору.

— И я с тобой.

— Нет.

— Разрешите!

— Зачем тебе? — посмотрел на нее Завара. — Ты же была этой ночью в кабинете, и не раз... Я вернусь через несколько минут. А ты проследи, чтобы никто из гостей не уехал. Хорошо?

... Как миновал лабораторный переход — Завара не запомнил. Полный дурных предчувствий, он рывком отворил дверь в кабинет... И среди ослепительных волн голубого сияния увидел то, что могло привидеться разве что в скверном сне.

— Бумаги! — вскричал он. — Это мои бумаги...

Глава 5 ВЫСТРЕЛ

Полупрозрачный купол над гостиной светлел с каждой минутой. Время шло, а Завара, ушедший в кабинет, не возвращался, и глухое волнение подспудно начало охватывать Сильвину.

Когда она села к столу, сервробот, неверно истолковав действие хозяйки, подал ей на гибком щупальце десертное блюдо.

— Спасибо, голубчик, — сказала Сильвина и отвела щупальце рукой. — Не хочется.

Она была сыта, как и гости, напомиравшие сонных мух. Некоторые из них откровенно зевали, другие переглядывались, как бы спрашивая друг друга: не пора ли разойтись, не слишком ли затянулось празднество? Кто-то входил в гостиную, кто-то выходил, никто не решался первым попрощаться с хозяйкой. Ждали хозяина, но он не появлялся.

Сильвина пребывала в растерянности до тех пор, пока не приняла решение: пойти в кабинет и поторопить Завару, притащить его за руку, как она сделала в начале вечера.

Однако не успела она покинуть гостиную, как в душу закрались сомнения, припомнилось состояние, в котором был Завара, и она решила обсудить ситуацию с двумя физиками — коллегами Арнольда.

— Где наши два неразлучных друга? — спросила она Арсениго, не обнаружив их в гостиной.

— Я видел их в оранжерее. То ли новый эксперимент обсуждают, то ли заговор готовят, — усмехнулся тот.

... Шахматная партия, к удивлению Делиона, затянулась. Неожиданности начались после того, как Рабидель наведалься в кабинет Завары. После этого игра марсианина обрела второе дыхание. До этого он получил плачевную позицию и должен был сдать ее через несколько ходов. А тут, не считаясь с потерями, перешел в контрнаступление, причем вел атаку с иезуитской хитростью и расчетливостью.

— Будатор, что ли, надоумил тебя, как играть? — не без ехидства осведомился Делион, когда противник сделал особенно блестящий ход.

— Может быть, Атамаль, может быть, — с непроницаемым видом ответил марсианин. — Ладья аш четыре!

Делион схватился за голову.

— Похоже, этот чертов шар предусмотрел все варианты и надиктовал тебе наилучшие ходы, — простонал он.

В этот момент к ним подошла хозяйка виллы:

— Прошу прощения, если помешала. Скажите, Раби, кажется, вы последним заходили в кабинет Завары?

— Он, он, — подтвердил Александр. — Я это почувствовал на своих собственных боках.

— А что случилось? — спросил Рабидель.

— Арнольд ушел туда еще час назад... Мне кажется, вокруг аппарата происходят странные вещи. Эти голубые всполохи — они могут свести с ума. Я боюсь за мужа.

— Сходите к нему, — посоветовал Рабидель.

— Он не любит, когда я ему мешаю. Но — придется. Непокойно на душе. Пойду. Пусть лучше он меня изругает. Мужчины остались вдвоем.

— Знаешь, — сказал Делион, мне тоже не по себе. Вернемся в гостиную.

Едва они зашли, как на пороге оказалась и Сильвина. Лицо — более мела, глаза темные, ничего не понимающие. Она осмотрела комнату, словно выискивая кого-то, потом сказала:

— Убит Арнольд.

И покачнувшись, свалилась в обморок.

Тотчас один из шарообразных щупальцами осторожно поднял Сильвину, положил на оттоманку, проверил пульс, сделал укол... А люди растерялись, сбившись в кучу у лежащей женщины, молча смотрели друг на друга. Первым из них оценил ситуацию Рабидель.

— Прошу никого не покидать гостиную, пока мы не выясним, что произошло, — сказал он. — Роботы, займите места у дверей.

— Можно было бы обойтись и без командного голоса, — недовольно пробурчал Александр, который хотел было выйти в оранжерею.

Шарообразные, уловив суть приказа, приняв его к исполнению, замерли у дверей.

Сильвина пришла в себя. Обведя взглядом склонившиеся лица, она произнесла трясущимися губами:

— Арнольд застрелен... за письменным столом... Голова на бумагах... Кровь на столе... на полу... много крови. Выстрелом в затылок... — Не договорив, она закрыла глаза.

— Мама! Этого не может быть! — крикнула Марина и опустилась перед оттоманкой на колени.

— Вам показалось, — произнес Рабидель. — В кабинете являются привидения.

— Какие там привидения! — Сильвина, придя в себя, рывком села, опустила ноги на пол. — Пульса нет, сердце не бьется.

— Что же мы стоим, время теряем! — воскликнул Арсениго Гурули. — Может, ему можно помочь! — Он бросился к выходу, но шарообразный преградил путь, выставив, словно дикобраз, все четырнадцать шупальцев.

— Прочь с дороги! — крикнул Арсениго, но серворобот и не подумал пошевелиться.

Молодой физик попытался пройти напролом, но белковый легко, словно тростинку, отодвинул его на прежнее место.

— Да что же это? — возопил Арсениго. — Бунт!..

— Мама, п-прикажи сервороботу освободить двери, — попросил Мишель. — Кажется, тебя они еще слушаются.

— Да, пусть освободит выход. Мы должны действовать, — добавил Делион.

— Нет, господа, — покачала головой Сильвина. — Такого приказа я не отдам.

Мартина всплеснула руками:

— Мама, что ты говоришь!

Сильвина поднялась и сказала:

— В доме произошло преступление. Убийство. В этом повинен кто-то из вас: в доме никого из посторонних не было. И потом, исчезли бумаги. Все рабочие записи мужа.

Зребро шагнул вперед:

— Простите, мадам, вы, кажется, оговорились, сказав "кто-то из вас". А должны были сказать — "кто-то из нас". Вы были последней, кто заходил в кабинет Завары.

— Ты намекаешь на то... на то, что... Да как ты смеешь...

— Мы все здесь в равном положении, — подал голос Рабидель. — Давайте оставим эмоции. Главное сейчас — найти преступника.

— Это вне нашей компетенции, — покачал головой Делион. — Тут нужен профессионал.

— Верно, — произнесла Сильвина. — Я сейчас же связываюсь с полицейским управлением.

Оттуда ей ответили, что сразу же высылают специалиста, и попросили гостей не расходиться и не заходить в кабинет Завары.

Все чувствовали себя крайне неловко.

Рабидель стоял у фикуса, поглаживал пальцем его бугристую кору и вспоминал один из последних разговоров с Арнольдом. Речь шла о теории расщепления пространства-времени на параллельные миры. Завара сказал, что Рабидель стоит на верном пути, однако кое-чего не учитывает.

— Подскажи, что именно, — попросил Рабидель.

— Долгий разговор, — махнул рукой Завара.

— У меня есть время.

— А у меня нет. Прилетишь на торжество — там потолкуем.

Потолковали... Теперь никогда уже не общаться ему с Заварой, не спорить, не обсуждать до звона в ушах тонкости новорожденной теории.

Кто-то тронул его за локоть. Марсианин вздрогнул и обернулся: перед ним стоял Делион.

— Размышляем?

— Вроде того.

— Послушай, Раби, что ты думаешь обо всем этом? — спросил Делион.

— Прежде всего нужны факты, — пожал плечами марсианин, — а у нас их пока нет. Мы... мы даже убитого не видели.

— А если исходить из того, что все, сказанное Сильвиной, правда?..

— Все равно я должен все увидеть сначала собственными глазами.

— Ну, увидел, пощупал... А дальше-то что? — В глазах Делиона марсианину почудилась плохо скрытая тревога.

— Ты чего-то боишься?

— А чего мне бояться, — усмехнулся Александр. — Совесть моя чиста. Но с другой стороны...

— Есть и другая сторона?

— Конечно. Я ведь побывал на месте убийства.

— Ну и что? Там побывал каждый из нас. И не единожды, — напомнил Рабидель.

— Да мне-то от этого не легче, пойми. Еще как расследование пойдет. Попадется тупой полисмен, который заинтересован только в собственной карьере, начнет копать в грязном белье. У нас ведь не все гладко было с Арнольдом, ты знаешь. Случались и конфликты, и недоразумения. А ведь любой пустяк можно раздуть, была бы охота.

— Это так.

Дверь отворилась, в помещение вошел человек в штатском в сопровождении шарообразного, которого убитая горем хозяйка послала встречать полицию.

Поздоровавшись со всеми, гость безошибочно вычислил среди них хозяйку, подошел к ней и осведомился, имеет ли честь разговаривать с госпожой Сильвиной Завара.

— Да, это я, — ответила Сильвина и начала было рассказывать то, что сообщила по видеofону начальнику полицейского управления.

— Не нужно, — остановил ее гость. — Я получил необходимую информацию в управлении. И план виллы, и еще кое-что... Здесь, я вижу, все. Это хорошо. В кабинет убитого никто не заходил?

Сильвина покачала головой.

Голос полицейского был приятен, хотя несколько низковат. "Бархатный", —

определила его про себя Даниель, которой молодой человек решительно приглянулся: высокий, стройный, волосы темные с рыжиной, — все это она успела определить наметанным глазом. С таким столкнешься где-нибудь в мегаполисе — ни за что не скажешь, что полицейский.

— Меня зовут Сванте Филимен, — произнес молодой человек. — Я буду вести расследование. Пока всех присутствующих прошу оставаться на вилле.

— Прошу прощения, — откашлявшись, вступил в разговор Делион. — Вы прибыли один?

— Один.

— А где же ваши помощники?

— Они пока не нужны.

— То есть как? — удивился Мишель, начитавшийся детективной литературы. — Вы будете вести расследование без бригады? Б-без группы?

— А какая мне полагается бригада? — повернулся к нему Сванте Филимен.

— Ну, я не знаю... — смутился Мишель. — Эксперт-криминалист, патологоанатом, трассолог, фотограф, да мало ли... Физик, наконец. Чтобы во всеоружии устроить мозговую атаку, даже штурм, на это... дело.

— Понятно... Со всеми проблемами я надеюсь справиться один. Необходимые материалы и инструментарий со мной. — Филимен качнул дипломатом, который держал в руке. — Если помощник понадобится, я его вызову, — добавил он. — Лаборатории и специалисты управления к моим услугам. Но вести расследование я буду один. В этом есть смысл.

Рабидель хотел что-то спросить, но промолчал, переглянувшись с Делионом.

— Скажите, а какое у вас звание? Сержант? — произнес Мишель.

— Сержант? Пусть будет сержант, — согласился сыщик после крохотной, еле заметной заминки.

— Что нам прикажете делать? — обратилась к нему Сильвина на правах хозяйки дома.

— Все свободны, — сказал Сванте Филимен. — В пределах дома, разумеется. Кто понадобится — приглашу. А вас попрошу пока остаться, — кивнул он Сильвине.

(Окончание следует)

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

КИКБОКСИНГ: НА РИНГЕ – ВЫ

Уроки дает мастер спорта Игорь Нистратов

Тема занятия: удары ногами и варианты защиты

Удар ногой с разворотом "хук-кик". Исходное положение – правосторонняя стойка. Совершить правой стопой скользящее движение справа налево с одновременным разворотом на 360 градусов против часовой стрелки (рис. 1а и 1б). Став спиной к противнику, вынести левое бедро вверх и согнуть ногу в колене (рис. 1в). Используя силу вращения, завершить разворот ударом в голову пяткой или стопой (рис. 1г). Все фазы поворота должны выполняться в комплексе, слитно. При этом поворот головы и корпуса на долю секунды опережает вращение бедер, как бы заряжая ногу на удар и тем самым наращивая его силу.

Рубящий удар ногой сверху вниз "экс-кик". Согнув ногу в колене, выслать правую стопу влево к плечу (рис. 2а). Совершить мощное маховое движение слева направо, снизу вверх, одновременно разгибая ногу в колене (рис. 2б). Опустить стопу сверху вниз вертикально на противника (рис. 2в). В случае ответной блокировки и уклона можно увеличить дистанцию за счет разгиба голеностопного сустава (рис. 2г). В момент выхлыста колена идет доворот опорной ноги наружу, бедро ударной ноги выводится вперед. Для увеличения силы удара вес тела при опускании стопы можно перенести вперед, только надо следить, чтобы не было "провала", корпуса: это дает противнику возможность перейти в контратаку.

ЗАЩИТА ОТ УДАРОВ в кикбоксинге строится в основном на боксерской технике. Все защитные приемы выполняются при активной работе ног и корпуса – им, а не рукам уделяет основное внимание опытный спортсмен, отражая атаки противника. Быстрые передвижения по рингу в стороны, назад или вперед увеличивают шансы

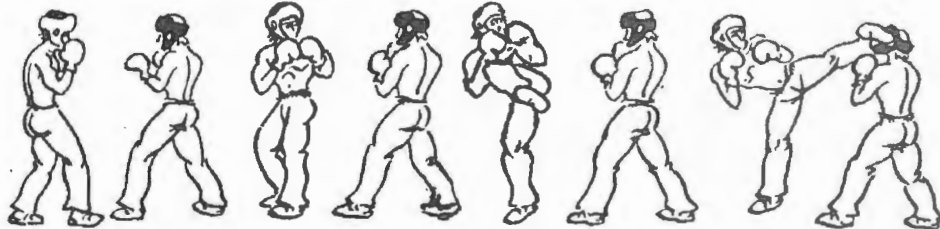

Рис. 1а

Рис. 1б

Рис. 1в

Рис. 1г

избежать акцентированного точного удара со стороны атакующего. Таким образом, динамика — главное отличие систем защиты, применяемых в кик-боксинге и каратэ: в последнем, как известно, отдается предпочтение жестким стойкам и статичной проработке блоков.

Решающие факторы эффективной защиты от ударов руками и ногами — чувство времени и чувство дистанции, которые в значительной мере определяют легкость передвижений по рингу. Это нарабатывается годами — путем тренировочных упражнений, проведения боев по заданиям и вольных боев.

Защита — один из наиболее сложных и важных разделов подготовки высококлассного спортсмена, ведь каждый пропущенный удар может решить исход поединка.

Рассмотрим несколько вариантов защиты от различных ударов руками и ногами. Эти варианты делятся на 4 группы: уклоны, нырки, подставки, отбивы.

Уклон наружу. Исходное положение — боевая стойка: локти закрывают корпус, перчатки — подбородок (рис. 3а). Атака прямым ударом левой рукой в голову. Защита уклоном наружу вправо: туловище наклоняется вправо и вперед, движение уклона производится в

области тазобедренного сустава (рис. 3б). Главное внимание при отработке уклонов следует обратить на то, чтобы туловище находилось вне линии атакующего удара.

Уклон внутрь. Боксеры в той же стойке. Атака прямым ударом левой в голову. Защита уклоном внутрь влево (рис. 4а и 4б). Наклон туловища вперед и отклонение влево могут сочетаться с шагом к противнику. Руки в момент уклона прикрывают голову.

Нырок вправо. Исходное положение — боевая стойка. Атака правым боковым ударом рукой в голову — «хук». Защита нырком вправо (рис. 5а и 5б). После нырка туловище описывает дугу вперед и влево (рис. 5в). Необходимо добиться, чтобы нырок выполнялся за счет сгибания колен и тазобедренного сустава, а не корпуса. Одновременно с нырком можно сделать быстрый шаг вперед левой ногой, тут же придвинув к ней правую. При этом защищающийся приближается вплотную к атакующему, и у того не хватает места для нанесения последующего удара.

Если «хук» наносится правой рукой — нырок делается тоже вправо; при атаке левой — влево.

Подставка перчатки. Атака боковым ударом правой руки — «хук». Защита подставкой перчатки: левый кулак под-

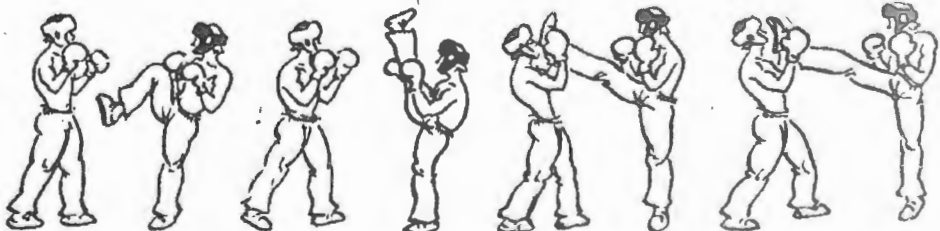
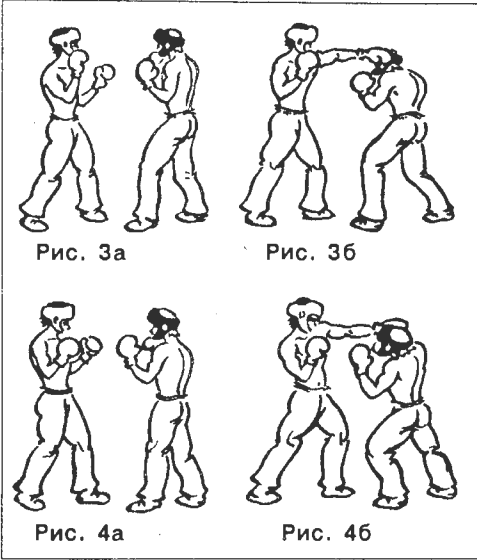

Рис. 2а

Рис. 2б

Рис. 2в

Рис. 2г

нимается до уровня головы — так, чтобы наружная сторона мизинца лежала спереди и сверху уха и касалась последнего; рука сильно согнута в локте, который опускается как можно ниже, чтобы подбородок и левая сторона головы и туловища надежно прикрывались всей рукой (рис. 6). Ни в коем случае нельзя отрывать кисть от уха. Иначе она, подавшись под ударом, может разбить ушной хрящ. При ожидании «хука», нужно следить, чтобы подбородок был опущен к груди и несколько прикрыт выдвинутым вперед плечом с той стороны, откуда наносится удар.

Этот вариант можно использовать и для защиты от кругового удара ногой «раунд-хауз-кик», (рис. 7).

Отбив предплечьем. Атака прямым ударом в корпус. Защита отбивом предплечьем внутрь. Удар отражается с помощью предплечья и кулака в тот момент, когда перчатка противника находится почти у цели. Защищающийся не ударяет по атакующей руке, а выдвигает вперед бедро, соответствующее отбиваемой руке,

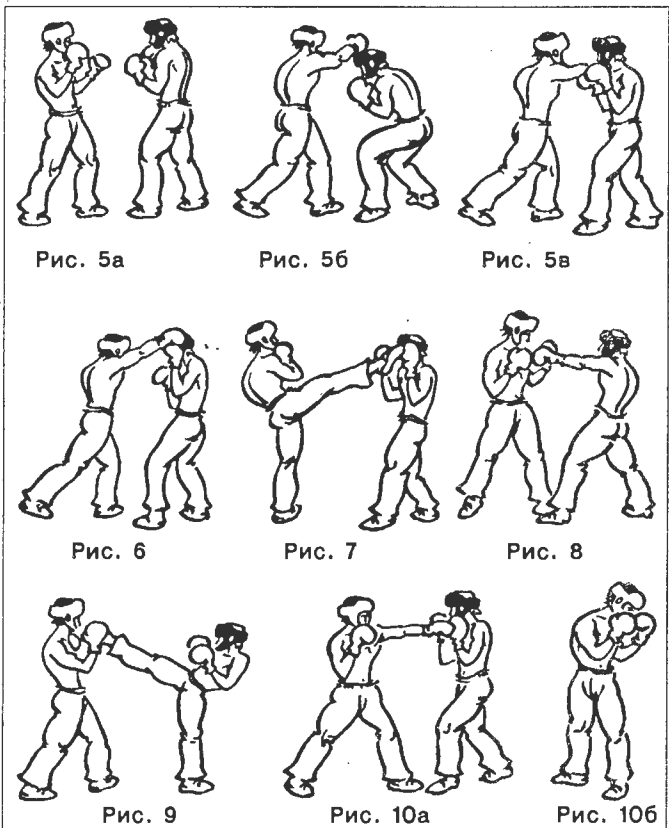
и плечо. Отбив происходит в основном за счет движения таза и корпуса (рис. 8). Противник попадает в очень невыгодное положение, лишаясь возможности нанести последующий удар, так как происходит «завал», корпуса вперед и атакующий попросту «проваливается», с ударом и становится удобной мишенью для контратаки.

Удар левой рукой отбивается правой и наоборот.

Аналогичная защита может применяться от прямого удара ногой «фронт-кик», или кругового удара «раунд-хауз-кик», (рис. 9).

Подставка предплечий. Для защиты используются одновременно обе руки. При нанесении прямых ударов в голову или корпус подставкой предплечий прикрывается фронт (рис. 10а), боковых — фланг (рис. 10б). Двойная защита руками эффективна также при нанесении удара ногой с разворотом «хук-кик».

Использование варианта с подставкой предплечий выгодно тем, что на близкой дистанции фазы нападения и защиты практически неразличимы.

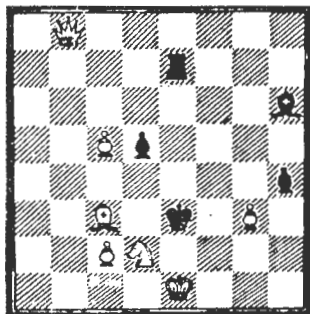

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

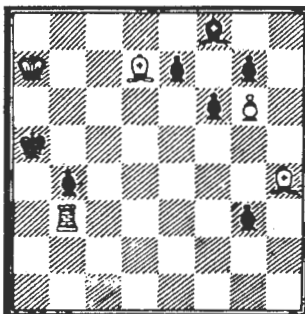
КОНКУРС РЕШЕНИЙ

N 7 (1 балл)

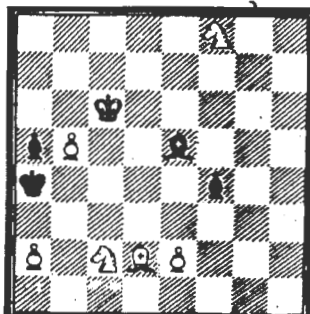
Мат в 2 хода

N 8 (2 балла)

Мат в 3 хода

N 9 (3 балла)

Мат в 4 хода

Наш конкурс продолжается. Срок присылки решений — два месяца после выхода журнала в свет. Решения приводите полностью, со всеми вариантами, кроме двухходовок, для которых достаточно указать первый ход. Письма шлите в адрес редакции с пометкой на конверте — «Шахматный конкурс».

Коллектив против коллектива

Сенсационным был день 14 ноября 1992 года: впервые в истории шахмат игралась всего одна партия, но соперниками в ней были большие коллективы. Белыми командовала аудитория во Франции — 750 человек, сидящих в зале парижского театра, черными — 280 человек в зале московской мэрии (столько пультов для игры было установлено здесь), а также аудитории в одной из московских гостиниц, в Санкт-Петербурге, Смоленске и Омске, составлявшие единый коллектив.

На обдумывание хода давалось две минуты. Каждый участник мог ввести свой ход в компьютер, который определял затем ход большинства и выдавал его на экраны. Психология игры проста: совпадал твой ход с ходом большинства — радуйся, не совпадал — огорчайся.

Телевидение демонстрировало игру. Интерес к каждому очередному ходу был огромный, а высокое качество игры вызывало изумление.

Приводим эту первую в истории шахмат коллективную партию, победу в которой одержала Россия.

Испанская партия. 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. 0-0 Ce7 6. Le1 b5 7. Cb3 0-0 8. c3 d6 9. d4 Cg4 10. d5 Ka5 11. Cc2 c6 12. dc Фc7 13. h3 Ce6! 14. Kbd2 Ф:с6 15. Kf1 Лас8 16. Cg5 b4 17. Ca4 Фb6 18. cb Ф: b4 19. Cd2 Фb6 20. b3 Lfd8 21. Kg3 Kb7 22. b4 d5

23. K: e5 de 24. Фе2 C: b4 25. C: b4 Ф: b4 26. Cc6 Kc5 27. C: e4 Ld2 28. Фf3 Л: a2 29. Kc6 Л: a1 30. Л: a1 Фb7 31. Kd8 Фb2 32. Lb1 Фа2 33. Ld1 Cb3 34. Фf5 Ke6 35. Kh5 Л: d8 36. Л: d8+ K: d8 37. K: f6+ qf 38. Ф: f6 Ke6 39. h4 Cc2 40. Cf3 Фb1+ 41. Kph2 Фb8+ и белые сдались.

Двойной штраф

Как-то в конце пятидесятых годов гроссмейстер М. Тайманов, встретив приехавшего в Ленинград М. Ботвинника, вез его на своей автомашине и превысил скорость. Постовой ГАИ остановил его и, взяв под козырек, потребовал водительские права. Когда стало ясно, что штраф неизбежен, Тайманов в надежде на снисходительность сказал:

— Видите ли, я очень тороплюсь, так как везу чемпиона мира.

Постовой внимательно посмотрел внутрь автомашины и, узнав Ботвинника, сердито воскликнул:

— И чемпиона мира вы смеете везти с нарушением правил?! С вас двойной штраф!

Случаи, афоризмы

Решая этуод, Сидоров проглотил пешку.

— Не волнуйтесь, — воскликнул другой шахматист, — пешка эта проходная!

***

Шахматист в дебюте — ученый, в миттельшпиле — ученый и художник, в эндшпиле — только художник или никто.

000273-Т.К.

Прошу клуб познакомиться меня с добрым и порядочным человеком, желательно военнослужащим, с серьезными намерениями. Мне 25 лет, рост 165, говорят, хорошая хозяйка, очень люблю музыку, да маловато времени на отдых! Я разведена, доченьке моей два года, и хоть жильем мы обеспечены, но трудно нам вдвоем без крепкого и надежного мужского плеча.

Таня.

000305-Л.К.

Надеюсь на знакомство, пусть сначала и по переписке, с жизнерадостным и общительным человеком примерно моих лет или чуть постарше, желательно военнослужащим, которому необходимо женская верность и любовь. Мне 26 лет, рост 168, стройная кареглазая брюнетка, русская, служащая банка. Люблю книги и домашние хлопоты, домоседка. Умею ждать и хочу быть кому-то нужной. Отвечу на все письма, но лучше сразу с фотографией.

Лариса.

000343-И.З.

Рассчитываю, что с помощью вашего, то есть нашего, клуба (потому что я пока воин внутренних войск) найду себе хорошего друга, а может быть, и спутницу жизни. Влюбясь ценю ум, доброту, юмор, умение выслушать и понять собеседника. О себе: 19 лет, рост 185, глаза зеленые, волосы русые, увлекаюсь волейболом, туризмом, играю на гитаре и люблю, чтоб вокруг меня было весело. Пиши-те, девушки, отвечу всем.

Игорь.

000344-Ю.С.

Симпатичная девушка 23 лет, спокойная, отзывчивая, любящая детей, мечтает подарить заботу, верность и любовь офицеру или курсанту последнего курса с таким же характером. Вместе с тем, кого полюблю, перенесу все трудности военной судьбы.

Юлия.

000345-Е.В.

Пока служу в бригаде особого назначения, но, когда выйдет журнал, наверное, уже буду гражданским человеком. Мне 20 лет (рост 174), живу на берегу Тихого Дона. Все говорят, что у меня хороший, спокойный характер, но 2-й разряд по боксу имею и вообще занимаюсь спортом,

За публикацию одного объявления надо выслать почтовым переводом 200 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом отправьте в банк 40 руб., а письмо с заявкой на адрес и квитанцией об оплате — в редакцию.

Если вы хотите опубликовать свое письмо в газете "Ситуация" (приложение к журналу), надо точно так же заплатить за него 200 руб. При публикации объявления одновременно и в газете, и в журнале вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 400, а 360 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 50 руб., при одновременной публикации и в журнале, и в газете — 90 руб., за адрес одного абонента — 20 руб.

Для более оперативного ответа на ваше письмо присылайте, пожалуйста, конверт с вашим обратным адресом.

Заранее приносим извинения — письма без оплаты рассматриваться не будут.

правда, курю. А семейное положение — холост. Поэтому и думаю в нашем клубе познакомиться с девушкой примерно моего возраста и очень симпатичной.

Евгений.

000346-Е.Д.

Мне 18 лет (рост 160), работаю учителем, интересы разносторонние, люблю детей, добрая, отзывчивая, внешность приятная. Буду рада содержательному письму от надежного, порядочного парня, желательно военнослужащего срочной службы. Отвечу на все письма, но лучше с фотографией.

Лена.

000347-А.Б.

Прочитав мое письмо, девчонка, которая ищет счастье, может считать, что она его нашла! А что? Мне 19, рост 175, спиртным не увлекаюсь и других сильно вредных привычек нет, телосложения крепкого, занимаюсь боксом в свободное время, внешность... про это парням распространяться вроде неловко, но фото могу выслать. Скажете, расхвастался? Ну, может, и так... А что, если я так считаю? Вот и выясним это с той, которая мне ответит, не сильно гордой и заносчивой, обыкновенной хорошей девушкой. Да! Еще я собираюсь остаться на сверхсрочную, но пока раздумываю. Может, подумаем вместе?

Александр.

000348-Л.Я.

Не боюсь никаких трудностей, кроме одиночества. Серьезная, спокойная и ответственная, выгляжу намного моложе своих лет, а мне 37 (рост 170). Увлечения очень разнообразные — фото, книги, техника, музыка — я хорошо пою. Познакомлюсь с настоящим мужчиной — надежным, щедрым, равнодушным к спиртному, неплохо, если он военнослужащий 30 — 40 лет и ростом выше 172.

Людмила.

000349-С.К.

Хочу познакомиться с хорошей и верной девушкой 21 — 26 лет, которая согласится стать для меня ласковой и доброй женой. Мне 23 года, рост 165, родился под знаком Тельца. К сожалению, со здоровьем проблемы — инвалид второй группы. Живу и работаю в Москве. По характеру добрый, спокойный и отзыв-

чивый человек, люблю книги, современную музыку, кино, вредных привычек нет.

Сергей.

000350-И. В.

Жду письма от курсанта последнего курса или молодого офицера, которому нужна добрая, веселая, любящая детей спутница жизни, готовая последовать вместе с ним в любую самую далекую точку страны. Мне 21 год, выпускница педагогического института, стройная, высокая, кареглазая брюнетка, москвичка. Пусть мне ответит надежный, порядочный человек, офицер по призванию, а не только по диплому. И высокий!

Инна.

000351-А. К.

Раньше служил в спецназе, побывал во многих горячих точках страны, после ранения служу в более спокойном подразделении, но тоже во внутренних войсках. Мне 19 лет (рост 172), в совершенстве владею приемами рукопашного боя, а более подробно расскажу о себе доброй и ласковой девушке, которая напишет мне (желательно с фотографией).

Андрей.

000352-В. Ц.

Женщина 32 лет, рост 165, без детей, но мечтающая их иметь, на доброе отношение к ней, преданность и заботу ответит тем же человеку мужественной профессии в возрасте до 40 лет, чуткому, умному и верному (а кто он будет — офицер, прапорщик, сверхсрочник — неважно). Сама я по профессии техник связи, а в свободное время увлекаюсь вязанием, музыкой.

Валентина.

000353-А. Д.

Надеюсь в вашем клубе найти свою судьбу, помогите, пожалуйста. Только напечатайте, как написал, не хочу никого обманывать: мне 22 года, служил в спецназе, остался на сверхсрочную. Груб, самовлюблен, непокладист. Девчонки, но я тоже хочу убедиться, что настоящая любовь не только в книгах. Вот так и опубликуйте, может, найдется та единственная моя, ведь я, правда, никого и никогда еще не любил!

Алексей.

000354-В. П.

Впервые взяла в руки ваше издание и прочитала о клубе "Возможна встреча".

Вижу, что вы реально помогаете одиноким людям. А мне сейчас так тяжело одной... Только вот писать о себе не умею. Родилась под созвездием Скорпиона, мне 22 года (рост 165), воспитываю одна дочку, ей два с половиной годика. Я голубоглазая, не красавица, но и не уродина, материально и жильем не обеспечена, трудности не страшат. Буду рада познакомиться с военнослужащим не старше 35 лет (повыше меня!), который ценит бы верность и заботу, любил бы детей и мечтал о сыне. Буду признательна за письмо с фотографией и свою вышлю тоже.

Валя.

000355-А. Т.

Осенью увольняюсь в запас, и чем буду заниматься в мирной обстановке — пока не знаю. Мне 19 лет (рост 175), говорят, что добрый, симпатичный и веселый. В людях ценю чувство юмора, увлекаюсь современной музыкой, кино, видео, туризмом, очень люблю природу, а где ею и любоваться, как не в походах! Хотел бы познакомиться с веселой,стройной девушкой 16 — 20 лет, умеющей ценить верность и готовой разделить со мной и трудности, и радости жизни.

ТАВ.

000356-С. П.

Вполне симпатичный парень 23 лет (рост 177) хотел бы познакомиться с красивой девушкой не старше 23 лет, можно с ребенком (я сам очень люблю детей), которая согласится стать верной и надежной спутницей в жизни, разделит со мной все трудности военной службы на Севере. Я русский человек, крепкого телосложения, нелюдский, родился в год Собаки под созвездием Овна, обладаю всеми качествами, присущими людям этого знака Зодиака. Жду.

Сергей.

000357-В. Х.

Служу на Украине второй год. Мне 19 лет. Увлекаюсь современной музыкой, радиотехникой, рыбалкой. Ценю в людях чувство юмора, да и сам я парень веселый, со мною не соскучится веселая, стройная, милая девушка 16 — 19 лет, ростом не выше 170. Отзовитесь, красавицы!

Валик.

000358-Е. К.

Обыкновенный русский парень в свои двадцать лет почти потерял веру в то, что девушки умеют ждать, и будет очень рад письму (желательно с фотографией) той девушки, которая докажет ему обратное.

Евгений.

000359-А. Д.

"Возможна встреча", помоги познакомиться с привлекательной, а главное, доброй и верной девушкой! Читаю письма участников клуба и очень понимаю тех, кого когда-то не дождалась или обманули. Сам я тоже получил такой урок от жизни, не в обиду всем девушкам будь сказано. Но время проходит, заживают душевные раны, и я надеюсь на встречу с той, которая станет для меня надежной подругой. Мне 22 года, рост 185, русский, уралец, сверхсрочник, служба суровая, легкой жизни не обещаю. Любимые мои занятия — охота и домашнее хозяйство (!).

Андрей.

000360-Н. З.

Сегодняшняя наша жизнь с вечными политическими спорами, неразрешимыми экономическими вопросами, пустыми кастрюлями кажется мне скучноватой. Хотелось бы в вашем клубе найти веселых, юморных друзей, которые ценят смех и шутку, но на жизнь смотрят серьезно и стремятся в будущем добиться многого. Желательно, конечно, чтобы это были военнослужащие, еще лучше — курсанты военного училища: считаю, что это верные и надежные парни. А мне 21 год, ростом невеличка — 155, закончила полиграфический техникум, живу и работаю в Москве.

Надя.

000361-С. Б.

В этом году заканчиваю высшее военное училище, неплохо знаю английский. Мне 20 лет, красивый, обладаю чувством юмора, немного склонен к авантюризму, но при этом человек довольно серьезный. Верю в случай и удачу. Мои дальнейшие жизненные планы не ограничиваются службой в армии. Буду рад познакомиться с умной, красивой,стройной, спортивного склада девушкой 17 — 19 лет. Постараюсь ответить на все письма с фотографией.

Сергей.

ПЕРВАЯ ЧАСТНАЯ ТЕЛЕКОМПАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ, СОЗДАН-
НАЯ НА БАЗЕ ПКАО «ВИДЕОФАКС»,

ПРЕДЛАГАЕТ:

- предпринимателям и частным лицам – изготовление рекламных, презентационных видеофильмов на профессиональной аппаратуре формата «Betacam»;
- начинающим музыкантам и профессиональным исполнителям – съемку видеоклипов или музыкальных фильмов.

Приоритетным направлением деятельности ПКАО «Видеофакс» является создание видеотеки финно-угорского фольклора, накопление видеоинформации по обрядам и верованиям народов финно-угорской этнической группы, в которую входят мари, карелы, ханты, финны, венгры, мордва и др. Желающие внести свой вклад в возрождение культуры малых народов – милости просим к нам.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ВИДЕОФАКС»

Реклама на профессиональном носителе позволяет экономить значительные средства, оплачивая на любой телестанции России, СНГ и т.д. только эфирное время для проката рекламы. Наши связи с ЮНЕСКО и рядом зарубежных телекомпаний – отличный шанс для вас выйти на внешний информационный рынок.

Наш адрес: 424031, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Чехова, 73А.
Контактный телефон: 6-23-46.

НАШИ ЦЕНЫ НИЖЕ, ЧЕМ В МОСКВЕ
И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
НЕ УПУСТИТЕ
СВОЙ ШАНС!

**ВАША РЕКЛАМА
В ЖУРНАЛЕ**

НА БОЕВОМ ПОСТУ

107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8,
тел.: 361-81-71, 361-82-57.
Наш расчетный счет №340616
в коммерческом банке
«Лефортовский» г.Москвы,
МФО 201207

**ПУТЬ
К ВАШЕМУ УСПЕХУ**

Журнал «На боевом посту», – военно-публицистическое и литературно-художественное издание. Учредителем его является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Издатель – Главное управление командующего внутренними войсками МВД России.

Журнал издается ежемесячно. Распространяется в розницу и по подписке, подписной индекс – 70610. Имеет еженедельное приложение – газету «Ситуация», подписной индекс – 50157.

Приоритетными проблемно-тематическими направлениями журнала и газеты являются: информирование широкой читательской аудитории о роли и месте внутренних войск в системе правового государства; формирование объективного общественного мнения по всему спектру проблем их жизни и деятельности; отражение практики работы органов внутренних дел МВД России, сил правопорядка других государств Содружества.

Широко освещаются в журнале и газете страницы истории Отечества, находят отражение экономические, политические и социальные проблемы современности. Любителям художественной литературы предоставляется хорошая возможность ознакомиться с новыми произведениями советских и зарубежных писателей.

Журнал распространяется не только в России и государствах СНГ, но и в странах Западной Европы, Америки, Азии и др.

Редакция предоставляет всем желающим услуги по размещению на страницах своих изданий рекламы. Среди наших рекламодателей – крупные производственные объединения, фирмы, как отечественные, так и зарубежные.

Предлагаемая стоимость рекламы в 1993 году:

- 2-я с. обложки журнала – 85 тысяч рублей;
- 3-я с. обложки журнала – 85 тысяч рублей;
- 4-я с. обложки журнала – 95 тысяч рублей;
- цветные вклейки в журнале (одна полоса) – 85 тысяч рублей;
- внутренние (черно-белые) полосы журнала – 50 тысяч рублей;
- полоса в газете «Ситуация» – 50 тысяч рублей (60 рублей за кв.см, или 4 рубля за типографский знак – для небольших объявлений);
- надбавка за подготовку, перевод, редактирование рекламного материала, художественно-графическое оформление – 15 проц. от стоимости рекламы;
- надбавка за срочность – 50 проц.;
- скидка для повторных публикаций – от 4 до 10 проц.

Стоимость рекламы в каждом конкретном случае определяется договором.

ПРИМЕЧАНИЕ. В случае возможного повышения цен на бумагу, полиграфические работы и иные расходы, влияющие на себестоимость продукции, редакция оставляет за собой право пропорционально увеличивать стоимость рекламы с обязательным предварительным уведомлением заказчика.